К77 2/132
в.10

656

Г 947/4 К77 2 132 № 213
3014

ЦАРСТВУЮЩІЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ

ВЫПУСКЪ X

ЦАРЬ ОСВОБОДИТЕЛЬ

С. Д. АРСЕНЬЕВОЙ

Съ портретомъ Государыни Императрицы, съ 11-ю картинами и 15 рисунками въ текстѣ

ИЗДАНІЕ УЧИЛИЩНАГО СОВѢТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ

САМАРСКІЙ Учительскій Институтъ УЧЕНИЧЕСКАЯ Библіотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сунодальная Типографія
1912

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1455871 м

Ея Императорское Величество Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА
съ Августѣйшимъ сыномъ Ея Величества, нынѣ благополучно царствующимъ
Государемъ Императоромъ НИКОЛАЕМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ.

Ея Императорскому Величеству

Государынѣ Императрицѣ

Маріи Ѳеодоровнѣ

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

всепреданнѣйше посвящаетъ

авторъ.

I.

Снова смута на берегахъ Вислы.

УЖЕ темнѣло. По плохо мощенымъ улицамъ одного изъ нашихъ приволожскихъ городовъ, подъ проливнымъ дождемъ, осторожно пробирались крытыя дрожки. Внимательный кучеръ пробовалъ было очень старательно объѣзжать особенно большія рытвины, но это ему плохо удавалось. Не близкій былъ путь. Сѣдокъ, изъ-за фартука, отрывисто, внятно командовалъ то «вправо,» то «влѣво» и наконецъ выговорилъ «стой» передъ запертыми воротами и высокимъ заборомъ.

Съ облегченнымъ сердцемъ остановилъ возница своего выхоленнаго иноходца,—видимо, ему было жаль тревожить красивое животное въ такую погоду, подъ такимъ дождемъ. Сѣдокъ высокій, стройный, въ военной шинели ловко выскочилъ и привычнымъ движеніемъ нажалъ ручку калитки, ведущей на просторный, чистый дворъ, скорѣе похожій на палисадникъ,—такъ красиво были разбросаны на немъ пестрыя клумбы цвѣтовъ и кустарниковъ, между которыми отъ воротъ прямо къ небольшому дому вела отлично убитая дорожка.

Ставни были плотно закрыты, хотя ночь еще не наступала. Осторожно дернулъ пріѣзжій за блестящую мѣдную ручку звонка. Послышались ровные шаги, неслышно повернулся ключъ въ замкѣ, дверь точно сама собою распахнулась, и на порогѣ показался плотный, кругленькій мужчина лѣтъ сорока въ длинномъ черномъ одѣяніи, въ родѣ подрясника—только безъ пояса. Безбородый, безусый, начисто выбритый и совсѣмъ плѣшивый, онъ былъ самымъ типичнымъ ксендзомъ, какихъ только можно видѣть въ нашихъ большихъ городахъ, гдѣ всегда есть костелъ, несмотря на всѣ розсказни о нашей злостной вѣронетерпимости.

— «Пану Болеславу мой привѣтъ», сказалъ онъ, ставя на столъ зажженную свѣчу въ бронзовомъ подсвѣчникѣ превосходной работы.

— «Пану ксендзу», снимая военную фуражку, низко-пренизко кланяясь, сказалъ вошедшій. Онъ ловко сбросилъ шинель, повѣсилъ на прекрасно отполированную вѣшалку и спросилъ отчетливо, правильно говоря по-русски: «Чѣмъ могу служить?»

— «Пойдемъ до кабинета, пане добродію, тамъ уютно, покойно; мы можемъ по душѣ переговорить о всемъ, что такъ близко нашимъ правовѣрнымъ сердцамъ». И онъ, переставивъ свѣчу на столъ въ слѣдующей комнатѣ—пріемной или зальцѣ, прошелъ впередъ, отворяя дверь въ дѣйствительно преуютную комнату—«лабораторіумъ», какъ любятъ ксендзы называть свои кабинеты. Мягкій коверъ застилалъ крашеный полъ, зеленыя, рисованныя гардины клали на все колоритъ мягкаго полусвѣта, прикрывая большія окна, на которыхъ цвѣли запоздалыя розы, олеандры, левкои, резеда. Письменный столъ внушительныхъ размѣровъ, освѣщенный висячею лампою подъ мо-

лочнымъ колпакомъ, былъ покрытъ бумагами, книгами и замѣчательно изящными письменными принадлежностями, добытыми, конечно, если не за границей, то въ лучшихъ петербургскихъ магазинахъ. На полу передъ широкой оттоманкой, разстилалась роскошно выдѣланная медвѣжья шкура. По одной стѣнѣ были протянуты полки съ рядами книгъ аскетическаго, духовнаго содержанія въ желто-бѣлыхъ переплетахъ изъ телячьей кожи, отъ которыхъ вѣяло почтенной стариной. На другой стѣнѣ былъ вдѣланъ, какъ бы въ нишѣ, прекрасный крестъ чернаго дерева и на немъ изображеніе Распятаго Спасителя изъ слоновой кости, замѣчательно художественной работы. По бокамъ Распятія висѣло нѣсколько отличныхъ гравюръ религіознаго содержанія. На каминѣ, въ которомъ привѣтно трещали еловыя шишки, красовались двѣ рѣдко изящныя бронзовыя статуи Джузеппе Гарибальди и Тадеуша Костюшка. Въ глубинѣ комнаты виднѣлся съ высокимъ подколѣнникомъ аналой и на немъ требникъ въ дорогомъ переплетѣ, двѣ вазочки искусственныхъ цвѣтовъ и между ними художественная бѣлая статуя Богородицы, а по сторонамъ на стѣнѣ отличныя гравюры: изображенія Остробрамской и Ченстоховской Божіей Матери. Надъ самымъ же письменнымъ столомъ, въ золотыхъ блестящихъ рамахъ висѣли два портрета Императоровъ Николая I и Александра II.

— «Сядемъ около камина, дорогой мой, и разопьемъ бутылочку стараго венгржина. Я дамъ пану добрую цыгару, а тамъ и о дѣлѣ будемъ толковать».

— «А по моему, такъ сразу до дѣла, пане ксендже!» И слышался звукъ нетерпѣнія въ голосѣ гостя. По осанкѣ и манерѣ пріѣзжаго, какъ онъ,

снявъ свою саблю, поставилъ ее въ уголъ, какъ передернулъ плечами и сѣлъ въ одно изъ старыхъ дѣдовскихъ креселъ, стоявшихъ у камина, можно было безошибочно сказать, что онъ и воспитанникъ русскаго кадетскаго корпуса и офицеръ одного изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ, но его мундиръ и польскія выраженія, прорывавшіяся въ его рѣчи, поставили бы рѣшительно въ тупикъ каждаго, кто бы увидѣлъ его въ этотъ вечеръ. У поляка, да еще у католическаго ксендза былъ въ гостяхъ и чувствовалъ себя дома никто иной, какъ жандармскій полковникъ русской службы. Какая обязанность, какая нужда завлекла его въ такую погоду, въ такой часъ къ ксендзу—настоятелю мѣстнаго костела? Видимо, ему было обычно переступать этотъ порогъ, сидѣть въ этомъ старомъ вольтеровскомъ креслѣ, вести бесѣду съ полякомъ-ксендзомъ, за которымъ, какъ ни какъ, а по долгу службы ему не мѣшало бы и присматривать.

— «Терпѣніе, терпѣніе, муй коханый брацишку», отвѣчалъ хозяинъ, ставя передъ гостемъ темную, запыленную бутылку стародавняго вина. «Терпѣніе», повторялъ онъ себѣ подъ носъ, неторопливо обтирая и откупоривая бутылку съ чистой золотой влагой, столь любимой всѣми поляками.

— «Но вы же, однако, сами написали два вѣскія слова: «спѣшно, осторожно».

— «Осторожно—это нашъ девизъ, никогда не лишнее намъ его вспоминать. Ну, а спѣшно... да какъ же было его не прибавить? утромъ вы были на званомъ завтракѣ у предводителя, потомъ на обѣдѣ у его превосходительства господина начальника губерніи, а тамъ, слыхать, ужинъ затѣвается въ клубѣ:

въ немъ, конечно, вы примете участіе, потому что, кромѣ свѣтскаго удовольствія, ваша видимая, показная служба обязываетъ васъ быть тамъ, гдѣ бываетъ все начальство. Такъ?»

Жандармъ слушалъ напряженно и въ тактъ кивалъ головой.

— «Ну, а ваша дѣйствительная, святая служба развѣ тоже не обязательна вамъ, доблестный сынъ дорогой ойчизны, гонимой, обижаемой врагами»?

— «А развѣ я что-нибудь упустилъ?» обиженно спросилъ жандармъ. «Развѣ приключилось что, чѣмъ я не освѣдомленъ? Или что запамятовали доложить велелѣбному пану канонику?» продолжалъ онъ горячиться, но все же слышалась въ голосѣ и опаска, какъ бы не прогнѣвать хозяина.

— «Да нѣтъ же», усаживаясь, какъ можно, ближе къ гостю, тихо дотрагиваясь обѣими ладонями до его колѣнъ и пытливо и ласково засматривая ему въ глаза, таинственно-серьезнымъ голосомъ заговорилъ ксендзъ. «Нѣтъ же, панъ добродѣй, совсѣмъ нѣтъ, но, чтобы этого и впредь не было, какъ не было до сихъ поръ, я обязанъ вамъ сообщить, что получилъ отъ бискупа изъ зарубежнаго края маленькую цедулку: я вѣдь писалъ туда». И онъ вставъ отперъ красивое бюро краснаго дерева съ инкрустаціями, подавилъ незамѣтную пружину, раскрывшую потайной ящикъ, и вынулъ оттуда объемистый конвертъ.

— «Вотъ что приложилъ бискупъ къ своему письму», и онъ развернулъ карту Россіи, прекрасно оборудованную опытной рукой.

— «На ней ясно видно, гдѣ, въ какихъ именно мѣстахъ наше просвѣщенное вліяніе всего успѣшнѣе дѣйствуетъ, раздражая населеніе, объясняя статьи

новаго «Положенія» такъ, чтобы безграмотныя массы поняли, какъ обманываютъ ихъ, какъ обираютъ чиновники вопреки прямому закону».

— «Хочу только замѣтить вамъ, велелѣбный пане ксендже, мы должны твердо помнить, что, хотя на картѣ и отмѣчены мѣста, заполоненныя, повидимому, нашимъ вліяніемъ, но этому довѣрять очень нельзя. По моему, ошибаются наши, надѣясь поднять народъ; развѣ мастеровыхъ, бывшихъ дворовыхъ, пролетаріатъ —да, но ихъ сравнительно такъ мало. При сколькихъ бунтахъ мнѣ ни приходилось присутствовать, какъ бы безтактно, строго ни дѣйствовали власти, я, то и дѣло, слышалъ отъ мужиковъ въ отвѣтъ на ружейную пальбу прочувствованное выраженіе: «наша кровь царская, мы царскіе,» и падаютъ подъ пулями равнодушно, спокойно, считая виноватыми тѣхъ, кто бьетъ царскую собственность! Ихъ поднять противъ Царя немыслимо».

— «И не надо, совсѣмъ не надо! Намъ это только на руку», потирая руки отъ удовольствія, затараторилъ ксендзъ. «Это великолѣпно! Наши эмиссары, т. е. экономы, арендаторы панскихъ имѣній, факторы—евреи знаютъ свое дѣло, знаютъ, чѣмъ они могутъ служить ойчизнѣ, и сумѣютъ крѣпко внушить народу, кто его враги,—значитъ, и царскіе. Царь все приказалъ дать, а паны лиходѣи не согласны, противятся ему, обижаютъ его людей,—смерть имъ! И встанутъ на защиту себя противъ ослушниковъ царскихъ! Они встанутъ, кровь польется, надо же усмирить, успокоить страну. Помяните, что не до насъ тогда, не до нашей бѣдной ойчизны будетъ правительству. Лишь бы поднялись во время, въ разныхъ краяхъ»!

— «Чтобы увеличить затрудненія правительства, надо бы развѣнчать авторитетъ начальства среди солдатъ, поколебать дисциплину!» тихошенько, чуть не шепталъ полякъ въ формѣ русскаго жандармскаго офицера.

— «О! объ этомъ ужъ давно позаботились! Вотъ что добавляютъ въ письмѣ къ разсказу объ экзекуціи въ имѣніи князя Урусова: «Между тѣмъ, въ глубокой темнотѣ, около солдатскаго бивуака, тайно, незамѣтно и въ высшей степени осторожно шныряла какая-то невѣдомая личность, которую трудно было разглядѣть въ густомъ и мглистомъ мракѣ. Часовые и дежурные легко могли принять ее за какого-нибудь своего же проснувшагося солдатика, тѣмъ болѣе, что невѣдомая личность эта была одѣта во что-то странное—не то въ родѣ крестьянской сермяги, не то солдатской шинели. Въ теченіе получаса этотъ шнырявшій человѣкъ, то тамъ, то здѣсь, въ разныхъ концахъ бивуака, осторожно подбрасывалъ какіе-то свернутые листы—не то газеты, не то какого-то приказа станового или исправника».

— «А! это— прокламаціи!» опять шепоткомъ перебилъ офицеръ. «Прекрасно, превосходно, такъ имъ и надо. Ну, а что писано въ цедулѣ бискупа?» спросилъ онъ съ чисто женскимъ любопытствомъ.

— «Сначала поясняетъ, какъ на картѣ нарисованы все расходящіеся круги возбуждаемаго нами народнаго волненія. А напослѣдокъ посылаетъ наставленіе: «Недоразумѣнія между хлопами и панами, вслѣдствіе царства тьмы и дьявола, должны еще сильнѣе осложняться по забранному краю *). Паны,

*) Этимъ выраженіемъ отмѣчались Литва, Бѣлоруссія и Малороссія.

какъ добрые обыватели, остаются въ сторонѣ, дѣло должно идти черезъ посессоровъ, экономовъ, арендаторовъ. Они должны внушать народу самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ, что паны рады бы дать хлопамъ больше воли и земли, да Москва мѣшаетъ. Москали не хотятъ намъ воли! Озлобленіе на правительство Московское, по свѣдѣніямъ нашимъ, сильно растетъ между хлопами». При этихъ словахъ письма, жандармъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе плечами.

— «Вѣрьте, вѣрьте!» отвѣчая на этотъ жестъ, сказалъ ксендзъ, глядя ему въ глаза.

— «Если и поднимутся, то не всѣ», ворчалъ гость.

— «Часть убѣжденно—часть отъ страха пойдетъ до лясу», уговаривалъ ксендзъ.

— «Малая часть убѣжденно; съ нею евреи, чтобы поживиться. Толпа же будетъ безцѣльно бѣгать съ косами, а кто такъ и прямо выдастъ своихъ врагу».

— «Не сразу мы успѣемъ окрѣпнуть, за насъ встанетъ Европа!» горячился хозяинъ.

— «Это другое дѣло», передохнувъ, отвѣчалъ ему жандармъ. «Лишь бы встала въ серьёзъ».

— «Евреямъ надо пообѣщать права жительства по всей вражьей землѣ», говорилъ ксендзъ.

— «Т. е. иностранные кабинеты должны на этомъ настаивать. За то наши жиды—у! какъ должны держать ухо востро, ни въ чемъ не попадаться. А они всюду снуютъ въ забранномъ краѣ.

— «Они самыя ловкія ищейки, комиссіонеры; они то и служатъ такъ прекрасно распространенію подметныхъ плакатовъ да возмутительныхъ цедулокъ».

— «И не стѣснятся, повѣрьте, во-время перебѣжать къ врагу.»

— «Не успѣютъ. Читали да и видите, что на Волгѣ бродитъ непокойный духъ, что доходятъ уже до экзекуціи; ожесточатъ же наконецъ это тупое быдло,—народъ! У насъ, по цедулкѣ, неусыпно трудятся добрые патріоты, преимущественно же ратуютъ святые костелы, и ихъ труды увѣнчиваются успѣхомъ. Наконецъ и кабинеты заговорятъ. Какъ хочешь, пане добродѣю, дѣло движется, движется!» поднимая глаза къ Распятію и набожно складывая руки, говорилъ ксендзъ.

— «И дай, Боже, дай, Боже»!—вторилъ ему жандармъ, крестясь слѣва направо. «Лишь бы дожить до добраго конца, свѣтлаго дня освободженія ойчизны и гибели ненавистныхъ москалей».—Но въ его голосѣ все же слышалось недовѣріе. Бывшій кадетъ, приглядѣвшійся къ намъ, воспитанный на нашъ счетъ, онъ, пожалуй, неясно, но все же ощущалъ, что, повидимому, мягкіе и благодушные, мы, однако же, можемъ быть сильны въ умѣлыхъ рукахъ. Оттого то у него и являлись сомнѣнія въ успѣхѣ дѣла, родного, дорогого его польской душѣ, его католическимъ вѣрованіямъ, но трудно осуществимаго, если трезво взглянуть на него съ холоднымъ вниманьемъ разсудка. —«По моему, вся сила въ кабинетахъ», твердилъ онъ, и все же съ большимъ усердіемъ и ловкостью помогалъ ксендзу въ его работѣ разрушенія нашихъ устоевъ, развитія смуты, а если имъ посчастливится, то и распаденія ненавистной Россіи, которая его и его соотчичей воспитывала, брала на службу, награждала и относилась съ полнымъ довѣріемъ и искреннимъ доброжелательствомъ!

II.

Когда волненія учащейся молодежи въ городахъ и шумъ неповиновенія освобожденныхъ крестьянъ по деревнямъ дошли до колоссальныхъ размѣровъ, когда запылалъ Петербургъ, нашимъ несчастнымъ администраторамъ пришлось волей-неволей оставить свои мечтанія, трезво взглянуть на горе родины, вдуматься въ непріятныя для нихъ указанія на происхожденіе смуты и неоспоримо узнать ихъ творцовъ, вдохновителей! Тогда было уже невозможно отдѣлить варшавскіе уличные безпорядки отъ бунтовъ крестьянъ на Волгѣ или Волховѣ и студенческихъ неповиновеній въ университетахъ. Чувствовалась одна рука во всемъ этомъ зломъ дѣлѣ. На наше горе, умеръ въ Варшавѣ намѣстникъ графъ Паскевичъ, другъ Императора Николая I, много лѣтъ непоколебимо твердо правившій страной. Поляки стали постепенно какъ бы окрыляться, поднимать голову, забывать слова Государя Александра Николаевича, сказанныя депутатамъ еще въ 1856 году:

— «Господа, я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный наилучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего я долженъ сказать, что необходимо выяснить взаимное наше положеніе. Я заключаю васъ въ своемъ сердцѣ такъ же, какъ и финляндцевъ и прочихъ моихъ русскихъ подданныхъ, но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. И такъ, прежде всего оставьте, господа, мечтанія. Тѣхъ, кто захотѣлъ бы остаться при нихъ, я сумѣю сдержать, сумѣю воспрепятствовать ихъ мечтамъ выступать изъ предѣловъ во-

ображенія. Счастье Польши зависитъ отъ полнаго сліянія ея съ народами моей Имперіи. То, что сдѣлано моимъ отцомъ, хорошо сдѣлано, и я поддержу его дѣло. Финляндія и Польша одинаково мнѣ дороги, какъ и всѣ прочія части моей Имперіи. Но вамъ нужно знать, для блага самихъ поляковъ, что Польша должна пребывать навсегда въ соединеніи съ великою семьею русскихъ Императоровъ!»

Такъ вотъ нѣтъ же, не хотѣли быть въ нашей семьѣ заядлые сыны прежней Рѣчи Посполитой. Не хотѣли бросить мечтаній. Возвести снова свою ойчизну на степень отдѣльнаго государства мнили кичливые ляхи. Да еще въ какихъ границахъ! Мало было имъ чисто польскихъ земель, дарованныхъ Европой Россіи въ 1815 году по Вѣнскому конгрессу! Подавай еще и не польскія земли—Литву, Жмудь, Бѣлоруссію и Малороссію! Отдавай Кіевъ, матерь городовъ русскихъ! Только о Познани и Галиціи, доставшихся при послѣднемъ раздѣлѣ Пруссіи и Австріи, никто не заикался. Одна православная Россія, по ихъ мнѣнію, должна поступаться своимъ роднымъ добромъ! Того хотятъ ксендзы и бискупы, того требуютъ ихъ послушные сыны католики-ляхи. Мечтали паны, подъ звуки костельныхъ органовъ, вопреки предложенію Монарха Самодержца, а при мягкомъ, рыцарски-довѣрчивомъ замѣстителѣ твердаго, суроваго графа Паскевича, ужъ и совсѣмъ закусили удила! Проснулся змій, воспѣтый талантливымъ Мицкевичемъ.

«О море! спятъ въ минуту непогоды
Чудовища твоихъ глубокихъ водъ.
Такъ и во мнѣ тревожный змѣй живетъ;
Онъ долго спитъ... Проходятъ дни и годы,
Но, чуть блеснетъ коварный лучъ свободы,
Проснется онъ и кольца разовьетъ».

Проснулся Ляхъ и развилъ кольца возстанія и измѣны по нашей бѣдной родинѣ. Затрещалъ нашъ старый жизненный укладъ! Правительство трудилось надъ мирнымъ развитіемъ страны, а врагъ, желавшій ловить рыбу въ мутной водѣ въ свою пользу, заполнялъ своими служителями не только петербургскіе салоны, но и министерства, а главное—редакціи. Печатное слово,—всегда очень сильное орудіе,—перешло въ руки нашихъ враговъ, и мы, благодушные, довѣрчивые, на многое смотрѣли глазами печатныхъ листовъ, понимали факты, какъ было угодно ихъ освѣтить нашимъ недругамъ. Подъ предлогомъ развитія земледѣлія, промышленности, благосостоянія края, вожаки движенія основали въ Варшавѣ «Земледѣльческое Общество», подъ предсѣдательствомъ графа Замойскаго, вожака и главаря всемогущей шляхетской партіи. Его всѣ любили: русскіе, поляки, жиды; высшій слой и низшій, умѣренные и ничѣмъ недовольные.

На углу двухъ самыхъ нарядныхъ, людныхъ улицъ Варшавы—Новаго Свѣта и Краковскаго Предмѣстья—красовался великолѣпный домъ графа Андрея, мѣсто сборища самыхъ ярыхъ сыновъ ойчизны. Подолгу за бутылкой добраго дѣдовскаго вина засиживались тамъ братья по взглядамъ, по чувствамъ, по рожденію, развитію да и по карману. Ихъ собственный печатный органъ — «Польская газета» очень много говорила о необходимости улучшить благосостояніе края, размножить фабрики, заводы, улучшить сельско-хозяйственный бытъ, но, главное, напиралъ на необходимость открытія школъ, пріютовъ, народныхъ библіотекъ для образованія и воспитанія народа, низшей братіи. Ей энергично вторило въ Петербургѣ

«Слово», органъ умнѣйшаго поляка—чиновника Министерства финансовъ, измѣнника Огрызка.

Конечно, если и не всегда охотно, то все же на эти начинанія «Земледѣльческаго Общества», среди членовъ котораго было такъ много его старыхъ хорошихъ знакомыхъ, князь М. Д. Горчаковъ, какъ намѣстникъ, не могъ не давать разрѣшенія. Всѣ рѣчи, всѣ постановленія Общества были вѣдь весьма гуманны, отъ нихъ вѣяло стремленіемъ къ просвѣщенію и вмѣстѣ евангельской любовью къ ближнимъ!.. На это доброе дѣло такъ щедро тратили свои богатства тороватые ляхи! Не идти же противъ такой видимой, общественной пользы? А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ воздухѣ чувствовалось уже что-то странное, неопредѣленно тягостное. Какъ будто, что-то должно было случиться. Что-то чудилось неловкое... Страшно выговорить: не доброе, злое надвигалось на страну, и это при самомъ доброжелательномъ Самодержавномъ Монархѣ! Миролюбивый М. Д. Горчаковъ предупреждалъ петербургскихъ заправилъ, чтобы они насторожились, подтянули польскихъ доброхотовъ изъ своей среды,— куда! Вѣрить ни чему не хотѣли!

— «Мнѣ придется стрѣлять картечью!» слалъ онъ вѣсти съ береговъ Вислы, а ему отвѣчали, что онъ ошибается. На горе намъ, онъ не ошибался, а вотъ Петербургъ-то не прозрѣвалъ!

Прошелъ слухъ, что Варшаву посѣтитъ Государь и его два августѣйшіе сосѣда: императоръ Австрійскій и король Прусскій. Тотчасъ на домахъ, заборахъ неугомоннаго города появились плакаты: «Вскорѣ Варшава увидитъ въ своихъ стѣнахъ трехъ вороновъ, которые растерзали наше отечество. Братья! это важная минута въ исторіи нашихъ несчастій. Съѣздъ

ихъ, вѣроятно, не останется безъ вліянія на нашу горькую судьбу, и мы увидимъ, можетъ быть, новую программу дѣйствій, которыя, подъ личиной спасительныхъ реформъ, устремятся къ совершенному уничтоженію нашей народности». И дальше въ томъ же духѣ. А подъ конецъ, взывая къ патріотизму населенія, говорилось: «да уподобится нашъ городъ гробу, обитому чернымъ сукномъ! Да одѣнется всякое веселіе саваномъ смерти!»

Плакаты, положимъ, мы посрывали, ихъ расклеивали лабзуги*) и школяры, но полиція, набранная изъ мѣстныхъ жителей, никакъ не могла найти настоящихъ виновниковъ. И во время проѣзда Монарховъ, если свистки на улицахъ не слишкомъ были слышны изъ-за военной музыки, парадныхъ салютовъ и воинскихъ криковъ, то все же необычная тишина была замѣтна. Государь стоялъ на своемъ, онъ желалъ и надѣялся справиться мѣрами кротости! Если бы прибавить къ нимъ твердую, честную исполнительность служащихъ, дѣло уладилось бы непремѣнно. Благоразумная, послѣдовательная система сломила бы безпочвенныя притязанія. Къ несчастью, изъ страха прослыть варварами среди враговъ, мы поступались нашими служебными обязанностями и тѣмъ потворствовали вражьему произволу, закрывали глаза на самыя возмутительныя демонстраціи бунтарей. Броженіе поднималось, какъ на дрождяхъ. Ловкачи пользовались нашими внутренними смутами. При церковныхъ процессіяхъ, стали показываться національные значки съ бѣлымъ орломъ, молитвы стали чередоваться съ патріотическими пѣснями. Понесся по улицамъ національный гимнъ, раздались слова свободы,

*) Лабзуги—чисто польское названіе уличныхъ мальчишекъ.

пѣснь молитвы за спасеніе родины, воззваніе къ Богу, «окружавшему Польшу въ теченіе столькихъ вѣковъ блескомъ могущества и славы». Раздавались толпѣ портреты Костюшка и Килинскаго,—главарей прежнихъ бунтовъ. Смѣльчаки дернули, наконецъ, составленную въ 1831 году бравурную народную пѣсню:

«Еще Польша не сгинѣла, пока мы живемы».

— «Да замолчите же! а не то стрѣлять будемъ», предупреждалъ патруль: наши добряки-солдатики совѣстились стрѣлять по безоружной, хотя вызывающе глядѣвшей толпѣ.

— «Не посмѣете: Наполеонъ запретилъ»! Вотъ откуда дулъ вѣтеръ! Европа стояла за бунтарей. Наполеону не сидѣлось покойно на отвоеванномъ интригами престолѣ. Ему необходимо было чѣмъ-нибудь занимать своихъ бурливыхъ подданныхъ. Онъ такъ счастливо помогъ объединенію Италіи. Проживавшіе въ Парижѣ поляки, добровольные изгнанники, наши враги, были очень обласканы его правительствомъ. Они вѣрили въ его желаніе и мощь поддержать притязанія ихъ соотечественниковъ. Благодаря имъ, европейская печать была намъ очень враждебна. А наша подпольная литература, писанія нашихъ за границу сбѣжавшихъ либераловъ, смущали изъ-за стѣнъ европейскихъ столицъ русское общественное мнѣніе. Отсталыми боялись мы быть и въ преступной наивности повторяли слова тѣхъ, кто сжегъ Петербургъ, кто мутилъ, мѣшалъ мирному ходу преобразовательныхъ работъ правительства.

Придумали красныя партіи варшавянъ, конечно, по программѣ, начертанной ксендзами, совершить тризну по ихъ братьямъ, убіеннымъ въ сраженіи съ нами подъ Варшавой на Гроховскомъ полѣ. Вздумали

идти изъ монастыря Паулиновъ съ факелами и хоругвями мимо замка, гдѣ жилъ князь намѣстникъ. Онъ приказалъ оберъ-полицмейстеру Трепову ихъ разогнать, что тотъ и сдѣлалъ своими солдатами и конными жандармами. Порядокъ водворился. Князь поуспокоился. Строчитъ депешу въ Петербургъ: «Все спокойно!» А къ нему является начальникъ 3-го жандармскаго округа Елшинъ.

— «Готовится на всѣхъ окраинахъ что-то особенное, еще невиданное, ваше сіятельство».

—«Вы слышите, генералъ?» обратился намѣстникъ къ маркизу Паулуччи, начальнику тайной полиціи. «Что это?»

— «Да рѣшительно ничего, ваше сіятельство. Окраины совсѣмъ покойны, монастыри тоже». Князь не провѣрилъ словъ маркиза, любимца польской знати, а черезъ два дня со всѣхъ концовъ города на Замковскую площадь ринулись разъяренныя толпы. Навстрѣчу показались войска. Въ нихъ бунтари пустили камнями. Генералъ Заблоцкій скомандовалъ «пли», и рота дала залпъ изъ передняго взвода. Съ крикомъ и воемъ разбѣжались бунтовщики, оставляя на мѣстѣ только нѣсколько труповъ.

Забили тревогу члены «Земледѣльческаго Общества». Одинъ за другимъ спѣшили подъ покровомъ спускавшейся ночи къ своему предсѣдателю, подъ его гостепріимный кровъ.

— «Еще одна, другая осѣчка,—и народа намъ больше не поднять», волновался графъ Андрей.

— «За то вся страна кишитъ повстанцами. Шайки организованы, гдѣ только можно, и растутъ, какъ грибы», отвѣчали ему пріѣзжіе изъ провинцій.

— «Смотрите, читайте, вотъ что разсылаетъ намъ,

нашимъ ксендзамъ и панамъ Мѣрославскій: «Неизлѣчимымъ нашимъ демагогамъ нужно открыть клѣтку для полета за Днѣпръ въ Россію. Пусть распространяютъ тамъ казацкую гайдамачину,—тѣ же крестьянскіе бунты противъ поповъ, чиновниковъ и бояръ, увѣряя мужиковъ, что тѣ стараются удержать ихъ въ крѣпостномъ состояніи. Должно имѣть въ готовности полный запасъ смутъ и излить его на пожаръ, зажженный уже и внутри Московіи. Вся агитація малороссіанизма пусть переносится за Днѣпръ; тамъ обширное поле для пугачевщины... Вотъ въ чемъ состоитъ вся наша панславистическая и коммунистическая школа. Вотъ весь польгерценизмъ. Пусть онъ издали помогаетъ польскому освобожденію, терзая сокровенныя внутренности русскаго царства. Это достойное ремесло для поляковъ и «полурусскихъ» (такъ звалъ Мѣрославскій нашу интеллигенцію, наполнявшую тогда всѣ ступени правящаго класса гражданскихъ и военныхъ властей въ Россіи). Пусть они вдоль и поперекъ «замѣняютъ анархіей самодержавный строй, отъ котораго наконецъ освободится эта сосѣдняя намъ московская народность. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ для нашей и ихъ свободы. Перенесеніе же его въ предѣлы Польши будетъ считаться измѣною отчизнѣ и будетъ наказываться смертью, какъ государственная измѣна».

— «О конечно, намъ не нужно московскихъ нигилистовъ! Пусть орудуютъ у себя! Здѣсь они могутъ подорвать церковныя и національно-политическія начала!» въ одинъ голосъ завопили духовные члены Общества, съ епископомъ Платеромъ во главѣ. «На наше счастье, правительство-то такъ ослабло, что дѣло скоро дойдетъ до анархіи».

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

— «Ну, не говорите о слабости. Изъ Петербурга пишутъ, хотя и подъ большимъ секретомъ, что рѣшили послать къ намъ гусарскую бригаду 1-ой кавалерійской дивизіи, два полка 2-й пѣхотной дивизіи да съ Дона четыре казацкихъ полка», таинственно сообщалъ всѣми нелюбимый, неуважаемый, но, конечно, терпимый, умнѣйшій маркизъ Велепольскій.

— «Государь рѣшительнѣе своихъ министровъ, его депеши намѣстнику дышатъ недовольствомъ за его растерянность».

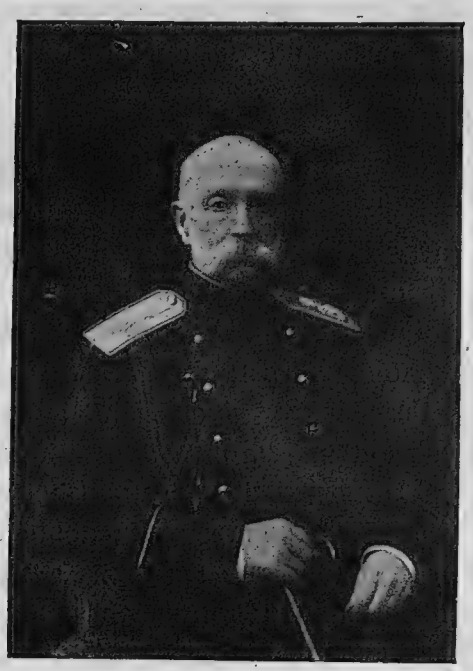
— «Точны ли ваши свѣдѣнія, графъ?»

Въ отвѣтъ, Замойскій показалъ кипу занумерованныхъ депешъ, говоря: «одновременно читаемъ, что князь—то и я!» И онъ похлопалъ по папкѣ своей холеной, красивой рукой.

— «Какъ хотите, друзья, а намъ надо дѣйствовать прежде, чѣмъ шумъ нашей черни вызоветъ болѣе рѣшительныя мѣры», слышался опытный совѣтъ.

— «Надо пользоваться исключительно благопріятными обстоятельствами, пожинать плоды трудовъ нашихъ братій въ сердцѣ Имперіи. Мы подадимъ адресъ Государю, но только черезъ добрѣйшаго князя намѣстника. Онъ сразу растеряется и на многое согласится, отчего потомъ будетъ неудобно отступиться», сказалъ архіепископъ Фіалковскій. И заработали головы патріотовъ, подъ его руководствомъ. Мало было имъ нашихъ послабленій. Они жаловались на гнетъ, на свое невыносимо-несчастное положеніе, пробовали именемъ всей страны возвратить Польшѣ національную церковь, законодательства и всю общественную организацію, дарованныя Наполеономъ I, когда онъ проходилъ страну, собираясь покорить Россію. Жаловались на свою угнетенность, считая себя единственнымъ въ

европейской семьѣ народомъ, который лишенъ необходимыхъ условій къ существованію, безъ которыхъ никакое общество не можетъ слѣдовать путемъ развитія до цѣлей, указанныхъ ему Провидѣніемъ». И это говорилось Монарху, только что даровавшему новыя «Уложенія» своимъ подданнымъ, работавшему надъ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ преобразованій, простившему и вернувшему изъ ссылки всѣхъ, такъ страшно виноватыхъ передъ его отцомъ и передъ человѣчествомъ, бывшихъ польскихъ революціонеровъ!



Оберъ-полицмейстеръ Треповъ.

Всего этого не хотѣли понять члены «Земледѣльческаго Общества». Они торопились, пока красная партія еще не совсѣмъ разшумѣлась, вырвать необходимыя имъ обѣщанія, хотя бы отъ намѣстника. И все же подъ своимъ адресомъ они подписывались: «вѣрноподданные Вашего Императорскаго Величества».

Графъ Замойскій перевелъ его на «французскій» языкъ и подъ нимъ сразу подписались 180 самыхъ старыхъ польскихъ дворянъ. Потомъ его стали разносить по кофейнямъ, гдѣ собиравшаяся публика усердно рукоприкладствовала, и набралось очень скоро

подписей до 18 тысячъ. Намѣстникъ, дѣйствительно, растерялся: онъ принялъ депутацію, пообѣщалъ даже ей исполнить ея требованія, далъ разрѣшеніе полякамъ хоронить своихъ убитыхъ, сказалъ, что удалитъ насолившаго имъ оберъ-полицмейстера Трепова, при которомъ имъ такъ трудно развивать свои планы. Да еще приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ за послѣдніе безпорядки.

III.

Когда донесенія Варшавскаго намѣстника обо всемъ, происходившемъ во ввѣренной ему окраинѣ, стали одно за другимъ доходить до Государя, Его Величество обезпокоился и выразилъ свое полное недовольство. Адреса не принялъ, удаленія Трепова не одобрилъ и потребовалъ дальнѣйшихъ объясненій. «Во всякомъ случаѣ теперь не время уступокъ, и я ихъ не допускаю», писалъ онъ и добавлялъ дальше: «прошу дѣйствовать съ должнымъ спокойствіемъ и твердостью. Объявите по предоставленной вамъ власти, что прошеніе (онъ не говорилъ адресъ), поданное на мое имя, за неприличіемъ и неумѣстностью заключающихся въ немъ желаній, вами возвращается. Дайте знать по телеграфу имена пяти лицъ, представившихъ вамъ прошеніе вмѣстѣ съ Фіалковскимъ. Безпорядки въ Варшавѣ имѣютъ ли отголоскъ въ провинціи?»

Понялъ намѣстникъ, что сглупилъ. Испугался и запросилъ себѣ помощника. Государь милостиво согласился, даже слишкомъ милостиво; назвалъ самъ нѣкоторыхъ кандидатовъ, годныхъ занять этотъ трудный постъ. Но князь, окончательно не понимая всей преступности своего поведенія, отклонялъ ихъ назначеніе по тѣмъ или другимъ доводамъ. А тучи надъ

Варшавою за это время сгущались все сильнѣе и сильнѣе. Готовились къ похоронамъ жертвъ русскаго насилія. Готовились шумно, открыто, безцеремонно. Мы же были вполнѣ инертны. Только многіе, особенно изъ лучшихъ семей, по обязанности жившіе въ Варшавѣ, трусили этихъ похоронъ. Они прятали свои цѣнности за крѣпостныя стѣны подъ защиту военныхъ командъ, которыя были выставлены на валахъ. Но делегаты-заправилы похоронной процессіи преусердно успокаивали насъ, хотя и неувѣренно, сами побаиваясь особенно мясниковъ, собиравшихся по своему высказать свои симпатіи погибшимъ братьямъ.

Какъ ни обидно было для русскаго сердца, для русскихъ глазъ видѣть торжественное погребеніе тѣхъ немногихъ, которыхъ войску пришлось положить въ вооруженной схваткѣ съ взбунтовавшейся чернью, при томъ сыпавшей въ него градъ камней и ругательствъ, но мы все выносили съ невозмутимымъ терпѣніемъ, лишь бы не возбудить новыхъ схватокъ. Послѣ похоронъ былъ наложенъ всеобщій парадный трауръ, театральныя афиши сорваны, театры насильно закрыты на нѣсколько дней. Но мы оружія не пускали въ ходъ и особеннымъ ругательствамъ, на этотъ разъ, не подвергались наши добрые солдатики. Казалось, чего бы лучше! Надо было только поддержать это спокойствіе сильной, твердой рукой. Хотя бы объявить военное положеніе, какъ совѣтовалъ Государь, предоставляя мудрости своего намѣстника, когда именно исполнить этотъ совѣтъ. Но этого не понялъ князь М. Д. Горчаковъ. Подъ вліяніемъ своихъ, очень сильно поляковавшихъ, друзей, вмѣсто того, чтобы тушить крамолу въ корнѣ, онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ совершенно противоположное тому, что было въ дѣй-

ствительности. Онъ всѣхъ увѣрялъ, будто бунтуетъ только чернь, народъ, высшіе же слои мечтаютъ единственно о мирѣ, тишинѣ и вѣрности Россіи. Значитъ, для общаго успокоенія изъ ихъ именно среды и надо найти человѣка, вокругъ котораго, по его вѣсу и вліянію въ обществѣ, собрались бы люди, способные направить въ правительственномъ духѣ ходъ административной машины.

Совсѣмъ отуманенный непосильною тяжестью событій, князь забывалъ, а ему никто не напоминалъ, что все наше историческое прошлое доказывало, что нѣтъ на свѣтѣ поляка, который рѣшилъ бы порусски польскій вопросъ!

Государь совѣтуетъ взять помощника, а друзья подсказываютъ выбирать это лицо среди польской знати для общаго блага! И вотъ онъ, напрягая всѣ слабыя умственныя силы, ищетъ вокругъ себя настолько ловкаго поляка, который бы, изъ любви къ родинѣ, рѣшился надѣть мундиръ русскаго чиновника! Добрѣйшій князь совсѣмъ чистосердечно наносилъ руку на родные интересы, ища вручить ихъ чуженину, врагу! Не встала передъ его умственнымъ взоромъ тѣнь другого поляка, князя Адама Чарторижскаго, друга русскаго Царя, измѣнившаго и дружбѣ и присягѣ. Нѣмы оставались передъ старикомъ страницы недавней нашей исторіи, гдѣ факты холодно и вѣрно указывали на слѣды измѣны и зла, сдѣланнаго намъ полякомъ княземъ-чиновникомъ на русской службѣ. Не справлялись съ прошлымъ родины ни старый князь, ни его совѣтники! Всѣ рвались уладить настоящее, и у всѣхъ являлось одно убѣжденіе, что никто не выполнитъ такъ хорошо этой тяжелой задачи, какъ маркизъ Александръ Велепольскій. Уменъ, богатъ, обра-

зованъ, дѣловитъ и не особенно дружитъ съ своими соотчичами! Большею частью остается на ихъ собраніяхъ при особыхъ мнѣніяхъ и, пожалуй, ихъ какъ будто чуждается. Онъ казался намѣстнику способнымъ вывести наше правительство изъ положенія въ высшей степени затруднительнаго, пожалуй, безвыходнаго.

Дѣйствительно, на рѣдкость ловкій полякъ прекрасно использовалъ свое выгодное положеніе. Онъ какъ бы оказалъ намъ великую милость, соглашаясь принять должность директора правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, ставя условіе: немедленное введеніе всѣхъ проектированныхъ преобразованій.

Намѣстникъ обрадовался, онъ увидѣлъ исходъ, покой, умиротвореніе края, исполненіе завѣтныхъ желаній миролюбивѣйшаго изъ Монарховъ. Онъ на все согласился и такъ расписалъ все въ Петербургъ, что и тамъ съ радостью на все согласились: вѣдь первое то требованіе польскаго маркиза Велепольскаго было роспускъ, закрытіе «Земледѣльческаго Общества», гдѣ предсѣдательствовалъ другой польскій графъ Замойскій. Мнѣнія Велепольскаго принялись въ расчетъ петербургскими чиновниками при составленіи новаго уклада, которымъ хотѣли замѣнить старый, служившій, какъ они додумались, причиной всей смуты. Напрасно!

«Я устремляю всѣ мои мысли къ изготовленію реформъ, какихъ требуетъ время и развитіе нуждъ государства. Подданные мои въ Царствѣ Польскомъ составляютъ также предметъ моихъ попеченій. Все, что можетъ упрочить ихъ благосостояніе, не находитъ и не найдетъ меня никогда равнодушнымъ!» писалъ самъ Государь своему намѣстнику. Къ несчастью, напрасно! Правдивая исторія, когда время

позволитъ ей, освѣтитъ тяжелые факты послѣдняго польскаго мятежа, раскроетъ передъ глазами удивленнаго потомства все величіе нашего Царя-Освободителя и всю ничтожность русскихъ чиновниковъ, исполнителей его велѣній, всю безсмысленность польскаго движенія, всю грѣховность и нечестность польской знати, католическаго духовенства! Къ стыду и горю человѣчества, тогдашнія событія въ Польшѣ не оправдали общихъ радужныхъ надеждъ. Неутомимой дѣятельности и несомнѣнной энергіи Велепольскаго, въ рукахъ котораго со дня вступленія въ должность сосредоточились всѣ нити внутренняго управленія Царствомъ, не удалось сдержать революціоннаго движенія. Не хотѣли безтолковые поляки понять, что онъ шелъ къ одной съ ними цѣли—только разными дорогами. Умно, послѣдовательно работалъ онъ надъ отторженіемъ ойчизны отъ ненавистной ляхамъ Россійской Имперіи,—его не понимали, не хотѣли понять, ненавидѣли и сторонились, какъ врага. Противъ него шли бискупы, ксендзы. Онъ ихъ считалъ коноводами смуты, виновниками несчастій родины, помѣхою ея мирному возрожденію къ самостоятельности. А безъ нихъ онъ былъ безсиленъ направить революцію на дорогу мирнаго переворота, захвата власти, отторженія. Кратеръ бурлилъ подъ его ногами. Разъяренная ксендзами племенная и религіозная вражда пуще прежняго разжигалась. Къ нашему Государю, поглощенному проведеніемъ въ жизнь крестьянской реформы по всему необъятному пространству его Имперіи, неслись телеграммы намѣстника изъ маленькаго неугомоннаго уголка Россіи.

«Вчера, 27 марта, была большая манифестація въ честь упраздняемаго «Земледѣльческаго Общества».

Я вывелъ войска. Толпа долго стояла по улицамъ и разошлась безъ кровопролитій». Онъ умалчивалъ, что получалъ изъ Ресурсы (городского революціоннаго правительства) дерзкіе-предерзкіе запросы, требованія. На нихъ онъ отвѣчалъ всегда слишкомъ уклончиво, давая бунтовщикамъ какъ бы право крѣпнуть, развиваться и все выше поднимать голосъ.

— «Жители Варшавы!» писалъ намѣстникъ въ одномъ изъ своихъ воззваній, «послушайтесь моего предостереженія; не принуждайте меня употребить прискорбныя мѣры для водворенія порядка вооруженною силою!»

«Полицейскія власти обязуются сообщить таковое предостереженіе всѣмъ жителямъ города, дабы никто не могъ отговориться незнаніемъ». Да они и не давали себѣ труда отговариваться! Распоряженія, какъ и воззванія, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

27-го писалось въ Петербургъ: «Дѣло обошлось безъ кровопролитій», а на другой день летѣла другая депеша:

«Вчера снова противъ замка собралось скопище. Оно разогнано оружіемъ, бой нѣсколько разъ возобновлялся. Жителей убито около десяти, ранено столько же. Взято упорныхъ до 45 человѣкъ. Нашихъ убито пять».

«Надѣюсь, что порядокъ будетъ возстановленъ энергичными мѣрами, безъ всякихъ уступокъ. Если безпорядки будутъ возобновляться, городъ объявить въ осадномъ положеніи. Въ числѣ убитыхъ есть ли офицеры и между арестованными кто-нибудь изъ важныхъ зачинщиковъ? Ресурсы необходимо закрыть». И твердость и безпокойство за своихъ офицеровъ читалось, чувствовалось въ каждомъ словѣ Монарха-Отца.

«По указу Его Императорско-Царскаго Величества

и проч. и проч. и проч. Совѣтъ Управленія Царства. Такъ какъ «Земледѣльческое Общество», учрежденное въ Царствѣ Польскомъ единственно для поддержки земледѣлія, въ послѣднее время, уклонившись отъ своего устава, взяло несоотвѣтственное настоящимъ обстоятельствамъ направленіе, посему, опираясь на полномочія, дарованныя Его Императорско-Царскимъ Величествомъ, Совѣтъ управленія постановилъ: «Земледѣльческое Общество», учрежденное указомъ отъ 12—24 ноября 1857 года, нынѣ упразднить».

Этотъ указъ съ подписью намѣстника читали изумленные варшавяне во всѣхъ газетахъ 6 апрѣля, въ субботу на Святой.

— «Что? какъ? зачѣмъ?» понеслось по всей Варшавѣ. Городъ заволновался. И князь и маркизъ—оба это предчувствовали, но оба же и шли на уличный шумъ, сознавая, что онъ меньше вреда принесетъ, чѣмъ зловредное общество, гнѣздо всѣхъ умныхъ, серьезныхъ плановъ противъ спокойствія края, противъ Самодержавнаго русскаго Монарха.

Не долюбливалъ народъ панскаго кружка, а когда его уничтожило правительство—вмигъ онъ сдѣлался несчастной жертвой тираніи, прекраснѣйшимъ предлогомъ для манифестаціи. Въ ту же ночь были придуманы поминки по усопшему обществу, а его предсѣдателю, до тѣхъ поръ не очень любимому массами, графу Андрею Замойскому рѣшено поднести колоссальный вѣнокъ—безсмертія.

Никто не скрывалъ этихъ приготовленій. И военныя и гражданскія власти были прекрасно освѣдомлены о надвигавшейся манифестаціи, и никто даже не подумалъ о необходимости для правительства принять нужныя мѣры предосторожности.

Съ разсвѣтомъ по городскимъ улицамъ торжественно двинулись двѣ процессіи изъ костеловъ— Капуцинскаго, что на Медовой, и Бернардинскаго, на Краковскомъ предмѣстьи, съ пѣніемъ народныхъ гимновъ. Они двигались на кладбище Повонзки—къ могилѣ пяти жертвъ прежняго безпорядка. Туда несли массы цвѣтовъ, различныя эмблемы съ польскимъ орломъ и, разукрасивъ могилы, повернули назадъ къ дому Кредитнаго общества, гдѣ до своего закрытія засѣдало «Земледѣльческое Общество». Весь народъ несъ цвѣты и, кромѣ того, впереди, на шестахъ огромнѣйшихъ размѣровъ еще вѣнокъ изъ чудныхъ цвѣтовъ съ надписью «Земледѣльческому Обществу». Прелестно украсили домъ цвѣтами; нашего двухглаваго орла завѣсили чернымъ крепомъ, а подняли бѣлаго, польскаго, тоже украшеннаго цвѣтами, и рядомъ съ нимъ помѣстили Ченстоховскій образъ Божіей Матери. Народъ опустился набожно на колѣни и десятки голосовъ запѣли молитву: «Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Владычице». Чудныя слова неслись къ небесамъ, стояли надъ городомъ; ихъ нельзя было не слышать, не понять: толпа была неимовѣрно велика, ея пѣніе сильно неслось къ небесамъ. Наконецъ гимнъ перешелъ въ бравурную польскую, революціонную пѣснь: «Еще Польша не сгинѣла, пока мы живемы». Ее нельзя было ни игнорировать, ни замолчать. Намѣстникъ послалъ на мѣсто сборища генералъ-губернатора Панютина, очень любимаго варшавянами. Тотъ ласково говорилъ съ толпой, и она его не тронула. Но съ другой стороны онъ равнодушно смотрѣлъ на русскаго орла, закрытаго крепомъ, и на вопросъ: «Что вы тутъ дѣлаете, дѣти мои?» получилъ отвѣтъ:

— «Творимъ поминки по умершему «Земледѣльческому Обществу».

— «А этотъ орелъ?»

— «Это польскій орелъ. Пришли поляки творить поминки по умершему польскому Обществу, стало, тутъ и нуженъ нашъ польскій орелъ. Мы вашего завѣсили, а на мѣсто его воздвигли нашего бѣлаго польскаго орла».

— «Все это, дѣти мои, называется безпорядкомъ. Прошу васъ, какъ вашъ другъ, желающій вамъ всего лучшаго, разойтись по домамъ, иначе навлечете на себя много непріятностей *).

— «Ладно, мы разойдемся», сказало нѣсколько голосовъ, и съ этими словами толпы дѣйствительно двинулись къ дому графа Замойскаго, неся ему свой громадный вѣнокъ. Струсилъ его польское сіятельство и на балконъ не рѣшился выйти, какъ ни просили, а выслалъ секретаря пана Гарбинскаго: «стрѣльнутъ, такъ ужъ пусть въ него, а не въ самого попадутъ!»

IV.

Въ замкѣ за ночь была выработана инструкція, когда, при какихъ условіяхъ можно или слѣдуетъ стрѣлять; додумались, наконецъ, что движеніе принимаетъ серьезный характеръ. Постановленіе совѣта преусердно всюду распространялось, какъ запугиваніе, думали этимъ отстранить столкновеніе. Но это не помогало. Вчерашнее невмѣшательство власти опьянило толпу. Она себя сочла побѣдительницею. У всѣхъ въ умѣ и на языкѣ были гирлянды, польскій орелъ, бездѣйствіе войскъ. Вожаки пользовались всѣмъ, чтобы какими бы то ни было путями расшевеливать

*) Дословно изъ записокъ Н. В. Берга, стр. 284.

подчасъ устававшую и, какъ всѣ славянскія племена, скорѣе благодушную толпу. Но вожаки-то были ксендзы; кромѣ ненависти къ москалямъ - схизматикамъ, они теперь вооружились еще противъ своего единовѣрца, казавшагося имъ перебѣжчикомъ въ лагерь ненавистнаго правительства. Противъ маркиза Велепольскаго, котораго ксендзы записали въ ряды своихъ враговъ, шло католическое духовенство и поднимало чернь. За что? да за то, что онъ съ ними не могъ превозносить анархіи! Онъ хотѣлъ свободной ойчизны! Онъ хотѣлъ ее видѣть законной, твердой, славной! Не понять было этого умнаго дѣятеля мелкимъ бунтарямъ и фанатикамъ. Народныя массы столпились на Замковской площади. Ихъ три раза, съ барабаннымъ боемъ, просили разойтись,—не слушались. Жандармы верхомъ ринулись въ толпу, часть шарахнулась въ сторону, но смѣльчаки хватали лошадей подъ уздцы. Хрулевъ увелъ жандармовъ, выдвинувъ на ихъ мѣсто пѣхоту, и подошелъ къ окну замка, у котораго сидѣлъ намѣстникъ.

— «Я велю стрѣлять»! Князь кивнулъ головой; тогда наши дали залпъ по дразнившей ихъ толпѣ. Она разбѣжалась, но изъ дальнихъ улицъ ей на смѣну показалась процессія съ крестами и пѣніемъ гимновъ. «Святый Боже, Святый крѣпкій», тянули наступающіе. Не стрѣлять же?—А они наступали на вооруженную силу. Хрулевъ приказалъ схватить и связать несшихъ святыни. Какъ они ни кричали, ни барахтались, ихъ увлекли во дворъ замка, заставивъ молчать. Толпа, безъ вожаковъ, разсыпалась. По слѣдующимъ, уже безъ разсужденій, стали стрѣлять вдоль запруженныхъ улицъ. Хрулевъ вернулся къ намѣстнику.

— «Надо бы подать сигналъ къ тревогѣ», дока-

зывалъ онъ горячась. «Это окончательно успокоитъ городъ».

Очень не понравилась эта генеральская рѣчь намѣстнику, но онъ зналъ по Севастополю и вѣрный взглядъ и твердый нравъ Хрулева. Да и не могъ не помнить словъ царской депеши: «Требую, чтобы, при первомъ возобновленіи сборищъ, осадное положеженіе было объявлено какъ въ Варшавѣ, такъ и въ провинціи». Дольше ждать? Да чего же еще? И онъ, еле слышно, упавшихъ голосомъ выговорилъ:

— «Ну что-жъ, велите подать сигналъ». Шесть пушечныхъ выстрѣловъ грянули съ Владимірскаго форта цитадели, и звукъ ихъ потрясъ замершій, какъ бы притаившійся въ глубокой тиши городъ.

Бумъ! бумъ!—и дрогнула польская земля, зазвѣнѣли окна, загрохотало въ воздухѣ.

— «Москаль заговорилъ», шептали дѣти, прячась за нянекъ и матерей. Чу! заблестѣли звѣздочки на небѣ, заурчало что-то, зашипѣло въ воздухѣ. Это взвились надъ замкомъ 12 ракетъ—сигналъ, по которому войска должны были занять, заранѣе указанные имъ, пункты. Ужъ нѣсколько дней они глазъ не спускали съ замка, все ждали: когда? когда? При первомъ выстрѣлѣ, при первой ракетѣ все понеслось, какъ ураганъ, пѣхота двинулась, какъ каменная глыба. Кто-то распорядился при этомъ освѣтить улицы усиленными огнями, пустивъ газовые рожки такъ, какъ еще никогда не пускали. Эффектъ несущейся во весь опоръ кавалеріи, при блескѣ этихъ волшебныхъ, невиданныхъ огней, былъ и таинственъ и зловѣщъ. Дрожмя-дрожали кичливые ляхи! Все замерло въ городѣ, точно въ гробу. Городъ былъ поставленъ на военное положеніе.

Патрули расхаживали по улицамъ отъ одной стоянки до другой. Отдѣльныя команды были отправлены въ частные дома, лавки, монастыри, для розыска раненыхъ и убитыхъ бунтарей. У графа Андрея Замойскаго нашли пять труповъ, столько же въ Европейской гостиницѣ, гораздо больше по монастырямъ. Жители, даже монахи предупредительно выдавали ихъ солдатамъ, тѣмъ самымъ отказываясь отъ предполагавшихся уличныхъ шумовъ при торжественныхъ похоронахъ жертвъ нашего варварскаго произвола. Охъ, если бы посильнѣе былъ этотъ произволъ, потверже, почестнѣе слуги Царя и Родины! Старость, слабость намѣстника уложила его, наконецъ, въ постель. Въ Петербургъ дали знать, что онъ умираетъ. Государь спѣшно отправилъ въ Варшаву военнаго министра Сухозанета.

— «Ваше Величество,—я солдатъ, понятія не имѣю о гражданскихъ законахъ!»—взмолился честный генералъ-адъютантъ. Но его все же отправили—навремя, снисходя къ его убѣдительнымъ просьбамъ.

Онъ нашелъ своего предмѣстника уже мертвымъ. Просто, покойно отнесся онъ къ своему дѣлу.

— «Уличные безпорядки недопустимы,—ихъ останавливать вооруженной силой»,—сказалъ онъ, и всѣ это поняли, и никто не зашумѣлъ. Не воспользовались строптивые варшавяне даже представившимся случаемъ пошевелиться, пошумѣть. По просьбѣ покойнаго намѣстника, его тѣло повезли въ Севастополь, для погребенія на Братскомъ кладбищѣ. 8-го іюля тихо двинулось погребальное шествіе изъ Лазенковскаго дворца на Варшавско-Вѣнскій вокзалъ. Катафалкъ въ 6 лошадей провезли, значитъ, по всему городу, на попонахъ были гербы всѣхъ губерній Царства. Воинскія почести отдавались безукоризненно. Должные

отряды сопровождали тѣло до границы Имперіи *). Наряженные на похороны чиновники выполняли свой долгъ. Но лишняго народа на улицахъ не было, не было и демонстрацій. Только окна во всѣхъ домахъ по пути слѣдованія были завѣшаны шторами. Поляки даже смотрѣть не хотѣли на похороны человѣка, чье преступное попустительство такъ заботливо оберегало ихъ отъ должнаго возмездія законной власти.

Сухозанетъ и подписывалъ бумаги: «военный министръ», или «временно главнокомандующій 1-ою арміею». Онъ былъ нуженъ всей Россіи. Его нельзя было отдать одному маленькому уголку, хотя бы даже для его успокоенія. Не стѣсняясь распоряженіями своего предшественника, въ силу объявленнаго военнаго положенія, онъ сталъ примѣнять неотмѣненные законы временъ Паскевича и предавалъ военно-полевому суду нѣкоторыхъ изъ участниковъ демонстрацій, другихъ высылалъ за предѣлы Царства во внутреннія губерніи Имперіи.

— «31 іюля поляки намѣреваются отпраздновать торжественною манифестаціею годовщину соединенія Литвы съ Польшею», доложили Сухозанету.

— «Выдвинуть на улицы и площади войска», былъ спокойный приказъ. И Государю на другой день отправлена депеша:

«Вчерашній день, благодаря грозному присутствію войскъ, порядокъ въ городѣ нарушенъ не былъ, хотя волненіе и было весьма значительно. Но дамы были въ цвѣтныхъ платьяхъ, лавки были заперты, вечеромъ иллюминація была только внутри домовъ, словомъ, только такія проявленія, кои не могутъ быть преду-

*) Приходилось изъ Варшавы въ Севастополь везти тѣло черезъ Австрію.

преждены ничѣмъ, а еще менѣе силой оружія. Арестовано 30 человѣкъ».

Нѣсколько дней спустя, точно исполняя Высочайшее повелѣніе, военный министръ продолжалъ докладывать по телеграфу: «Въ городѣ было отлично спокойно, ни малѣйшаго признака безпорядка; хотя демагогія удостовѣряетъ, что на это ею именно дано приказаніе; я приписываю единственно грозной мѣрѣ 31 іюля и произведеннымъ арестамъ. Въ губернскихъ городахъ тою же мѣрою одновременно все удержано въ порядкѣ. Отправленіе ксендзовъ и неблагонадежныхъ людей въ Имперію и въ казематы крѣпостей до пріѣзда графа Ламберта (назначеннаго замѣстителемъ Сухозанета) не стѣсняясь, по прежнему, продолжать буду».

— «Энергичныя мѣры одобряю», отвѣтилъ Государь.

Строгое преслѣдованіе нарушителей общественнаго порядка не препятствовало Сухозанету постепенно вводить въ дѣйствіе учрежденія, дарованныя Царству Польскому ея Самодержавнымъ властелиномъ. Наглядно жизнь входила въ рамки законности. Стушевались ненормальныя личности съ ихъ беззаконными выходками. Воздухъ сталъ очищаться отъ наносныхъ бурныхъ теченій. Одинъ маркизъ Велепольскій не могъ поладить съ вѣрноподданнымъ генераломъ русской службы. Они другъ друга не переносили. Полякъ подалъ въ отставку, поѣхалъ въ Петербургъ. На наше горе, онъ вернулся, потому что временный намѣстникъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, дождавшись своего настоящаго замѣстителя графа Ламберта, вернулся на свой министерскій постъ продолжать вѣрой и правдой служить родинѣ и Государю.

Изящный, красивый, прекрасно на европейскій ладъ воспитанный, при томъ же католикъ и любимецъ петербургскихъ модныхъ кружковъ, графъ Карлъ Карловичъ явился въ Варшаву съ ласковой улыбкой, дружескимъ пожатіемъ рукъ, французской милой рѣчью о любви, примиреніи, дружествѣ, сліяніи. Ему съ увлеченіемъ сталъ вторить Велепольскій, понимая своимъ недюжиннымъ умомъ, разглядывая своимъ ястребинымъ взглядомъ, какъ ловчѣе обойти, провести этого сладкоглаголиваго царедворца.

Встрепенулось подполье, заиграла снова, разгулялась необузданная вольница, повылѣзли спрятавшіеся было отъ русскаго генерала злыя силы, подонки общества. Даже иностранная печать чему-то обрадовалась и стала еще симпатичнѣе относиться къ нашимъ преступнымъ шалунамъ. Въ англійской газетѣ «Times» усмотрѣна была статья, подлившая масла въ огонь повстанья.—«Намъ нужно», печаталось въ этой, одной изъ самыхъ популярныхъ англійскихъ газетъ,—«всѣми руками взяться за работу, чтобы окончить скорѣе засѣданія (въ Нижнемъ парламентѣ), а мы тутъ вынимаемъ изъ кармана платки и давай хныкать надъ судьбою Польши. Неужели больше нечего дѣлать? Мы, великая нація, государство перваго разряда, выдаемъ ежегодно 15 милліоновъ фунтовъ на сухопутное войско и столько же на флотъ, а для Польши не хотимъ палецъ о палецъ ударить. Отчего бы Англіи не предпринять ради нея крестоваго похода?.. По совѣту одного изъ покойныхъ государственныхъ мужей, послать бы намъ флотъ подъ Варшаву, а если бы оказалось неудобнымъ, то и подъ Петербургъ»?

Воскресли надежды неугомонныхъ красныхъ

когда переведенный на родной языкъ этотъ сочувственный отзывъ былъ имъ сообщенъ. Агитаторы сейчасъ собрались толпой передъ домомъ англійскаго консула. Шумѣли паны революціонеры, вызывая къ себѣ на всѣ лады чопорнаго сына Альбіона, а когда онъ накрахмаленный, важный, вышелъ на балконъ, подали ему самый сердечный, восторженный адресъ.

«Я мать, облитая мученическою кровью моихъ дѣтей, вдова въ траурномъ одѣяніи, невольница съ оковами на рукахъ; я живьемъ зарытая въ могилу, посылаю тебѣ, народъ англійскій, слово благодарности. Рѣчь депутата твоего въ парламентѣ, голосъ кипящихъ дѣятельностью городовъ твоихъ срываетъ печати съ гроба, въ который насиліе и равнодушіе ввергли Польшу. Кровь моя и слезы мои вопіютъ къ Богу, и Онъ отвѣчаетъ мнѣ устами твоего народа! Честь ему и благодарность тебѣ, Англія! Всѣмъ, что осталось во мнѣ живого и безсмертнаго послѣ долгаго мученичества, благословляю твоихъ старцевъ, мужей, сыновъ и дщерей на вѣчную свободу и счастье! Да предстательствуютъ за тебя присно и во вѣки предъ Богомъ твои святые патроны, подобно тому, какъ ты, досточтимая и благоденствующая Англія, предстательствуешь нынѣ за отринутую, растерзанную, распятую Польшу».

А мы еще церемонились, стрѣлять не хотѣли! Солдатики наши, молча, стоя подъ ружьемъ, не смѣли отвѣчать на всю ругань и издѣвательства, которыя на нихъ сыпались отъ собравшейся толпы. Не логичнѣе ли было-бы, при первыхъ безпорядкахъ, если уже, по несчастью, они допущены, прекратить ихъ картечью! Бунтари бы сразу стихли, спокойствіе бы водвори-

лось, европейскіе дворы, не находя повода, перестали бы вмѣшиваться въ наши семейныя дѣла! А тутъ, на-поди!

Англійскій консулъ отправилъ адресъ въ Лондонъ со множествомъ визитныхъ карточекъ отъ варшавскихъ поляковъ разнаго званія. Уличные же наши шумилы набрались храбрости: бродили безнаказанно по улицамъ, то тутъ, то тамъ выбивая стекла въ домахъ, гдѣ жили русскіе генералы, извѣстные своей рѣшительностью и стойкостью. Воздухъ наполнился повстанческимъ электричествомъ; нетерпѣливымъ казалось, что вотъ-вотъ уже начинается всеобщее возстаніе.

V.

Намѣстникъ оставался непоколебимо-равнодушнымъ.

— «Это пустяки, увидите! Перекипитъ, — все успокоится», твердилъ онъ самоувѣренно.

— «На литовской границѣ собираются праздновать Городельскую унію», докладываютъ ему.

— «Не посмѣютъ! Откуда набрать имъ достаточно манифестантовъ? и здѣсь-то ихъ только горсточка! Не ловко же правительству съ ними считаться», съ достоинствомъ отвѣчалъ намѣстникъ, принимая обиженный видъ. Это было по меньшей мѣрѣ неумѣстно, такъ какъ знали, что Государь настаивалъ на мѣрахъ строгости, а онъ все ихъ отклонялъ своими мудрствованіями.

— «Какая же кучка, когда за нее стоятъ въ Европѣ, когда доказано ихъ вліяніе на смуту внутри Россіи?» возражали ему люди поумнѣе.

— «Прочитайте вотъ это, графъ», принесли ему

воззваніе, ходившее по рукамъ совсѣмъ открыто, не по секрету.

«Братья Поляки, Русины и Литвины! Важнымъ народнымъ торжествомъ было нѣкогда празднованіе годовщины соединенія Литвы съ Польшей, учрежденное королемъ Сигизмундомъ Августомъ II въ Люблинѣ». Пространно, лживо, односторонне объяснялись факты. Взывали ко всѣмъ классамъ народонаселенія, начиная съ «высокопочтеннаго духовенства католическо-славянскаго и латинскаго». Длинное многословіе кончалось такъ: «Княжества, воеводства и земли, долженствующія принять участіе въ торжествѣ, суть слѣдующія. Воеводства: Познанское, Калишское, Сѣрадзское, земля Добржинская. Воеводства: Плоцкое, Мазовецкое, земля Равская. Воеводства: Хельминское, Мальборгское, Поморское, Прусское, Краковское, земля Освѣцимская, Заторская. Воеводство Сандомірское, княжество Сенявское; воеводства: Куявское, Русское; земли: Жидаческая, Пршемысская, Галицкая, Холмская. Воеводства: Волынское, Любельское, Белзское, Подлясское, Брацлавское, Черниговское, Виленское, Троцкое. Княжества: Смоленское, Новгородское, Полоцкое, Витебское, Брестъ-Литовское, Мстиславское, Минское, Инфлянтское, княжество Курляндское». Ко всѣмъ взывали, всѣхъ собирали—и ученыхъ, и литераторовъ, и университеты, и польскіе и русинскіе журналы. Обращались ко всѣмъ обществамъ и промышленнымъ кружкамъ, къ городамъ и корпораціямъ Моисеева закона и вообще ко всякаго рода общественнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ какую бы то ни было организацію: чтобы благоволили принять участіе въ Городельскомъ съѣздѣ, приславъ отъ себя депутатовъ. Народный трауръ приказано было снять на этотъ день.

Такая затѣя—собрать въ одно мѣсто представителей всѣхъ земель бывшей Польши—была еще не видана. Она могла потрясти какіе угодно нервы. Шалостью, при самомъ сильномъ желаніи, ее нельзя было назвать. Дѣло велось умно и съ очень основательнымъ знаніемъ исторіи. Надо отлично знать факты, чтобы ихъ такъ правдоподобно коверкать, да и характеръ народный надо отлично знать: благоразумнаго, образованнаго нѣмца не поднять трескучею ложью. Лѣнивый сынъ Великой или Малой Россіи не двинется: «нехай ксенжы молебны поютъ, я жъ полежу». А тутъ поляки! Да никого вы такъ легко не поднимете на какое угодно безумство, на праздное шатанье съ приключеніями, опасностями и кутежами, какъ только именно кичливаго ляха! Кто въ парадныхъ колясках да каретахъ, другіе въ таратайкахъ, бричкахъ, верхомъ на борзомъ конѣ, а то и просто пѣшкомъ—хоть подъ выстрѣлъ! «Маршъ!»

Ужъ тутъ ничего не подѣлаешь. Надо принять рѣшеніе. Это, пожалуй, именно то серьезное, обдуманное, распланированное движеніе, о которомъ твердитъ несносный Герштенцвейгъ. Къ несчастью, оно свои подвиги вынесло за стѣны Варшавы. Спорить тутъ нельзя. На своемъ нельзя поставить. И, противъ воли, скрѣпя сердце, католикъ-генералъ приказалъ извѣстить начальника Люблинскаго военнаго отдѣла, генералъ-лейтенанта Хрущова, что въ Варшавѣ стало извѣстно, «что въ мѣстечкѣ Городло, Люблинской губерніи, Грубешовскаго уѣзда, строятся тріумфальныя арки... Если это дѣйствительно такъ, то извольте ихъ уничтожить. Поѣзжайте сами на мѣсто. Желательно было бы мирно, одними уговорами разсѣять толпы». Въ крайности разрѣшалось прибѣгнуть къ силѣ оружія.

И безъ того зналъ Хрущовъ, что затѣвается что-то нешуточное, злое. Онъ вывелъ свои войска, какъ на бой: пушки, резервъ, форсированный маршъ, все, какъ быть должно. Во всѣ стороны разсылались кавалерійскіе разъѣзды для развѣдыванія. Повстанцы въ свою очередь, для той же цѣли, отправляли молодыхъ помѣщиковъ въ изящныхъ нарядахъ, на бойкихъ заводскихъ скакунахъ. Гдѣ-то, не то въ лѣсу, не то на болотѣ повстрѣчались наѣздники изъ противоположныхъ становъ. Тропинка ли была узка, молодая ли кровь вскипѣла, только противники повздорили, и нашъ драгунъ выстрѣлилъ да еще и безъ послѣдствій. Этотъ выстрѣлъ былъ услышанъ въ Варшавѣ и въ замкѣ произвелъ переполохъ! Намѣстникъ, въ страхѣ, поторопился строго-настрого приказать Хрущову осмотрительнѣе владѣть оружіемъ.

— «Вотъ тебѣ на!» ворчалъ Хрущовъ. «А я то собирался перехватать зачинщиковъ прежде, нежели что-либо устроится. Теперь, конечно, сложа руки, надо смотрѣть, какъ толпы будутъ все прибывать къ берегамъ Нѣмана.

Повстанцы отлично все обдумали. Въ 5 часовъ утра Степанковская процессія отслужила напутственный молебенъ въ приходскомъ костелѣ, гдѣ ксендзъ сказалъ огненную рѣчь, и двинулась въ путь съ крестами, хоругвями, народными знаменами. По дорогѣ къ нимъ присоединились другія процессіи, толпа увеличилась тысячъ до десяти.

Наши пикеты молчали, глядѣли на нихъ и отъѣзжали къ войскамъ. Когда же толпа подошла ближе, Хрущовъ подъѣхалъ къ ней верхомъ съ своимъ штабомъ, объясняя, что онъ получилъ предписаніе намѣстника не пускать ихъ дальше, и потому требуетъ.

чтобы они вернулись, или ему придется пустить въ дѣло войско. Поднялся страшный шумъ.

— «Мѣшаютъ молиться! Они пришли молиться! только молиться! И имъ мѣшаютъ!»

— «Правительство допускаетъ только установленныя духовныя процессіи, а такъ какъ эта выходитъ изъ обычныхъ условій, то я ее ни въ какомъ случаѣ въ городъ пропустить не могу». Ксендзы стали требовать отъ генерала честнаго слова, что онъ получилъ такой приказъ. Понявъ изъ рѣзкости отвѣта, что онъ не шутитъ и, конечно, не задумается надъ средствами, не остановится расправиться по-свойски, ксендзы стали смиренно молить о дозволеніи имъ помолиться тутъ же въ полѣ. Болѣе смѣлые попросили принести алтарь изъ города. Ихъ отпустили съ казакомъ. И приготовили все къ молебствію на сосѣднемъ холмѣ, между дорогами, ведущими въ Городло, Степанковицу и Дубенскъ. Вокругъ алтаря воткнули 54 принесенныхъ знамени, народъ сталъ вокругъ, за нимъ до тысячи экипажей, привезшихъ богомольцевъ, а въ верстѣ наши войска, окружавшія паломниковъ живымъ кольцомъ штыковъ. Говорились краснорѣчивыя проповѣди, пѣлись гимны и въ концѣ концовъ богомольцы-политиканы перебранились, даже передрались, а дня черезъ два помирились за чарой зелена вина на банкетѣ въ Люблинѣ, гдѣ былъ написанъ въ трехъ экземплярахъ протестъ противъ варварскаго нашего насилованія, скрѣпленный восемью тысячами подписей, самаго возмутительнаго содержанія, и посланъ въ Парижъ, Лондонъ и Геную.

Смерть епископа Фіалковскаго дала поводъ къ новымъ демонстраціямъ. Генералъ-губернаторъ Герштенцвейгъ хотѣлъ запретить всю помпу, такъ какъ

покойный былъ чуть ли не руководителемъ смуты и первый подписалъ неумѣстный адресъ Государю. Намѣстникъ не согласился, все отъ страха предъ сильнѣйшимъ раздраженіемъ. Чего, казалось, еще ему было нужно сильнѣйшаго? Поручилъ только генералу самому составить программу похоронъ, совмѣстно съ представителями города. Тѣ на все согласились и, разумѣется, ничего не выполнили. Шествіе превзошло своей демонстративностью похороны пяти убитыхъ въ стычкахъ. Какъ католикъ, намѣстникъ думалъ было съ своимъ штабомъ отдать долгъ своему епископу и уже сѣлъ на коня. Къ счастью, кому-то удалось доказать всю безтактность такого поступка для представителя Верховной власти въ безпокойномъ краѣ. Передъ гробомъ несли на подушкахъ терновые вѣнцы, потомъ короны польскую и литовскую и при нихъ оба герба. За богослуженіемъ говорили возмутительныя проповѣди епископъ Платеръ и каноникъ Ржевуцкій. Въ соборѣ шелъ сборъ денегъ «на дѣло ойчизны».

Вся Варшава только и думала, какія бы устроить манифестаціи позабористѣе. Предупреждали о панихидѣ по Костюшкѣ, которую собирались служить 15 октября. Распространяли возмутительныя, вызывающія стихотворенія. Что день, то новая дерзость, новый вызовъ! Наконецъ, опомнился Ламбертъ, лопнуло даже его долготерпѣніе. Онъ телеграфировалъ Государю:

«Въ предупрежденіе новыхъ возмутительныхъ заявленій, по случаю памяти Костюшка, долженствующей праздноваться завтра, я призналъ необходимымъ безотложно объявить все Царство на военномъ положеніи. Въ городѣ войска займутъ свои мѣста нынче же ночью».

«Дай Богъ, чтобы объявленіе всего Царства на военномъ положеніи произвело тотъ результатъ, котораго я давно ожидаю», былъ отвѣтъ милостивѣйшаго изъ Самодержцевъ.

Намѣстникъ предупредилъ населеніе краснорѣчивыми воззваніями о возмутительныхъ причинахъ, вызвавшихъ эту строгую мѣру. Приглашалъ благомыслящую часть населенія не поддаваться внушеніямъ зачинщиковъ смутъ, презирать ихъ угрозы, содѣйствовать Правительству въ его усиліяхъ возстановить миръ и тишину въ краѣ. Главы семействъ приглашались наблюдать за членами семьи, въ особенности за малолѣтними, дабы охранить ихъ отъ опасностей, которыя могутъ встрѣтиться при водвореніи порядка. Почти лаской звучало объявленіе военнаго положенія. Пообѣщано даже просить милости Царской, Высочайшаго прощенія виноватымъ, если только все стихнетъ и водворится порядокъ. Въ первую минуту дѣйствительно, какъ будто, опѣшили самые заядлые. Въ городѣ сразу стихло. Лагерь былъ раскинутъ на площадяхъ, патрули, предшествуемые парными казаками, съ пиками на перевѣсъ, сновали по улицамъ днемъ и ночью. Закрыты сады Саксонскій и Красинскій. Заперты кофейни, шинки, баваріи. По распоряженію военной власти, запирались и лавки, арестовали всякаго, кто казался подозрительнымъ.

— «И это не только здѣсь, въ Варшавѣ, но вездѣ въ провинціи; все то же самое, тотъ же гнетъ, та же расправа!» шептали другъ другу озадаченные ляхи.

— «Слыхали? студенты безъ нужды не должны выходить на улицу. Болѣе трехъ человѣкъ не могутъ останавливаться, разговаривать между собою. Извоз-

чики должны останавливаться по первому оклику полиціи».

— «Дождались! точно осажденный городъ! Войска расхаживаютъ въ боевомъ порядкѣ!» И сразу варшавяне попрятались, заперлись, чуть ли окна не завѣсили! Мирные струсили:—имъ бѣднымъ, пожалуй, отъ всѣхъ попадало. Красные же, перебираясь другъ къ другу, крадучись разными задами, взбѣшенные неожиданной помѣхой, думали вслухъ:

— «Да что это? вправду? не шутка? Идти намъ дальше? Не пріостановиться ли? посмотрѣть еще, что будетъ?»

Поблажекъ было оказано столько, что просто не вѣрилось, какъ это тѣ же долготерпѣливые, снисходительные, благодушные москали набрались за одну ночь рѣшимости, да еще какой? — даже уже дѣйствуютъ!

— «А какъ же съ манифестаціей въ память Костюшка? Такъ хорошо мы ее наладили! Неужели такъ ей и не быть»?

— «Не поддразнить ли еще лишній разъ врага? Что-что проснулся! Авось только однимъ глазомъ!»

Рѣшили попробовать устроить, что можно, что удастся, и съ этой цѣлью въ 9 часовъ утра отправили въ костелы св. Яна, Бернардинскій и св. Креста кучки ребятишекъ да женщинъ, которыя вездѣ въ одно время должны были затянуть гимны.

— «Что будетъ»? говорили заправилы, сидя дома въ ожиданіи. И—не было ничего! Рѣшительно ничего не вышло! Застрѣльщики были ужъ слишкомъ неопытны. Тогда вожаки не выдержали. Гурьбой пошли въ костелы, увлекая за собой уныло по улицамъ бродившихъ мирныхъ обывателей. И гимны понеслись

подъ старинными сводами, вырываясь на улицу съ подобающей торжественностью. Въ соборѣ св. Яна на катафалкѣ, еще не убранномъ со времени похоронъ Фіалковскаго, появился портретъ Костюшка.

Намѣстникъ и генералъ-губернаторъ повторили распоряженіе:

«Въ точности слѣдовать правиламъ военнаго положенія: окружить костелы, гдѣ устроены сборища и поются запрещенные гимны, а когда народъ будетъ выходить, арестовать всѣхъ, кромѣ женщинъ и дѣтей». Но не растерялись и коноводы.

— «Не выходить! не выходить!» приказали они. Служба кончилась, но никто не вышелъ. Костелы оказались запертыми. Прошелъ день, наступила ночь. Солдаты поставили ружья въ козлы и разложили огни вокругъ костеловъ, Варшава замерла, но не спала. Замокъ же не спалъ и не замиралъ. Русскія власти слѣдили за дѣйствіями врага.

— «Что дѣлать съ запертыми массами?» трусилъ намѣстникъ.

— «Да ничего! Держаться строго своего постановленія и военнаго регламента: солдаты должны ждать, когда пойдутъ изъ костеловъ, и тогда арестовать выходящихъ», покойно рѣшилъ генералъ-губернаторъ. Съ нимъ соглашалось большинство военныхъ.

— «Слыхать, что черезъ цѣпь солдатъ летятъ въ окна костеловъ булки», сказалъ кто-то изъ вновь прибывшихъ.

— «Нѣтъ сомнѣнія, что когда-нибудь должны же будутъ люди выйти, и тогда арестовать», повторилъ Герштенцвейгъ и уѣхалъ домой. Онъ не спалъ уже двое сутокъ. Какъ только его коляска завернула

за уголъ, въ ворота замка, пѣшкомъ, оглядываясь осторожно по сторонамъ, вошелъ епископъ Декертъ.

— «Выпустить народъ изъ костеловъ пришелъ я просить графа Ламберта», заявилъ онъ встрѣтившему его адъютанту.

— «Пусть выходятъ, препятствій къ тому нѣтъ, что же до арестовъ, это дѣло правительства и разсуждать объ этомъ теперь не время» *). Казалось, ни съ чѣмъ вернулся епископъ къ своимъ. Такъ нѣтъ! Члены духовно-религіознаго кружка не унялись. Они рѣшили высвободить самозаключившихся, устроивъ ночную процессію съ хоругвями, крестами и зажженными свѣчами. Духовенство въ полномъ облаченіи понесетъ святые Дары. Этимъ они предполагали поднять городъ, ими еще прежде вооруженный. Да сами же, конечно, и распустили слухъ о своемъ рѣшеніи такъ, чтобы онъ дошелъ до замка. Туда, наслушавшись этихъ разсказовъ, въ первомъ часу ночи явился генералъ Хрулевъ, очень разсерженный, взволнованный.

— «Минута весьма опасна»! твердилъ онъ. «Взрывъ возможенъ. Конечно, жителямъ не одолѣть войскъ: но все таки, произойдетъ страшное побоище. Падутъ многія жертвы, пожалуй, болѣе 8 апрѣля. Всего хуже то, что подъ выстрѣлы демонстративно ринется духовенство. И тогда, тогда что скажетъ Европа?»

Взволновался и намѣстникъ. Изящный, вѣжливый по воспитанію, тактичный по природѣ, да еще католикъ по вѣрѣ, онъ боялся Европы, ея газетныхъ толковъ, ея салоновъ. А тутъ даже русскій строевой генералъ и тотъ помянулъ Европу! Охъ, охъ! Умъ мутился, сердце заболѣло. Физически то онъ и безъ того былъ не изъ крѣпкосколоченныхъ! А тутъ кри-

*) Сообщено адъютантомъ Герштенцвейга.

тическое положеніе, долгъ службы, присяга, какъ бы указываютъ на необходимость твердо держаться даннаго приказа. А Европа? Шалуны подведутъ его! Европа осмѣетъ! И онъ послушался совѣта меньшинства, приказалъ генералу Хрулеву послать въ окруженные войсками костелы офицеровъ, съ безоружными солдатами, которые предложатъ народу выйти. И только въ случаѣ, если тѣ не послушаются, ввести вооруженныя команды и всѣхъ арестовать. Первая команда подошла къ костелу св. Креста: послышалась команда, сняли фуражки, храбрый унтеръ-офицеръ подошелъ, силой тряхнулъ дверь, думая, что она крѣпко заперта, а вдругъ тяжелыя половинки сами отворились,—костелъ же оказался пустымъ. Наши опѣшили и, конечно, сконфузились: ихъ провели!

Кто говорилъ, что друзья-пріятели изъ замка предупредили, и народъ успѣлъ исчезнуть черезъ сакристію въ садъ, а тамъ черезъ заборъ по задворкамъ на сосѣднія улицы. Другіе утверждаютъ, что ксендзы, зная свои подземелья, спустили по нимъ богомольцевъ и проводили ихъ прямо въ садъ графа Андрея Замойскаго.

Другому нашему отряду еще меньше посчастливилось. Какъ только солдаты показались на порогѣ, въ нихъ полетѣли скамьи, шандалы и все, что только подъ руку попадало. Невольно пришлось попятиться. Тогда съ оружіемъ вошла боевая команда, арестуя буяновъ, уводя ихъ въ замокъ.

Въ соборѣ св. Яна наши генералы Герштенцвейгъ и Потаповъ съ своими адъютантами увидѣли громадный храмъ, горящій тысячами огней. Въ серединѣ стоялъ великолѣпный катафалкъ съ серебрянымъ балдахиномъ, усѣяннымъ траурными слезами. Свя-

щенно-служители въ свѣтлыхъ, сіяющихъ ризахъ и окружающій ихъ народъ на колѣняхъ лицомъ къ алтарю въ совершенномъ безмолвіи... Кто-то изъ нашихъ предложилъ по-польски: «господа, уходите, а не то васъ приказано арестовать». Гробовое молчаніе. Темная масса, какъ одинъ человѣкъ, затаивъ дыханіе, точно оцѣпенѣвшая или сразу умершая, стояла молча на колѣняхъ. А храмъ горѣлъ огнями, дышалъ молитвою! Что дѣлать? «Исполнять приказъ», отвѣтила честная совѣсть Герштенцвейга. И солдаты стали брать людей маленькими группами и уводить въ замокъ. А колоколъ соборный, какъ ударилъ при видѣ приближающихся войскъ, такъ и продолжалъ разливаться въ тихомъ ночномъ воздухѣ, точно плакалъ, гудѣлъ, жалкую пѣсню тянулъ.

— «Да снимите мнѣ этого звонаря поскорѣе!» крикнулъ Герштенцвейгъ. Солдаты бросились исполнять его волю, но не скоро добрались до верху: вся лѣстница была запружена народомъ.

VI.

Уже свѣтало, когда кончились аресты. Улицы представляли кипящій котелъ. Вотъ-вотъ вспыхнетъ, зашумитъ, разольется возстаніе! Угрюмы были лица варшавянъ, угрожающи ихъ крики. Встань кто-нибудь во главѣ, поднимись руководящій звукъ, и кровь ручьемъ бы полилась по мостовой! На счастье, злой искры въ ту пору не случилось. Ея, быть можетъ, вовсе не было, а если и существовала, то сидѣла въ цитадели подъ семью замками. Генералъ-губернаторъ послалъ двѣ-три сотни казаковъ успокоить крикуновъ. Нагайки охладили сразу настроеніе, успокоили умы,

къ полудню городъ принялъ нормальный видъ, какъ будто, ничего и не бывало. Еще одно доказательство, что массы не были воинственно настроены и дѣйствовали только подъ давленіемъ заправилъ политическаго, но не народнаго движенія.

Тѣ изъ этихъ вожаковъ, что не попали подъ арестъ, тихошенько, съ опаской, одинъ по одному пробрались на Медовую улицу, въ залъ Консисторіи. Громъ и молніи метало благородное общество. Упреки сыпались на народъ:—«это вялое, безхарактерное славянское племя!»

— «Потерять такой моментъ и не возстать!»

— «Да онъ же, пожалуй, болѣе и не повторится!»

— «Когда же теперь еще вставать?»

— «Ну ужъ крышка нашему дѣлу!»

— «А несчастные братья, что терпятъ теперь въ цитадели!» плакались нѣкоторые.

— «Сегодня они еще здѣсь дома, можно что и предпринять для ихъ отрады, а завтра, въ силу военнаго положенія или просто по распоряженію высшей власти, могутъ очутиться они на пути въ Сибирь, въ разныя крѣпости, наконецъ, быть приговоренными къ смерти!» разъясняли ксендзы.

— «Боже! Боже! между ними ваши дѣти, сыновья благороднѣйшихъ родовъ»! поддакивали другіе, разжигая, играя на всѣхъ струнахъ человѣческаго сердца.

— «Развѣ подкупить кого?» заговорили дѣйствительно убитые горемъ родители.

— «Кого подкупить-то? при Герштенцвейгѣ? И думать нельзя! да и времени нѣтъ, надо дѣйствовать!»

— «Дѣйствовать! надо прежде всего запереть оскверненные храмы!» послышался грозный голосъ какого-то монаха. Его глаза блестѣли, онъ весь былъ негодованіе. Онъ говорилъ рѣзко. Рѣчь его, какъ лава, зажигала растерянные умы.

— «Пишите вы, велелебные отцы наши, панове бискупы, воззваніе къ духовенству! Что вы молчите? вы на это имѣете право! Есть папское постановленіе!» И послушались фанатика. Генеральная консисторія варшавской архіепархіи составила воззваніе къ варшавскому духовенству и распорядилась, чтобы костелы митрополитальный св. Яна и Бернардинскій были закрыты, по причинѣ ихъ осквереніе ночью 16-го числа октября.

Конечно, вѣсть объ этомъ, какъ молнія, разнеслась по городу. Писаніе читалось съ восторгомъ. Составителей похваливали—молодцами, выручателями называли. Намѣстникъ скорешенько узналъ обо всемъ и сейчасъ потребовалъ къ себѣ администратора. Крупна была ихъ рѣчь. Бѣлобржескій поднималъ голосъ. Говорилъ о потрясающихъ сценахъ ареста. Требовалъ освобожденія заключенныхъ. Не то—грозилъ выполнить свое распоряженіе—запереть костелы. Онъ въ конецъ разбилъ и безъ того больного намѣстника, при томъ все же католика! Не могъ же тотъ быть совсѣмъ равнодушнымъ къ словамъ своего епископа? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ настолько гордъ, что обѣщалъ сдѣлать съ своей стороны, все, что можетъ, къ успокоенію умовъ, надѣясь, что точно такъ же поступятъ и члены консисторіи. На этомъ они разстались.

Къ намѣстнику былъ призванъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи и получилъ приказаніе: отпра-

виться въ цидатель, произвести тамъ возможно скорую сортировку и, вмѣстѣ съ комендантомъ крѣпости генераломъ Ермоловымъ, освободить тѣхъ, кто покажется имъ менѣе опаснымъ и виновнымъ.

— «Обратите все ваше вниманіе на возрастъ: старики и дѣти пусть идутъ!» кончилъ намѣстникъ. Полковникъ Левшинъ въ точности исполнилъ распоряженіе начальства. Часа черезъ полтора значительная часть забранныхъ была свободна.

Въ тѣ же самые часы въ Брюловскомъ дворцѣ генералъ-губернаторъ принималъ коменданта города князя Бебутова съ дневнымъ рапортомъ.

— «Съѣздите въ цитадель, обойдите арестантовъ и позаботьтесь сами, чтобы у нихъ было все необходимое: хорошая пища, для спанья солома, тюфяки, подушки, кому нужно». Исполнивъ этотъ свой долгъ, онъ спокойно поѣхалъ въ замокъ. Его опытный глазъ замѣтилъ сконфуженность на лицахъ свиты намѣстника, адъютантовъ, ординарцевъ.

— «Какъ здоровье графа?» спросилъ онъ кого-то.

— «Доктора позвали послѣ посѣщенія бискупа-администратора», загадочно, какъ ему показалось, отвѣтили въ струнку вытянувшіеся офицеры. «Что еще приключилось?» думалъ умный Герштенцвейгъ, входя къ начальнику—товарищу (по прежней службѣ).

— «Я боленъ», стоналъ графъ, «бискупъ сообщилъ мнѣ такія ужасныя подробности о сценахъ, разыгравшихся во время ночныхъ арестовъ».

— «Ничего особеннаго не могло произойти», желая успокоить собрата, перебилъ его генералъ. «Нашъ солдатъ очень благодушенъ и его трудно озвѣрить. Сколько разъ я самъ видѣлъ его здѣсь спокойно выносящаго всѣ издѣвательства толпы».

— «О нѣтъ, вы бы послушали только, что говорилъ прелатъ. Въ крѣпость попало такъ много старцевъ дряхлыхъ, юношей, ни въ чемъ неповинныхъ. Ихъ матери, жены, дочери, сестры съ горя рвутся лишить себя жизни. Многія уже заболѣли. Я послалъ Левшина и Ермолова въ цитадель разсортировать арестованныхъ и выпустить неповинныхъ», виновато и не глядя на собесѣдника говорилъ намѣстникъ, глотая поданную микстуру и стараясь изподлобья разобрать, какое впечатлѣніе его слова производятъ на посѣтителя.

— «Какъ выпустить? Какъ разсортировать? Какъ? Этимъ вы нарушаете собственное свое распоряженіе. Оно же было признано неизбѣжнымъ, неотвратимымъ. О немъ доложено Государю! Получена его санкція! Вы меня командировали въ соборъ лично выполнить аресты. Къ чему соблазнъ нарушенія собственнаго приказа? Къ чему вся эта ночная печальная комедія? Свалка народа съ войсками! Этотъ звонъ набатнаго колокола!» Его передернуло. Ламбертъ защищался. Правота Герштенцвейга была очевидна, ощутительна. Это его волновало, бѣсило до крайности. Оба вышли изъ себя, забылись, наговорили другъ другу непростительныхъ рѣзкостей. Дошло дѣло до дуэли. Но не могли же они въ такую критическую минуту, на потѣху врагамъ, драться явно, по принятому обычаю. Пришлось изыскать выходъ—прибѣгнуть къ американской дуэли. Они потянули жребій: застрѣлится тотъ, кому выпадетъ «пистолетъ». На горе намъ, жребій выпалъ Герштенцвейгу.

Онъ уѣхалъ домой. Пообѣдалъ по обычаю съ своими адъютантами, но былъ мраченъ и молчаливъ. Чувствовалось что-то недоброе. И любившіе его под-

чиненные очень неохотно оставили его одного въ кабинетѣ, гдѣ онъ хотѣлъ прилечь и отдохнуть, такъ, просто, въ сюртукѣ, какъ былъ, не раздѣваясь. Никого не приказалъ принимать. Никто и не смѣлъ входить. Онъ весь вечеръ до утра слѣдующаго дня оставался одинъ съ своими думами, своими чувствами. Никому ни слова не сказалъ, никому ничего не написалъ. А жаль,—генералъ Герштенцвейгъ былъ изъ числа очень немногихъ, рѣдко способныхъ, честныхъ, умныхъ нашихъ дѣятелей. Помѣняла бы судьба роли его и графа Ламберта, никогда польское возстаніе не дошло бы до такихъ чудовищныхъ размѣровъ! Никогда нелѣпыя, нечестивыя мечтанія поляковъ не стоили бы такихъ ужасающихъ потоковъ крови!

17 октября въ 7 часовъ утра генералъ Герштенцвейгъ подошелъ къ окну, взглянулъ послѣдній разъ на зарождавшійся осенній день и выстрѣлилъ себѣ въ лобъ два раза. Пуля скользула по черепу, прошла сквозь гардины и окошко. Храбрецъ не дрогнулъ, онъ еще разъ выстрѣлилъ—черепъ треснулъ въ одиннадцати мѣстахъ, пуля скользнула по внутренности черепа и остановилась въ затылкѣ. Несмотря на это, несчастный страдалецъ былъ не только живъ, но и въ полной памяти и даже, страшно выговорить, онъ промучился еще девятнадцать сутокъ.

Какъ только намѣстникъ узналъ о выстрѣлѣ, онъ бросился къ Герштенцвейгу. Его встрѣтили все злыя, хмурыя лица. Въ глазахъ каждаго онъ читалъ укоръ себѣ, безысходное горе, слезы объ умирающемъ. Онъ желалъ остаться съ больнымъ наединѣ, больной не соглашался. Но намѣстникъ настоялъ.

По городу понеслись всевозможные слухи, таинственныя перешептыванія, самыя невѣроятныя по-

дробности. Телеграфъ, почта, человѣческіе языки—все работало, какъ никогда. А подъ шумокъ прелаты и ксендзы вели свое дѣло о храмахъ по своему. Намѣстникъ освободилъ арестантовъ, въ цитадели осталась десятая часть заключенныхъ, только тѣ, кто сами себя обзывали неизмѣнными революціонерами, кто кичился своей ненавистью къ москалямъ! А костелы оставались все закрытыми и печать виднѣлась на дверяхъ соборовъ св. Яна и Бернардинскаго. Намѣстникъ потребовалъ объясненій черезъ директора Духовныхъ Дѣлъ маркиза Велепольскаго. Онъ возлагалъ всю отвѣтственность на администратора, епископа Бѣлобржескаго. По всей строгости военнаго положенія, онъ отвѣчалъ за всѣ послѣдствія, какія могутъ произойти отъ ослушанія распоряженію намѣстника. Черезъ часъ, много два, былъ полученъ предлиннѣйшій отвѣтъ. Дерзкій, лживый, угрожающій, онъ кончался рѣшительнымъ отказомъ измѣнить разъ сдѣланное распоряженіе.

Въ послѣднихъ словахъ такъ и звучала угроза, требованіе освободить и остальныхъ заключенныхъ! Даже графъ Ламбертъ потерялъ терпѣніе! По его приказу, начались аресты всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ людей.

Цитадель снова наполнилась заключенными. Приговорили къ разстрѣлянію комиссара 10-го циркуля Дзержановскаго, заподозрѣннаго въ содѣйствіи къ исчезновенію толпы изъ костела св. Креста. Намѣстникъ сильно волновался. Угрозы духовенства, осязательность серьезно обдуманнаго, повсемѣстнаго движенія разстроили его вообще слабое здоровье. Смерть Герштенцвейга доконала его. Онъ сталъ харкать кровью и взмолился объ увольненіи.

— «Ради Бога, пришлите кого-нибудь на наши мѣста», телеграфировалъ онъ въ Петербургъ.

Государь былъ тогда въ Ливадіи. Онъ тотчасъ вызвалъ туда изъ Одессы генералъ-адъютанта Лидерса и предложилъ ему должность намѣстника.

— «Нужно нѣкоторое время, чтобы собраться», объяснилъ тотъ приближеннымъ Его Величества.

— «На дняхъ кончается заграничный отпускъ Сухозанета», припомнилъ Александръ Николаевичъ. «Вотъ было бы хорошо, если бы онъ, проѣздомъ черезъ Варшаву, остановился тамъ, на возвратномъ пути, до пріѣзда Лидерса».

Конечно, близкіе уловили мысль Государя, и Сухозанетъ былъ во время предупрежденъ. Зная дѣло, чувствуя свои силы, горячо желая, сколько можетъ, облегчить Царю его заботы, онъ самъ вызвался на время замѣстить назначеннаго намѣстника.

— «Прошу васъ дѣйствовать безъ всякаго послабленія и не допускать ни подъ какимъ видомъ своеволій. Виноватыхъ судить по военному положенію и приговоры приводить въ исполненіе немедленно», отвѣчалъ Государь, благодаря и принимая предлагаемыя услуги своего преданнѣйшаго вѣрноподданнаго. Графъ Ламбертъ еще не успѣлъ оставить Варшавы, когда узнали въ обществѣ о возвращеніи Сухозанета, хотя и на время. Конечно, телеграфъ выдалъ содержаніе Царской депеши.

Какъ тараканы, забѣгали патеры, послушники, дѣвотки по задворкамъ монастырей, общежитій, пріютовъ, этихъ могучихъ разсадниковъ и укрывателей смуты, разнося поразительную новость. Заволновались и хоромы и подполья. Зашептались и друзья и недруги.

— «Бѣда, изводъ! Теперь придется скрыть всѣ

данныя подъ надежными замками, замести, какъ можно, похитрѣе всѣ слѣды. Упреки понеслись на самую консисторію.

— «Она виновата: не хотѣла уступить, пересолила, добила бѣднаго доброхота Ламберта. Съ нимъ порвалась удобная, надежная связь съ правительственными сферами», говорили, твердили, повторяли всѣ до единаго въ столицѣ Царства Польскаго.

— «Охъ, Сухозанетъ! Пропадаетъ при немъ ни за что наше святое дѣло!»

— «И мое личное, конечно, не выгоритъ», рѣшилъ умнѣйшій, ловкій Велепольскій и моментально привезъ Ламберту свою отставку.

— «Не могу, не хочу служить съ Сухозанетомъ!» говорилъ онъ откланиваясь. Дѣйствительно, не служить же ему съ умнымъ, честнымъ русскимъ человѣкомъ! Онъ все время велъ свою личную политику. Чиновникъ русской службы, онъ съ изумительною ловкостью руководилъ революціоннымъ движеніемъ, чтобы высвободить родину изъ-подъ нашей власти. Когда же Польша оказалась бы самостоятельной, о! тогда онъ сумѣетъ справиться съ своими кичливыми родичами, подобрать ихъ подъ свою самостоятельную, чего добраго, самодержавную власть! Ни намъ, ни нашимъ врагамъ невдомекъ было, какъ онъ ловко протягивалъ свою выхоленную, аристократическую руку къ коронѣ Пястовъ!

Обстоятельства замѣчательно ему благопріятствовали. Втихомолку онъ самъ ощущалъ, что близится къ цѣли. И вдругъ передъ нимъ, поперекъ такъ тщательно очищавшейся дороги, встала фигура русскаго генерала! Не скрыться передъ его быстрымъ, острымъ взглядомъ, привыкшимъ, не моргнувъ, смотрѣть въ глаза смерти

и врагу! У него нѣтъ ни одной фальшивой мысли, ни одного лукаваго шага! Нѣтъ, съ нимъ, при немъ не поведешь двойной игры, не освободишь родины, не проведешь своихъ личныхъ интересовъ!

— «Увольте меня, графъ, поскорѣе! Не могу, не хочу служить съ Сухозанетомъ. Онъ невоспитанъ, онъ немилосердъ. Ему безразлично, на кого наложить руку. Отъ него не ждать помилованія даже невиннымъ, даже женщинамъ». Графъ не нашелъ возможнымъ принять отставку маркиза и именемъ Государя удержалъ его на службѣ.

Государственный Канцлеръ князь А. М. Горчаковъ.

Сухозанету Государь дѣйствительно телеграфировалъ, что онъ не согласенъ на увольненіе Велепольскаго, что оставаясь на службѣ, маркизъ этимъ самымъ докажетъ истинную свою преданность отечеству и Монарху. Исполнивъ повелѣніе Императора, военный министръ доносилъ:

«Велепольскій отвѣтилъ уклончиво; хочетъ съ курьеромъ писать Вашему Величеству. Причина желанія удалиться есть убѣжденіе, что я съ усиленной строгостью буду исполнять военное положеніе, на которое онъ согласился, только въ надеждѣ смягченія его графомъ Ламбертомъ. Мое убѣжденіе въ необхо-

димости увольненія или, по крайней мѣрѣ, оставленія его при одной только юстиціи. Въ просвѣщеніи, и особенно духовной комиссіи, онъ положительно вреденъ. Мнѣніе сіе раздѣляютъ графъ Ламбертъ и Платоновъ». А въ слѣдующей депешѣ добавлялъ: «Онъ сумасбродно продолжаетъ ослушаніе; затрудняюсь въ рѣшительныхъ противъ него мѣрахъ, но терпѣть его поступки опасно». Депеши Сухозанета подтвердилъ и посланный имъ къ Государю генералъ Потаповъ. Чиновный Петербургъ поднялся на дыбы. Графъ Блудовъ, князь А. М. Горчаковъ, Валуевъ завопили въ пользу поляка. Участливо отнеслись и придворныя сферы. Рѣзкій по природѣ Сухозанетъ на нашей западной окраинѣ, въ польскомъ вопросѣ казался имъ извергомъ, и всѣ, конечно, пуще всего боялись того, что скажетъ о насъ Европа, если мы дадимъ ему волю справиться по своему съ возстаніемъ этихъ, все же пресимпатичныхъ поляковъ! Тамъ насъ и безъ того считаютъ варварами.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Валуевъ.

VII.

Государь посмотрѣлъ на дѣло Велепольскаго по своему. Онъ удалилъ маркиза отъ тѣхъ должностей, на которыхъ онъ могъ вредить дѣлу успокоенія края, его сліянію съ Имперіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвалъ его къ себѣ въ Петербургъ, гдѣ у польскаго магната нашлись вѣрнѣйшіе друзья, покровители. Съ ихъ помощью Велепольскій воспрянулъ духомъ и отдался прежнимъ мечтаніямъ съ новой энергіей, новымъ успѣхомъ, парализуя все, что съ такимъ трудомъ старался укоренить Сухозанетъ во ввѣренномъ ему краѣ. Прелатъ Бѣлобржескій былъ приговоренъ къ смертной казни,—ее въ Петербургѣ замѣнили заключеніемъ въ Бобруйской крѣпости. Поляковъ чиновниковъ или полякующихъ русскихъ онъ замѣнилъ болѣе надежными. Но главные костелы оставались все еще запертыми и наши войска лагеремъ стояли на улицахъ и площадяхъ Варшавы. Даже евреи заперли свои синагоги, протестуя заодно съ вновъ испеченными друзьями и оплакивая Варшаву, какъ встарь ихъ предки оплакивали Іерусалимъ. «Поляки Моисеева закона» любили они называть себя съ тѣхъ поръ, какъ почуяли, что броженіе въ Польшѣ имѣетъ зацѣпку въ Петербургѣ, что тамъ сильно считаются съ европейскими кабинетами.

Лидерсъ скоро пріѣхалъ на смѣну Сухозанета. Онъ твердо велъ свое дѣло въ столицѣ и въ провинціи. Обывателей обезоруживали, сажали въ крѣпость, ссылали вглубь Имперіи. Отвѣчали репрессіями на всѣ дерзкія демонстраціи безсмысленнаго неповиновенія.

Костелы отперъ, какъ только пріѣхалъ изъ Пе-

тербурга, вновь назначенный архіепископъ Фелинскій. Онъ самъ отслужилъ обѣдню въ соборѣ св. Яна, его суфраганъ Платеръ—у Бернардиновъ. Оба въ проповѣдяхъ предпосылали совѣты: молиться, смириться и — не пѣть гимновъ, какъ не имѣющихъ ничего общаго съ молитвой и церковнымъ богослуженіемъ.

— «Вѣрьте мнѣ, и кто вѣруетъ, пусть преклонитъ колѣна, чтобы я его благословилъ!» кончилъ прелатъ свое вступительное слово. Толпа склонялась, но постепенно, оглядываясь по сторонамъ: «а что? какъ поступитъ сосѣдъ?» Были и такіе, что совсѣмъ не склонялись.

— «Гимны запрещаетъ, а хочетъ, чтобы ему поклонились. Ни за что! Какое же такое благословеніе отъ человѣка, запрещающаго пѣть: «Боже, спаси Польшу!» Это онъ въ руку москалямъ дѣйствуетъ! Не стоитъ онъ поклона честнаго поляка!»

Три дня продолжались сорока-часовыя молебствія въ костелахъ, какъ бы въ очищеніе ихъ отъ допущеннаго прежде пѣнія немолитвенныхъ гимновъ. Но наружная тишина ни на минуту не ослабляла подпольной работы, домогавшейся достигнуть такъ или иначе своихъ цѣлей. Велепольскій не дремалъ въ Петербургѣ. Наивысшая бюрократія, подъ его искуснымъ давленіемъ, разрабатывала совершенно новый укладъ для Царства Польскаго. Осторожно, обдуманно велъ маркизъ свое дѣло, шагъ за шагомъ пробираясь къ завѣтной цѣли. Ему, какъ природному поляку, предоставлялась благодарная роль вѣдать гражданское управленіе роднымъ краемъ въ твердой увѣренности, что онъ лучше другихъ сумѣетъ край успокоить, водворитъ въ немъ тишину, порядокъ, благосостояніе. Верховное же управленіе вручалось умному, обра-

зованному, способному Августѣйшему брату Государя, Великому Князю Константину Николаевичу. Большаго, лучшаго управленія не могло даже и во снѣ присниться взбаламученному краю. Ясно, что Монархъ не винилъ всю страну въ преступленіяхъ навѣянныхъ, безпочвенныхъ, въ дѣяніяхъ безтолковаго меньшинства, волновавшагося подъ руководствомъ ксендзовъ и иностранныхъ пролетаріевъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Сообщая Государственному Совѣту Царства Польскаго благую вѣсть о назначеніи Великаго Князя, Лидерсъ выразилъ надежду, что вся страна отвѣтитъ благодарностью Императору и Царю, приметъ искреннее участіе въ приведеніи въ исполненіе высоко-милостивыхъ его намѣреній! «Конечно», увѣренно говорилъ Лидерсъ: «прибытіе Августѣйшаго брата Его Величества можетъ быть началомъ новой, счастливой эпохи!»

Затрещалъ, раскатился отвѣтъ! По всему міру раздался этотъ отвѣтный за добро, предательскій выстрѣлъ. Онъ былъ направленъ въ Царскаго намѣстника, средь бѣла дня, въ Саксонскомъ саду, гдѣ Лидерсъ гулялъ около зданія минеральныхъ водъ! За добро платить зломъ — это ведется отъ начала міра. Объ этомъ упоминается и въ Евангельской притчѣ Спасителя:

«Сына Своего Единороднаго послалъ Господинъ виноградника къ преступнымъ виноградарямъ, — они же и Сына убили».

Брата своего послалъ Русскій Царь къ полякамъ, чтобы умиротворить край, водворить въ немъ новые порядки, успокоить умы, дать просторъ мирному развитію счастія, богатства края. И ему отвѣтили выстрѣломъ. Прошло дня два, три: пріѣхалъ Августѣйшій намѣстникъ, привѣтно обратился къ встрѣчавшимъ его гражданамъ и властямъ. И, при первомъ же его выѣздѣ въ театръ, онъ былъ самъ раненъ въ упоръ выстрѣломъ изъ пистолета. Пуля пробила пальто, эполетную канитель, сюртукъ, рубашку и галстухъ, оцарапала кожу надъ лѣвой ключицей и, запутавшись въ канители, повисла между рубашкой и тѣломъ. Великій Князь велѣлъ перевязать себѣ рану въ комнатѣ за царской ложей, написалъ тутъ же собственноручно успокоительную депешу брату—Царю и вернулся въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ, къ счастью, Великая Княгиня ничего еще не знала. Преступникъ былъ задержанъ и, вопреки всѣмъ газетнымъ толкамъ и крикамъ польской и полякующей печати, оказался не русскимъ, а полякомъ. Это былъ портной-подмастерье, родомъ изъ Радомской губерніи, Людовикъ Ярошинскій. Его схватили съ револьверомъ въ рукахъ, кинжаломъ и письмомъ въ карманѣ, которымъ предупреждалось, что онъ тотъ самый, кто стрѣлялъ и въ Лидерса. Это оказалось ложью, такъ какъ первый преступникъ назывался Кавальскій, конечно, тоже полякъ. Нарядили слѣдствіе, начались новые розыски, аресты, дѣло кончилось смертнымъ приговоромъ, который еще болѣе поднялъ взбаламученное море польскихъ волненій.

«Слава Богу, что ты чувствуешь себя хорошо и что Сани *) не была испугана. Общее участіе меня радуетъ и не удивляетъ. Могу тоже сказать и здѣсь. Обнимаемъ васъ. Утромъ былъ у насъ благодарственный молебенъ», телеграфировалъ любящій Братъ.

Дѣйствительно, даже Европа выказала сочувствіе тому, кто едва не умеръ жертвой ея интригъ противъ Россіи. Императоръ Наполеонъ, короли Прусскій, Ганноверскій, Саксонскій, Бельгійскій прислали самыя теплыя депеши. Нашъ генералитетъ выражалъ свое горячее негодованіе о случившемся и радовался счастливому исходу несчастія. За военными, польскій Государственный Совѣтъ и чины всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ явились поздравить Великаго Князя. Его Высочество, благодаря всѣхъ, объявилъ, что «этотъ случай не измѣнитъ его доброжелательности къ странѣ; что онъ не допускаетъ солидарности между убійцей и народомъ, и вѣритъ, что отнынѣ сила правды озаритъ заблудшихъ, такъ какъ стало для всѣхъ ясно, какъ далеко зашла зараза».

«Дайте мнѣ возможность, трудиться вамъ на благо», кончилъ онъ, «и будьте увѣрены, что совершу все, что только въ моихъ силахъ! Прошу, господа, вашего содѣйствія», и онъ подалъ руки Замойскому и Велепольскому. «Поддержите меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишенное поддержки націи, остается безсильнымъ».

На этотъ рыцарскій привѣтъ Польша отвѣтила полнымъ взрывомъ возстанія. Шайки грабителей являлись всюду. Кровь мирныхъ жителей, не встававшихъ противъ насъ, полилась рѣками. Фелинскій увѣщевалъ, взывалъ къ миру съ высоты своей архіерей-

*) Великая Княгиня Александра Іосифовна.

ской каѳедры, а его ксендзы, его монахи съ крестами въ рукахъ и пѣной у рта взывали къ смерти, гибели москалей и всѣхъ тѣхъ, кто не поднимался противъ русскихъ за освобожденіе ойчизны и для слитія всѣхъ, когда-то присоединенныхъ къ ней, земель.

— «Если удары убійцъ станутъ снова отыскивать жертвы, пусть лучше обратятся они на мою грудь, чѣмъ мнѣ переживать добродѣтели отцовъ нашихъ и честь польскаго имени!» патетически ораторствовалъ Велепольскій въ Государственномъ Совѣтѣ, взволнованный европейскими симпатіями къ нашему дѣйствительно прекрасному Великому Князю.

На этотъ вызовъ польская справа отвѣтила двумя выстрѣлами въ грудь горячаго патріота. Оба раза неудачно! Всѣ три убійцы были судимы военнымъ судомъ и повѣшены на гласилѣ Варшавской цитадели. Отзвукъ преступныхъ выстрѣловъ отдался сильнымъ негодованіемъ въ сердцахъ русскихъ людей по лицу родной земли нашей. Церковь, общество, семья русская заговорили! Выразителемъ общественнаго мнѣнія явилась на стогнахъ первопрестольной столицы газета Михаила Никифоровича Каткова «Московскія Вѣдомости». За Царя, за Церковь, за Русь единую, нераздѣльную встала наша патріотическая газета. Она заговорила русскимъ голосомъ о правахъ родины, попираемыхъ маленькимъ племенемъ, пристегнутымъ волею судьбы къ жизни родного колосса. Пламенныя рѣчи даровитаго, убѣжденнаго публициста уничтожили вліяніе на власть нашу либеральныхъ органовъ и заграничныхъ выходцевъ, которымъ извѣстная часть русскаго общества охотно подчинялась и содѣйствовала своей симпатіей и бездѣйствіемъ. Умный тогдашній военный министръ Д. А. Милютинъ писалъ своему брату,

труженику по крестьянской реформѣ: «Общество несравненно вообще лучше настроено теперь, чѣмъ прежде. Одни только завзятые нигилисты долгомъ считаютъ проявлять свое пристрастіе и даже симпатіи Польшѣ. Вся же масса благоразумныхъ людей высказываетъ неоспоримый порывъ патріотизма, опровергающій множество слуховъ, распространенныхъ за границею нашими революціонными выходцами и нелѣпыми туристами».

Къ несчастью, эта хорошая сторона общественнаго движенія скрыла отъ взгляда не одного только Милютина, но и вообще нашихъ правящихъ сферъ ту часть подпольнаго нашего движенія, которая соприкасалась или лучше вдохновлялась польскимъ народнымъ жондомъ для его собственныхъ цѣлей.

— «Панове - братья!» послышалось въ концѣ іюня того же 1862 года въ обширномъ, нарядномъ помѣщеніи въ Офицерской улицѣ, занимаемомъ четырьмя слушателями Академіи Генеральнаго Штаба, гдѣ обыкновенно собирался, подъ видомъ литературныхъ вечеровъ, польскій «военный кружокъ Петербурга». Всѣ пять комнатъ были полнешеньки исключительно военными разнаго рода оружія и спеціальностей. На большинствѣ изъ нихъ красовались академическіе эксельбанты и «ученые» кантики по низу бархатныхъ воротниковъ. Тутъ были: инженеры, путейцы, артиллеристы, телеграфисты, саперы, пѣхота и конница, гвардія и армія, всего человѣкъ сорокъ. Слышалось много европейскихъ нарѣчій, но, конечно, преобладалъ польскій. Какъ только послышался голосъ предсѣдателя, всѣ смолкли, всѣ сгруппировались поближе къ нему, всѣ напрягли вниманіе, чтобы не проронить ни словечка. На призывной повѣсткѣ

стояло заманчивое слово «экстренно». И дѣйствительно, всѣ были экстренно настроены.

— «Панове—братья»! — повторилъ предсѣдатель громко и самоувѣренно, не глядя ни на кого, помимо всѣхъ, устремляя спокойный взглядъ на противоположную стѣну, гдѣ красовалась карта не той Польши, какою она была при Пястахъ, а той, которая составилась при Ягайлѣ изъ наслѣдія Пястовъ и всѣхъ земель Литовско-русскихъ Гедимина, Ольгерда и Витовта.

«21-го іюня, въ 11 часовъ вечера, какъ вамъ всѣмъ должно быть небезызвѣстно, телеграмма изъ Варшавы разнесла по городу вѣсть, что новый намѣстникъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ раненъ изъ пистолета. Тому прошло уже пять дней. Сегодня утромъ мы получили сообщенія, которыя собственно и вызвали наше экстренное собраніе. Положеніе тамъ натянуто до послѣдней возможности, такъ что народный взрывъ можетъ произойти ежеминутно. Но если Польша готова къ поголовному взрыву, то и русскія войска готовы, какъ вамъ должно быть извѣстно по вашему роду службы, къ твердому сопротивленію. Вы сами солдаты, понимаете, что каковъ бы ни былъ взрывъ народный, ему невозможно устоять противъ нѣсколькихъ батальоновъ регулярныхъ войскъ. Варшава требуетъ отъ насъ организаторовъ, инструкторовъ, офицеровъ, довудцевъ *). Она требуетъ, чтобы, какъ можно, скорѣе мы высылали военныхъ агентовъ и въ Конгрессувку **), и въ Литву, и въ Кіевъ, и въ Житоміръ. Народное войско уже готово, есть и оружіе, есть и запасы, но нѣтъ еще

*) Предводителей.

**) 10 губерній Царства Польскаго.

офицеровъ, нѣтъ организаторовъ. И тѣхъ и другихъ, въ вашемъ лицѣ, подготовила сама Россія для нашей ойчизны. Наше время, господа, приспѣло. Надо торопиться и вотъ по какимъ именно соображеніямъ: до самыхъ послѣднихъ дней наши миссіи и наша пропаганда, какъ нельзя успѣшнѣе, подготовляла русское общество къ сочувствію нашему святому дѣлу. Европа уже давно за насъ! Но вы, конечно, согласитесь, что намъ нужнѣе симпатіи москалей. Ихъ голосъ можетъ вліять на правительство; тогда оно не осмѣлится намъ рѣзко противодѣйствовать! Оно должно будетъ уступить подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія своего же народа. А какъ же еще сильнѣе призадумается оно, когда въ рядахъ нашихъ борцовъ увидитъ своихъ собственныхъ офицеровъ! Въ обществѣ очень сильное броженіе въ нашу пользу, этого отрицать нельзя! Особенно сильно сочувствовало намъ общество «Молодая Россія». Къ несчастію, варшавскіе выстрѣлы сдѣлали то, что въ обществѣ стала подниматься замѣтная реакція. Она уже слышна въ литературѣ. Ее мы допустить не можемъ. Надо торопиться. Помните, что черезъ два года прекращается переходное состояніе крестьянъ. «Земля и воля» къ тому времени обѣщаетъ поднять крестьянъ, она наша крѣпкая, надежная поддержка. И она будетъ безсильна противъ реакціи. Здѣшніе пожары, варшавскіе выстрѣлы ставятъ дѣло такъ, что оно должно быстро идти къ окончанію. Событія не ждутъ! И, какъ видите, опережаютъ даже осторожность и благоразуміе. Мы должны руководиться ими. Надо работать. Вы должны изъ подготовленнаго уже, но сырого матеріала организовать стройные отряды, народную армію, обучить нашихъ будущихъ солдатъ ловко, умѣло

дѣйствовать и косой, и саблей, и штыкомъ, и пулей— ввести строй и дисциплину. Духъ же свободы, духъ военный, старый польскій духъ, благодареніе Богу, еще живъ, еще не умеръ! По порученію варшавскаго народнаго комитета, имѣю честь предложить вамъ, господа, немедленно приступить къ выбору изъ вашей среды наиболѣе способныхъ организаторовъ въ разныя части Польши, Литвы и Руси. Ваше дѣло— дѣло Бога и ойчизны».

Всѣ присутствовавшіе ринулись на этотъ призывъ. Въ формѣ русскихъ военныхъ частей, получая русское жалованье, содержа на него, кормя, воспитывая этими русскими деньгами свои семьи, своихъ дѣтей, они шли учить народъ бить русскія войска, разбивать государственный строй страны-кормилицы. И это называлось честнымъ, патріотическимъ дѣломъ!

Въ нѣсколько дней оффиціальная сторона дѣла, долженствовавшаго если не погубить, то изувѣчить нашу дорогую родину, была обдѣлана. Офицеры получили отъ своихъ вѣдомствъ экстренныя служебныя командировки въ Литву, Бѣлоруссію, Польшу, Украйну, на Волынь и Подолію. Нашлись правительственныя надобности въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ они должны были приложить свои знанія на дѣло революціи, повстанья. Инструкціи и казенныя и частныя, то есть, повстанческія, были у каждаго въ карманѣ, когда они садились въ вагоны Варшавской желѣзной дороги. Конечно, они платили за мѣста, на которыхъ ѣхали поднимать народную войну, казенныя деньги, и не стѣснялись пользоваться всѣми льготами и привилегіями людей, ѣдущихъ по Высочайшему повелѣнію.

Злую, кровавую пользу принесли они польскому

дѣлу. Возстаніе стало развиваться съ удвоенной силой. Народъ бѣжалъ до лясу, строился въ правильные отряды подъ командой опытныхъ вождей. Кровь лилась не въ однихъ схваткахъ русскихъ летучихъ отрядовъ съ повстанцами, но и въ схваткахъ поляковъ-повстанцевъ съ поляками мирными. По распоряженію подпольнаго жонда, его агенты, такъ называемые жандармы—вѣшатели и кинжальщики, свирѣпо расправлялись съ поляками же, мирными обывателями, не сочувствовавшими мятежу. Составъ тайнаго комитета, руководившаго возстаніемъ, оставался необнаруженнымъ, хотя отъ его имени едва ли не ежедневно издавались разныя воззванія и распоряженія, дѣлались поборы, устраивались манифестаціи. Дворянство, духовенство видимо стояли за возставшихъ. Система примиренія, предложенная Велепольскимъ, была скорѣе вредна и приводила къ сильнѣйшему еще кровопролитію. Онъ понялъ, что проигралъ свою двойную игру, и сталъ проситься на покой, по крайней мѣрѣ, въ отпускъ, на морскія купанья, чтобы возстановить потерянныя въ безполезной борьбѣ силы. Его отпустили, а потомъ и совсѣмъ уволили, понявъ, наконецъ, его вредное для Имперіи руководство польскими дѣлами.

Возстаніе продолжало развиваться, не взирая на постоянныя пораженія шаекъ нашими войсками. Великій Князь—намѣстникъ не могъ превозмочь своей человѣчности, онъ не умѣлъ жестоко карать. Онъ удалилъ въ Ярославль архіепископа Фелинскаго, вполнѣ понимая, что это была полумѣра, что въ дѣлѣ кроваваго возстанія нужно отвѣчать желѣзною волею, жестокой карой. Его физическія силы не выносили этого дѣйствительно невыносимаго положенія.

Государь понялъ своего брата и, хотя неохотно, согласился на его освобожденіе отъ непосильной обузы. Въ рескриптѣ на имя Его Высочества между прочимъ сказано: «Неусыпно и не щадя своего здоровья, Ваше Императорское Высочество твердою волею старались осуществить мои благія для Царства Польскаго намѣренія. Соглашая постоянно ваши дѣйствія съ цѣлью вашего назначенія, имѣя постоянно въ виду пользу службы Россіи и ввѣреннаго управленію вашему края, пренебрегая ежеминутно личною опасностью, вы не поколебались, въ неустанныхъ усиліяхъ вашихъ и тогда, когда открытый мятежъ противопоставилъ величайшія затрудненія дѣйствію закона».

Продолжая развивать свою мысль, Государь говоритъ дальше: «Народъ польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія Вашего Императорскаго Высочества моимъ намѣстникомъ и вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами оказался недостойнымъ даннаго ему въ лицѣ любезнаго мнѣ брата залога благосклонныхъ намѣреній моихъ. Сознавая справедливость вашего воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе ваше, я соизволяю на испрашиваемое вами увольненіе отъ обязанностей намѣстника моего и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ. Когда же, съ помощью Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ прекращено, когда внявъ, наконецъ, голосу закона и долга, подданные мои въ Царствѣ отвергнутъ насилія отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому вами дѣлу, когда обстоятельства дозво-

лятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя мною были дарованы Царству и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній,—тогда я буду надѣяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній и посвятить себя на пользу службы съ той же ревностью и самоотверженіемъ, коихъ постоянныя и несомнѣнныя доказательства столь же были отрадны моему сердцу, сколь и неограниченны мои къ вамъ довѣріе и братскія дружба и любовь».

Пройдутъ вѣка, сгладятся, можетъ быть, шипы вѣроисповѣдной и политической вражды на границахъ Россіи съ Польшею, но не изгладятся со страницъ исторіи эти великія слова кротчайшаго, мудрѣйшаго христіанина на престолѣ! И его-то не поняли ни поляки, ни наши русскіе либеральные мыслители! Никому изъ нихъ во снѣ не могъ присниться болѣе либеральный, болѣе гуманный взглядъ на дѣло правленія, на обязанности правителя. Всепрощающій Самодержецъ среди бури возстанія, среди ужасовъ революціи говорилъ не о мщеніи, не о репрессіяхъ, а о возможности продолжать благое дѣло гуманнаго развитія того народа, который поднималъ окровавленный ножъ надъ его трономъ. Обманомъ, подлостью, измѣной польскій народъ препятствовалъ ему водворять либеральныя, полезныя нововведенія. Великій Князь оставилъ Варшаву, Польшу. Здоровье его требовало серьезнаго лѣченія, подкрѣпленія.

Его мѣсто занялъ энергичный графъ Бергъ. Онъ взялъ примѣръ съ усмирителя крамолы въ Литвѣ Михаила Николаевича Муравьева: неумолимо, строго каралъ преступниковъ, не допускалъ никакихъ послабленій. Подпольный жондъ напрягалъ неимовѣр-

ныя усилія, чтобы его убить, извести. Къ счастью, несмотря на все усердіе жандармовъ-вѣшателей, всѣ ихъ попытки ни разу не удались. Преслѣдованія мятежныхъ шаекъ производились съ возростающимъ успѣхомъ, возростающей энергіей. Наружный порядокъ сталъ возвращаться, смолкло пѣніе особыхъ гимновъ на богослуженіи. Трауръ былъ снятъ. На городъ Варшаву наложена сильная контрибуція. Слѣдовательная коммиссія раскрывала одну за другой всѣ преступныя нити мятежа. Оглашенія дѣла никто не боялся.

29 марта 1864 года открыто главное гнѣздо «Народнаго жонда», задержаны, наказаны самые дѣятельные его члены. Къ 1 мая, съ Божіей помощью, край былъ совершенно очищенъ отъ послѣднихъ вооруженныхъ шаекъ, и нашимъ доблестнымъ войскамъ, усмирявшимъ мятежъ, объявлено окончаніе компаніи.

Царство Польское, по примѣру всей Имперіи, было раздѣлено вмѣсто прежнихъ 5-ти, на 10 губерній. Въ школахъ и административныхъ сношеніяхъ заговорили и начали писать на государственномъ, общерусскомъ языкѣ. Крестьяне въ Привислинскомъ краѣ, не причастные къ мятежу, поднятому панами и шляхтою, были надѣлены землею безъ какихъ-либо обязательствъ къ помѣщикамъ. Они вносили только извѣстный поземельный налогъ, т. е. казенныя подати. Высочайшее имя Царя-Освободителя стало благословляться на берегахъ Вислы точно такъ же, какъ и на Волгѣ, Камѣ, Днѣпрѣ всѣми честными подданными Самодержца Всероссійскаго, Царя Польскаго и Великаго Князя Финляндскаго.

ПОСОБІЯ:

С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.
Н. И. Павлищевъ. Седмицы польскаго мятежа 1861—1864 г.
Н. В. Бергъ. Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

(Апрѣль—Августъ 1863 г.)

I.

МИХАИЛЪ Николаевичъ Муравьевъ, — стало слышаться на всемъ огромномъ протяженіи нашей родины въ началѣ 1863 года, въ ту тяжелую годину, когда, несмотря на всѣ миролюбивыя распоряженія правительства, на всѣ его послабленія, уступки, зарево возстанія въ Литвѣ и Польшѣ все разросталось, сгущалась его кровавая окраска!

— «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ», — повторялось инстинктивно массой, жаждавшей мирной жизни, мирнаго труда въ эпоху великихъ преобразованій, уже начатыхъ Царемъ Освободителемъ.

— «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ», — увѣренно говорили бывшіе сослуживцы его по Министерству Государственныхъ Имуществъ и Удѣловъ, гдѣ онъ не хотѣлъ долѣе оставаться, расходясь совершенно во взглядахъ съ остальными Министрами на способъ примѣненія на дѣлѣ новыхъ законовъ, новыхъ порядковъ!

— «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ!»

«Какъ много въ этихъ звукахъ
Для сердца русскаго слилось,
«Какъ много въ нихъ отозвалось»

честнаго, патріотическаго, православнаго! И мы повторяли это имя каждый разъ, когда, открывая газеты, читали въ нихъ съ болью въ сердцѣ о новыхъ насиліяхъ, жестокостяхъ, оскорбленіяхъ, безнаказанно наносимыхъ намъ, нашей Церкви Православной, нашему войску разсвирѣпѣвшими врагами правды и законности! Отозвалось это имя еще громче, когда безнаказанно двинулись шайки повстанцевъ въ исконныя наши области: православную Бѣлоруссію, Подолію, Волынь, когда въ Литвѣ забушевалъ потокъ возстанія и ему въ отвѣтъ поднялось, наконецъ, наше общественное мнѣніе, заговорила матушка Москва, провинція, деревня! Въ это время уже смѣлѣе раздался голосъ настоящихъ патріотовъ, не боявшихся того, что скажетъ Европа. Она же готовила, она высказывала свое неудовольствіе. Пруссія, та сама боялась за свою Познань. Между ею и нами былъ заключенъ договоръ: моментально, по первому требованію, выставлять другъ другу въ помощь на границы вооруженные отряды.

Къ этому придрался кабинетъ Наполеона. Онъ самъ писалъ нашему Государю, что «если, не дай Богъ, онъ будетъ вынужденъ перейти въ противный ему лагерь, то почтетъ себя крайне опечаленнымъ и несчастливымъ». А кто же заставлялъ? что же могло его вынудить вмѣшиваться въ дѣла Польши? Мутила Англія, онъ же и Австрія думали объ одномъ, какъ бы унизить, какъ бы ослабить восточнаго колосса.

Думали, что переворотъ освобожденія крестьянъ

подниметъ подонки общества, что пойдутъ бунты, репрессіи. Все и было, только, по мнѣнію ихъ, не въ достаточной степени. И вотъ теперь опять подвернулся счастливый случай, надо непремѣнно его использовать, надо, благодаря бунту поляковъ, ослабить Россію. Имъ такъ сочувствуютъ русскіе либералы! Вѣрный путь къ ослабленію Имперіи: надо, надо вмѣшаться! А по какому праву? Вдохновленный нашъ поэтъ-патріотъ прекрасно разобралъ этотъ вопросъ въ своихъ дивныхъ стихахъ:

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненіе Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.—
И дальше:
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ не понятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда.
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Къ несчастью, не такъ былъ твердъ въ своихъ патріотическихъ убѣжденіяхъ лицейскій товарищъ поэта, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ князь

Александръ Михаиловичъ Горчаковъ. Съ нимъ объ руку шелъ шефъ жандармовъ князь Долгорукій. Они оба трусили, а еще Рюриковичи! И ужъ окончательно растерялись, когда разнеслась вѣсть, что подъ Динабургомъ, значитъ, въ полусуткахъ ѣзды отъ Петербурга, по Варшавской желѣзной дорогѣ, вооруженные повстанцы отбили, разграбили цѣлый транспортъ съ оружіемъ, предназначавшійся нашимъ войскамъ въ Царствѣ Польскомъ.

Динабургъ—уѣздный городъ Витебской губерніи, первоклассная крѣпость, расположенъ на берегу Западной Двины. Его валы, стѣны, брустверы, бойницы выглядываютъ очень сурово, внушительно. Какъ стратегическій пунктъ при борьбѣ съ польскими повстанцами, онъ былъ для насъ очень удобенъ. И, конечно, это прекрасно знали наши враги и отлично использовали въ свою пользу. Всѣ гражданскіе и военные чины въ городѣ, въ крѣпости, въ уѣздѣ носили, конечно, наши мундиры, получали жалованье изъ русской казны, но—природные поляки, благочестивые сыны католической церкви,—они, на основаніи своего польскаго революціоннаго катехизиса, старались во всемъ и всегда свою служебную дѣятельность направить намъ на горе, Россіи во вредъ!

— «Пребольшой транспортъ оружія доставленъ намъ изъ Петербурга», прискакалъ доложить графу Плятеру, въ его имѣніе подъ Витебскомъ, полиціймейстеръ города Динабурга, носившій мундиръ одного изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ.

Громкое «виватъ»! встрѣтило эту добрую вѣсть. Хозяинъ, его братъ, вельможные паны-гости въ нарядныхъ кунтушахъ весело сидѣли вокругъ роскошно обставленнаго стола въ прадѣдовской столовой. Хо-

зяева братались, чёкались съ своими сосѣдями-шляхтичами изъ сосѣднихъ поселковъ, а гости пировали, собравшись у наивельможнаго пана графа, предводителя многихъ бандъ, сновавшихъ по Витебской губерніи. Пріѣзжаго обступили, къ пріѣзжему протягивались руки и бокалы, полные старой венгерской влаги.

— «Что за новость, что за счастье, пане ротмистръ!» И вопросамъ и разспросамъ не было конца.

— «Вотъ кладъ! вотъ удача! Намъ именно оружія то и не достаетъ»! съ восторгомъ, потирая руки, заговорилъ старшій изъ графовъ-хозяевъ.

— «Тише вы, поосторожнѣе», замѣтилъ богачъ Моли, оглядываясь по сторонамъ и соображая, нѣтъ ли любопытной челяди въ столовой.

— «Меня прислалъ панъ маршалокъ доложить, предупредить ясновельможное собраніе, да съ нимъ вмѣстѣ пообсудить, какъ ловчѣе использовать это счастливое дѣло»? осторожно, понижая голосъ, докладывалъ гость.

— «Скажите только пану коменданту, чтобы онъ. изъ осторожности, назначилъ въ конвой транспорта людей надежныхъ, выбралъ изъ своей инвалидной команды *) солдатъ послабѣе, да постарѣе», хохоча во все горло, совѣтовалъ Моли. Ему вторила вся честная компанія.

— «Понадежнѣе, постарѣе!» и хохотъ возобновлялся. «Можно имъ для поощренія и по чарочкѣ водки на дорогу поднести. Пусть заснутъ покрѣпче, да сновъ увидаютъ побольше»! поддакнулъ младшій Плятеръ. И потомъ уже дѣловито прибавилъ: «Надо пригнать часы отправки поѣзда къ самой ночи, чтобы

*) Гарнизонъ крѣпости въ это боевое время состоялъ весь изъ инвалидовъ, по свидѣтельству М. Н. Муравьева.

до свѣта онъ шелъ все по моему лѣсу».—«Конечно», подтвердили остальные и принялись другъ другу разъяснять, какъ и гдѣ именно какая шайка должна пробраться, чтобы въ данный часъ попасть въ назначенное мѣсто, не возбудивъ вниманія своихъ злѣйшихъ враговъ, русскихъ мужиковъ-раскольниковъ. Они жили отдѣльными деревнями въ этой части Бѣлоруссіи со временъ еще раскольничьихъ бунтовъ въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны.

Казалось, все было обдумано наилучшимъ манеромъ, все расписано, распредѣлено, улажено. За удачу роспито еще нѣсколько бутылокъ. Дружески распростившись съ веселой компаніей, ловко вскочилъ въ свою нарядную бричку нашъ лихой кавалеристъ и помчался обратно въ Динабургъ, на свѣжихъ панскихъ рысакахъ, передать пану коменданту и пану Динабургскому маршалку подробности расписанія всего хода этого важнаго дѣла.

Невдомекъ только было честной компаніи, вѣрившей другъ другу и своей обоюдной преданности лихому дѣлу, что не одни-жъ они живутъ на бѣломъ свѣтѣ, и не весь же Динабургскій уѣздъ, не вся Витебская и сосѣднія губерніи думаютъ, какъ они, и по ихъ правиламъ дѣйствуютъ. Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, что знать-то они отлично знали своихъ ближайшихъ злѣйшихъ сосѣдей-враговъ, и, при разработкѣ плана, они приняли, по ихъ соображеніямъ, всѣ должныя мѣры, но только невдомекъ было имъ то, что кругомъ, да около нихъ могли быть ненужныя уши, лишніе глаза. Никому изъ пировавшихъ и на мысль не пришло заглянуть на задній дворъ панскаго замка, туда, куда и экономъ и вся покоевая прислуга не часто заглядываютъ. Тамъ, за конюшнями, была

хата простѣйшихъ хлоповъ, гдѣ ребятишки вмѣстѣ съ свиньями катались по земляному полу. Въ нее вошелъ въ старомъ зипунѣ возница, обрядивъ взмыленныхъ панскихъ лошадей, привезшихъ пана гостя изъ Динабурга. Возница пошелъ искать своего свояка, друга вѣрнаго, сердечнаго. Торопливо, чуть не крадучись, перекрестился онъ, двуперстно сложивъ пальцы и глядя въ красный уголъ, заставленный старинными, почернѣвшими иконами. Потомъ, братски поцѣловавшись съ двумя хлопцами, чинившими сбрую у крохотнаго оконца, онъ наклонился къ уху старшаго и тихо-тихо, скоро-скоро сталъ ему что-то разсказывать. Размахивая руками, онъ, какъ будто, указывалъ то въ одну, то въ другую сторону. Его внимательно, нахмуривъ брови, слушалъ старикъ; подошелъ и парень помоложе, шею вытянулъ, ухо наставилъ и тоже сильно призадумался. Слушали, шептались, выругались раза-два во-всю, на чистомъ великорусскомъ нарѣчіи и, крестясь, присѣли на лавку, задумчивые, озабоченные.

— «Надо братьевъ оповѣстить. Не дать же нечисти верхъ брать надъ Родиной, губить братьевъ, Царю измѣнять»! шепталъ старикъ.

— «Много ли шаекъ-то выступитъ»? спросилъ молодой.

— «Это мы узнаемъ отъ Сидорыча. Онъ, должно, теперь панамъ снѣди подаетъ».

— «Какъ подъѣзжали-то мы къ панскимъ хоромамъ, такъ я гикнулъ по-свойски: понимай, дескать, братъ Сидорычъ, ухо востро держи! Ужъ не знаю, понялъ ли, нѣтъ ли»?

— «Понялъ-то—понялъ; ужъ это вѣрно, что понялъ все и все разсудитъ. Онъ голова, все узнаетъ, обо всемъ извѣститъ, а я своимъ скажу».

— «Скажи, скажи, чтобъ были безпремѣнно у трехъ дубковъ, противъ нихъ въ гору поѣздъ поплетется еще тише, тутъ его они и перехватятъ панскія-то шайки. Лѣсъ, гора, ночь, оно вотъ имъ все и на-руку».

— «И самъ пойду и мальцевъ своихъ разошлю, какъ только съ Сидорычемъ все обговоримъ». Порѣшили вѣрные сыны Руси многострадальной, раскольники, старообрядцы, густо заселявшіе и Бѣлоруссію и Литву.

Темная претемная ночь; точно въ угоду злымъ силамъ, густыя тучи застлали все небо, и апрѣльская ночь была черна, какъ передъ бурей. Отъ желѣзнодорожной станціи «Динабургъ», стоящей рядомъ съ крѣпостью, двинулся громыхая, по направленію къ Варшавѣ, товарный поѣздъ съ однимъ вагономъ третьяго класса, набитымъ нижними чинами крѣпостной команды. Поѣздная прислуга разбрелась по своимъ мѣстамъ, оберъ-кондукторъ что-то отмѣтилъ въ записной книжкѣ и, давъ свистокъ, вскочилъ на подножку вагона. Комендантъ, начальникъ гарнизона и начальникъ станціи на этотъ разъ всѣ присутствовали лично при отправкѣ товарнаго поѣзда. Вѣдь не простой онъ, а военный, везъ много оружія въ Варшаву; всѣ трое взглянули на станціонные часы, свѣрили съ своими и, самодовольно улыбаясь, проговорили попольски:

— «А кажется, все точно выполнили; вельможный графъ могъ на насъ положиться; черезъ полчаса дѣло будетъ оборудовано на славу».

— «А Господь-то не допуститъ, мать Пресвятая Богородица сохранитъ, отстоитъ добро Царское!» украдкой крестясь, проворчалъ себѣ подъ носъ мужикъ-сигнальщикъ у станціоннаго колокола, за спи-

ной разговаривавшихъ пановъ. И только что они ушли, онъ мигомъ соскочилъ съ платформы и пустился бѣжать по полотну вслѣдъ за поѣздомъ. Добѣжавъ до первой будки, онъ пошептался съ стрѣлочникомъ и оба растянулись по рельсамъ, прильнувъ ухомъ къ сырой землѣ.

— «Вона!»—шепнулъ одинъ другому,—«началось, жарятъ то какъ!»

— «Охъ, охъ, родненькіе! Помоги имъ Господи!»

— «Поможетъ, поможетъ, за правду встали то, за добро Царское поднялись.» Переговаривались, а сами такъ и прислушивались. Все сильнѣе, все рѣзче были доносившіеся звуки. Выстрѣлы, крики, звяканье холоднаго оружія, наконецъ, стоны, ругань все неслось, какъ бы стлалось по землѣ—раздавалось въ чистомъ ночномъ воздухѣ.

Графъ Плятеръ выполнилъ свой планъ. Его соглядатаи сдѣлали все по его приказу: въ его лѣсу, тамъ, гдѣ дорога поднимается въ гору, у трехъ сосенъ, его банды, вооруженныя кольями и косами, набросились на мирно ползущій поѣздъ. Машиниста сбросили на полотно, русскую часть прислуги стали было перевязывать, конечно, не моргнувъ передъ неудачно выпущенными выстрѣлами одного изъ кондукторовъ. Но въ это время вдругъ съ противоположной стороны, изъ-за сосенъ, выскочили черныя тѣни: одна, другая, третья, да ихъ не перечтешь! темень—хоть глазъ выколи. А черныя тѣни и колютъ, и рѣжутъ, и вяжутъ. Ихъ цѣлая куча бросилась на повстанцевъ, да съ такою яростью, что тѣ сразу растерялись; отъ страха, испуга, неожиданности такъ испугались, что мало кто и бѣжать то пустился съ награбленнымъ товаромъ. Зычный голосъ графа Пля-

Нападеніе графа Платера и его мятежниковъ-слугъ на поѣздъ съ казеннымъ оружіемъ.
(Къ стран. 81.)

Императорскій Университетъ

тера повелительно сзывалъ своихъ, ободряя, воодушевляя, командуя стойко держаться, отбиваться, одолѣвать нежданный, негаданный натискъ. Куда-тутъ! никто его и не слышитъ. Забыли, что клялись съ нимъ лечь костьми за освобожденіе ойчизны! Только нападавшіе, наши мужички, опознавъ его по голосу, рванулись въ его сторону. Несмотря на отчаянное сопротивленіе графа, они удачно схватили его, крѣпко-на-крѣпко связали и уложили въ вагонъ, гдѣ полумертвые отъ страха жались по угламъ непроспавшіеся старики, крѣпостные инвалиды. Освобожденный машинистъ и поѣздная прислуга громко кричали о разбойникахъ и грабежѣ казеннаго оружія. Но присутствіе связанныхъ графа Плятера и другихъ пановъ въ кунтушахъ и чамаркахъ, равно и польскій говоръ ясно указывали, чье это злое дѣло, кто надѣлалъ, кто грабилъ оружіе русскаго войска!

II.

Паника охватила весь Петербургъ при вѣсти о дерзкомъ и низкомъ дѣлѣ Плятера, присоединившагося къ повстанческимъ шайкамъ Сѣверо-Западнаго края. Пока изъ разбитой шайки, кто подогадливѣе, поскакали въ Динабургъ и Вильну къ друзьямъ покровителямъ—русскимъ чиновникамъ, въ столицѣ носился потрясающій, невѣроятный слухъ.

— «Графъ Плятеръ разбилъ нашъ транспортъ съ оружіемъ!»

— «Да вы же говорили, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ все покойно, что одна Польша бунтуетъ?»

— «Когда это генералъ-губернаторъ доносилъ!» Въ переполохѣ даже бранились между собою единомышленные друзья-сановники.

— «Да и Плятера я недавно во дворцѣ здѣсь видѣлъ на выходѣ».

— «Вотъ провелъ! вотъ надулъ! что же теперь дѣлать?»

— «Какъ что? защищаться,—мы въ опасности! Столица отъ Динабурга въ двухъ шагахъ».

— «Войско надо высылать, войско, да побольше!»

— «Слыхать, уланы уже посланы!»

— «Да вѣрны ли слухи то?» слышался ловкій, осторожный вопросъ.

— «Что? какъ? что вы говорите?» встрепенулся кое-кто то же изъ полякующихъ нашихъ администраторовъ.

— «Видѣли вы маркиза Велепольскаго?» былъ сообразительный вопросъ.

— «Былъ, да не пустили; говорятъ, боленъ, никого не принимаетъ».

Шефъ жандармовъ князь Долгорукій не на шутку призадумался. Къ нему пріѣхалъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Что имъ дѣлать? Какъ доложить Государю? Надо имѣть въ рукахъ точныя данныя, нельзя же докладывать по желѣзнодорожнымъ слухамъ,—судили и пересуживали господа министры.

— «Жаль, что боленъ Велепольскій. Вы, князь, спросите Гильдебрандта» *).

— «Ужъ спросилъ, шифрованной депешей спросилъ, жду, что скажетъ».

— «И мнѣ, сдѣлайте милость, сообщите».

— «О да, конечно. Вы, какъ и я, всей душой заботимся о покоѣ Государя. Онъ такъ удрученъ, такъ взволнованъ».

— «Да и есть чѣмъ! Говорятъ, московская пар-

*) Жандармскій генералъ въ Вильнѣ.

тія пронюхала уже и кричитъ, что надо войскомъ усмирить возстаніе».

— «Котораго и нѣтъ, твердитъ и теперь Назимовъ».

— «Ну этотъ, между нами будь сказано, врядъ ли что понимаетъ, но Государь его любитъ, любитъ!»

— «Такъ я ухожу въ ожиданіи вашихъ сообщеній, князь».

— «Да, да, конечно, и доложимъ въ унисонъ».

Велепольскій, дѣйствительно, не дремалъ. Онъ, конечно, прежде всѣхъ узналъ потрясающую новость. Сообразилъ всю ея важность и сказался больнымъ, чтобы сообразить, собраться съ силами, спасти родное дѣло: графъ Плятеръ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, при ограбленіи поѣзда съ оружіемъ, предназначеннымъ въ дѣйствующіе отряды!!! Есть отчего и вправду заболѣть! А маркизъ рѣшилъ своимъ умомъ, своей волей, что «это неправда! этого не должно быть! Это надо стушевать, измѣнить, выставить фактъ въ другомъ свѣтѣ». И умный, ловкій, онъ черезъ своихъ вѣрныхъ клевретовъ немедленно сталъ дѣйствовать; шифрованная его инструкція полетѣла въ Вильну къ тому же Гильдебрандту.

И въ Петербургѣ получилось шефомъ жандармовъ, княземъ Долгорукимъ очень обстоятельное донесеніе виленской жандармеріи: «По Варшавской желѣзнодорожной линіи, проѣхавъ Динабургъ, русскими людьми, раскольниками, было учинено нападеніе на пановъ, своихъ помѣщиковъ, мирныхъ обывателей, ѣхавшихъ другъ къ другу въ гости. Въ минуту нападенія, на грабителей и на жертвы ихъ случайно наскочилъ, благодаря темной ночи, поѣздъ, везшій оружіе нашимъ отрядамъ въ Польшѣ». Къ этому очень ловко прибавлялось, что такое кровавое начало

предвѣщаетъ рѣзню помѣщиковъ крестьянами, подобную бывшей въ Галиціи въ 1847 году, но что Плятеръ, Моли и ихъ сосѣди—совершенно покойные обыватели, и что нѣтъ въ краѣ ни малѣйшаго заговора противъ правительства. Виленскій окружной жандармскій генералъ Гильдебрандтъ, въ душѣ полякъ, другъ Плятера и Велепольскаго, имѣвшій много родныхъ въ Динабургскомъ и Рѣжицкомъ уѣздахъ, всѣми средствами старался увѣрить Петербургъ, что въ краѣ нѣтъ мятежа, и что надо смирить именно старообрядцевъ, которые безнаказанно, свирѣпо грабятъ мызы помѣщиковъ-католиковъ. Велепольскій раздувалъ эти слухи съ свойственной ему ловкостью и тактомъ среди всей массы своихъ высокихъ, вліятельныхъ друзей. Князь Долгорукій и Валуевъ съ донесеніями въ рукахъ, какъ вѣрнѣйшіе вѣрноподданные, молили Государя послать генерала съ войскомъ усмирять старообрядцевъ.

Когда, послѣ долгихъ колебаній, Его Величество согласился съ ними, дали знать генералъ-адъютанту Зеленому, тогдашнему Министру Государственныхъ Имуществъ, завѣдывавшему всѣми старообрядческими селеніями на Руси.

Преемникъ Михаила Николаевича Муравьева, умный, знатокъ дѣла, Зеленый былъ прекрасно освѣдомленъ о настоящемъ положеніи дѣла и объ окраскѣ, которую ему дала полякующая жандармерія и недальновидные его собратья-министры. Онъ рѣшился испросить экстренный докладъ у Государя. Озабоченный, тревожный, недовольный, съ бумагой князя Долгорукова въ рукахъ, явился онъ во дворецъ, вечеромъ 16 мая 1863 года.

— «Есть что нибудь новое о бунтѣ твоихъ ста-

рообрядцевъ?» съ обычной своей ласковостью спросилъ Александръ Николаевичъ.

— «Вотъ бумага, полученная мною отъ шефа жандармовъ, Ваше Величество. Противъ кого пойдутъ войска?»

— «Противъ взбунтовавшихся раскольниковъ, они грабятъ помѣщичьи мызы».

— «Они—русскіе по крови, Ваше Величество, и только что захватили графа Плятера и его шайку, спасая нашъ поѣздъ съ оружіемъ отъ ограбленія его графомъ и повстанцами».

— «Ты хочешь знать дѣло лучше князя Долгорукаго!»

— «Ваше Величество, позвольте мнѣ знать, что дѣлается во ввѣренномъ мнѣ вѣдомствѣ. Будьте милостивы, не посылайте сейчасъ войска бить Вашихъ вѣрноподданныхъ, позвольте повременить, пока особое слѣдствіе, а не только донесеніе мѣстной жандармеріи разъяснитъ дѣло, укажетъ виновниковъ». Слышалась логика въ этой правдивой рѣчи, въ этой сердечной просьбѣ. Государь уважалъ Зеленаго, извѣстнаго своею честностью, правдивостью; онъ задумался: «повременить только, а потомъ все же разслѣдовать!» Государь согласился повременить посылкою войскъ, поручивъ Зеленому послать на мѣсто происшествія служившаго въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ очень умнаго, честнаго генерала Длотовскаго, съ правами военнаго начальника той мѣстности, гдѣ будетъ производиться слѣдствіе.

Въ Динабургѣ дѣловой слѣдователь легко ознакомился съ вѣрнымъ ходомъ дѣла. Старообрядцы, дѣйствительно, ненавидѣли поляковъ: они давно видѣли ихъ приготовленія къ возстанію, ловко отбили

транспортъ, плѣнили самого Плятера, да этимъ еще и не ограничились! Они отправились по Динабургскому и Рѣжицкому уѣздамъ укрощать мятежъ. Этимъ самымъ они отняли у поляковъ возможность сформироваться въ банды и безъ войска остановили распространеніе мятежа, замѣчательно ловко подготовленнаго для сліянія Бѣлоруссіи и Литвы съ Царствомъ Польскимъ.

На выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, когда Государь спросилъ Михаила Николаевича Муравьева, слышалъ ли онъ о Динабургскомъ дѣлѣ, тотъ громко отвѣтилъ, что этого надо было ожидать, такъ какъ мятежъ сильно охватилъ весь край, что въ Самогитіи и Ковенской губерніи именно и свили повстанцы свое обширное и главное гнѣздо.

— «Туда посланы войска,—надѣюсь, что все будетъ прекращено».

— «Не сразу, Ваше Величество. 30 лѣтъ знаю тотъ край, и тѣ же фамиліи, которыя замѣшаны въ Динабургскомъ дѣлѣ, дѣйствовали и въ мятежѣ 1831 года». Голосъ не дрогнулъ, глаза почтительно и твердо смотрѣли на обожаемаго Монарха. «Этотъ не кривитъ ни умомъ, ни сердцемъ», запомнилъ себѣ Александръ Николаевичъ, хотя и не любилъ М. Н. Муравьева за его рѣзкость и отказъ продолжать службу въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, разъ дѣло принимало, по его мнѣнію, неправильный оборотъ.

Между тѣмъ вѣсти изъ Польши и Литвы становились все печальнѣе, безнадежнѣе; голоса же европейскихъ дипломатовъ слышались все грознѣе, все настойчивѣе. Выдѣленія Польши въ самобытное Царство, въ прежнихъ ея границахъ до раздѣла 1772 г.,

сердито требовали иностранные дворы, въ особенности французскій. Въ Парижѣ вили свои гнѣзда всѣ паны, недовольные нами или высланные правительствомъ за границу Имперіи. Туда улепетнулъ и графъ Замойскій, когда его дерзкій проектъ былъ отвергнутъ въ Петербургѣ. Злостно мутили они и безъ того неугомонныхъ парижанъ, натравляя на Россію, ея Царя, ея Церковь Православную.

Государь былъ очень озабоченъ, очень огорченъ. Ему нужны были надежные слуги, вѣрные совѣтники, искренніе патріоты. Большинство же министровъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, петербургскихъ чиновныхъ и сановныхъ сферъ, боялись Европы и уговаривали, умоляли Царя поступиться правами государства, доказывая, что въ этомъ только и есть спасеніе. Опасались вооруженнаго вмѣшательства Европы. Вспоминали 1855—1856 годы. Призракъ союзныхъ флотовъ въ Балтійскомъ морѣ сталъ снова пугать и во снѣ и на яву нашъ правящій классъ. Надо было подумать о защитѣ всего прибрежья отъ Свеаборга въ Финляндіи до границъ вѣрной намъ тогда Пруссіи. Въ Берлинѣ мощный Бисмаркъ стоялъ на стражѣ цѣлости родины. Польская Познань смирнехонько молчала въ то время, какъ въ нашей Бѣлоруссіи шайки поляковъ-повстанцевъ отбивали воинскіе транспорты. Нѣмецъ зналъ, что государство не должно поступаться своими правами, купленными кровью храбрыхъ сыновей Пруссіи. Европа понимала, что объ его желѣзную волю, объ его воинскую силу разобьется не только краснорѣчіе ея дипломатовъ, но и оружіе ея полковъ.

Нашего заботливаго Государя очень безпокоила береговая оборона столицы и всей западной окраины.

Онъ вызвалъ изъ Москвы своего генералъ-адъютанта Николая Николаевича Муравьева въ Петербургъ участвовать въ совѣщаніяхъ по вопросу о защитѣ отъ западныхъ враговъ. Въ Петербургѣ носился тогда, въ добавокъ ко всему остальному, зловѣщій слухъ, конечно, распускаемый поляками и ихъ клевретами, что Наполеонъ вооружаетъ высадку войскъ на берега Курляндіи. Даже Горчакова пробрало. Зная дружбу Николая Павловича Игнатьева съ Муравьевымъ, онъ ему, подъ большимъ секретомъ, повѣдалъ свою тайную мысль—привлечь Михаила Николаевича къ польскому дѣлу. «Онъ такой патріотъ, а намъ приходится дрожать за Литву».

— «Еще бы! пока мой родичъ Назимовъ будетъ въ Вильнѣ, ничего добраго нельзя тамъ и предполагать»!

— «Меня такъ и тянетъ поговорить съ Муравьевымъ, да онъ меня не любитъ», завздыхалъ вице-канцлеръ.

— «Конечно, не любитъ. Вѣдь вы такъ энергично поддерживали враговъ его честныхъ убѣжденій. А развѣ Динабургское дѣло не показало, что раскольники вѣрноподданнѣе жандармеріи? Теперь прививать къ нимъ новыя воззрѣнія, по крайней мѣрѣ, не своевременно».

— «Ахъ, да кто объ этомъ говоритъ! людямъ свойственно ошибаться, и я былъ убѣжденъ въ правотѣ, въ пользѣ моихъ взглядовъ и добросовѣстно проводилъ ихъ въ моихъ докладахъ Государю».

— «Никому на Руси и въ умъ не придетъ сомнѣваться въ искренности и преданности князя Горчакова, но согласитесь, ваше сіятельство, что правы тѣ, кто съ Муравьевымъ».

— «Такъ правы, что я рѣшилъ ѣхать къ нему и умолять его замѣнить вашего родича, съ обѣщаніемъ доложить обо всемъ Государю». Игнатьевъ, размѣренный, сдержанный, не выдержалъ и даже вскочилъ.

— «Посредникомъ между Муравьевымъ и Царемъ! Ой, не беритесь даже вы, князь! Никому онъ этого не проститъ. Умретъ съ горя, видя, что дѣло гибнетъ, что онъ именно помочь можетъ, сумѣетъ, и все же ни за что не согласится»!

Сильно пригорюнился Рюриковичъ. «Правъ Игнатьевъ», думалъ Горчаковъ: «но какъ больно, что онъ правъ, и какъ же далеко я отошелъ въ своихъ космополитическихъ взглядахъ и отдалился отъ родныхъ взглядовъ русскаго общественнаго мнѣнія»! очень было больно князю, но и дѣлу надо было помочь.

— «Спасибо, что остановили», дружески глядя на Николая Павловича, сказалъ онъ вздыхая. Графу стало даже жаль его, да и онъ страстно хотѣлъ спасти родину.

— «Знаете, князь? Если только Государь, безъ всякаго предваренія, пошлетъ за нимъ фельдъегеря и скажетъ: «Муравьевъ, отечество въ опасности— спаси его», то, какъ конь ретивый и какъ вѣрный сынъ отечества, онъ не сможетъ отказаться».

— «А что же? вы правы и нашъ рыцарь-Государь это сдѣлаетъ! Онъ забудетъ всѣ неприличныя рѣзкости Михаила Николаевича».

— «Къ несчастью, событія одно за другимъ указываютъ, насколько онъ былъ правъ».

— «По существу, но не по формѣ». И, протягивая дружески руку своему директору Азіатского департамента, вице-канцлеръ продолжалъ: «Приложу

все умѣнье, всю настойчивость, чтобы выполнить вашъ совѣтъ».

Игнатьевъ раскланялся и уходя въ душѣ молилъ Господа, чтобы Онъ, Милосердый, сжалился надъ Родиной и спасъ ее отъ одолѣвавшихъ враговъ.

III.

При первомъ же своемъ докладѣ Государю, князь заговорилъ о Муравьевѣ.

— «Тоже говорилъ мнѣ и Александръ Алексѣевичъ» *), отвѣчалъ на это Государь. «И ему я сказалъ, что самъ знаю хорошо Муравьева, знаю его выдающіяся способности, но знаю и его тяжелый нравъ, его рѣзкость,—съ нимъ тяжело служить. Теперь онъ мною недоволенъ, считаетъ себя обиженнымъ, пожалуй, не пойдетъ служить. А Зеленый все свое твердитъ, повторяя, что лишь бы я высказался, онъ сразу согласится и ляжетъ костьми, но не ослушается. Онъ даже собирался съ нимъ говорить, но еще не былъ у меня послѣ того».

— «Не дожидайтесь, Государь, отвѣта, выскажитесь сами, и я согласенъ съ Александромъ Алексѣевичемъ,—Муравьевъ будетъ счастливъ и будетъ полезенъ». Государь задумался. Ничего новаго не сказали ему его совѣтники, самъ онъ прекрасно зналъ и людей и дѣло. Но Муравьевъ, какъ и Зеленый, былъ противоположныхъ взглядовъ съ Горчаковымъ; если князь заговорилъ такъ о врагѣ, значитъ, начинаетъ убѣждаться въ ошибочности своей собственной системы. Да она и была ошибочна.

25 апрѣля, послѣ совѣщанія объ оборонѣ береговъ до самой границы дружественной намъ Пруссіи,

*) Зеленый.

Его Величеству угодно было удержать у себя въ кабинетѣ Николая Николаевича Муравьева. Рѣчь, конечно, зашла о Литвѣ и о Михаилѣ Николаевичѣ—прекрасно, давно ознакомленномъ съ краемъ.

— «Прикажите ему, Государь, ѣхать въ Вильну и перевернуть тамъ все слѣва да направо».

— «Онъ еще не уѣхалъ лѣчиться?»

— «Какое лѣченье! онъ горитъ, какъ въ лихорадкѣ, отъ всего, что вокругъ него дѣлается».

И дѣйствительно, бѣдный Михаилъ Николаевичъ въ это время горѣлъ отъ нетерпѣнья. Онъ зналъ, чѣмъ занятъ его братъ у Государя; ему до боли хотѣлось знать—на чемъ, какъ и въ какой формѣ покончатъ съ приготовленіями къ оборонѣ. Часы проходили, Николай Николаевичъ все не возвращался. Вдругъ раздался порывистый звонокъ. Входную дверь отперли: фельдъегерь изъ дворца. «Его Величество проситъ ваше превосходительство пожаловать во дворецъ». Старикъ заволновался, точно испугался. «Что случилось?» ломалъ онъ свою умную, большую, какъ котелъ, голову, пока торопливо напяливалъ полную форму.

Въ аванзалѣ, чѣмъ-то озабоченный, съ болѣзненной теперь, но обычно саркастической улыбкой на тонкихъ, сжатыхъ губахъ, прохаживался своей элегантной походкой князь Горчаковъ.

Пыхтя, отдуваясь, едва переводя духъ отъ скорой ходьбы по лѣстницѣ и заламъ, ввалился Михаилъ Николаевичъ.

— «Не знаете ли, князь, зачѣмъ требуетъ меня Государь и кто у него?»

— «У Его Величества вашъ братъ. Васъ же онъ желаетъ видѣть, чтобы посовѣтоваться о дѣлахъ За-

паднаго края. Они идутъ худо, вы же знатокъ тамошней жизни, тамошнихъ условій.»

— «Назимовъ распустилъ край до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, что нужна чуть ли не диктаторская власть съ правомъ жизни и смерти надъ виноватыми,» рѣзко отвѣтилъ русскій генералъ. Министръ съежился, его бѣдные нервы, истрепанные тревогой и трудами, не переносили такого тона. Справа изъ кабинета вышелъ Николай Николаевичъ. Онъ былъ очень взволнованъ.

— «Ну что?» встрѣтили его собесѣдники.

— «Государь озабоченъ, огорченъ. Онъ все яснѣе и яснѣе видитъ ошибочность административныхъ пріемовъ и въ Варшавѣ и въ Вильнѣ. Тонъ иностранныхъ державъ его возмущаетъ. Онъ склоняется, кажется, къ рѣшительнымъ мѣрамъ».

— «Слава Богу», перекрестился Михаилъ Николаевичъ.

— «Иди ты, Христосъ съ тобой! Тебя ждетъ нашъ Царь!» И перекрестилъ брата Николай Николаевичъ, провожая его до дверей кабинета.

— «Иностранныя державы, иностранныя державы», какъ бы пережевывалъ своими тонкими губами князь Горчаковъ. «Да знаете ли вы, что Англія, стакнувшись съ Франціей и Австріей, увлекли за собою Испанію, Швецію, Италію, Нидерланды, Данію, Португалію, и даже Турція заступается за Польшу!»

— «Да скажите имъ, что сначала надо мятежъ остановить, а тамъ ужъ разсуждать о преобразованіяхъ!»

— «Слышали вы, что Друенъ де Люисъ въ руководствѣ своему послу въ Лондонѣ именно такъ выражается: настала минута точно опредѣлить предло-

женія и потребовать передачи польскаго вопроса на обсужденіе всѣхъ европейскихъ державъ».

— «Вольно же было вамъ такъ долго съ ними хороводиться! Глядя въ даль, за свой рубежъ, вы вотъ вызвали у себя дома протестъ вѣрныхъ патріотовъ правительственной политикѣ!» рѣзко отвѣчалъ и всегда то пресварливый, желчный Муравьевъ.

— «Какъ же прикажете не глядѣть, когда наши послы доносятъ о секретныхъ приготовленіяхъ, о вооруженіяхъ»?

— «Ну и пусть себѣ вооружаются! Вѣдь не мы, военные, а вашъ же товарищъ-лицеистъ ихъ спрашиваетъ въ своихъ патріотическихъ строфахъ:

Иль русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?

Вотъ вамъ и отвѣтъ. Да еще прибавьте въ концѣ его послѣднія слова:

Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ;
Есть мѣсто имъ въ снѣгахъ Россіи
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

— «Право, отвѣтьте хоть разъ такимъ тономъ, увидите—примолкнутъ».

— «Отвѣтъ Государя на послѣднюю ноту именно въ этомъ тонѣ написанъ».

— «Ка-акъ?!» удивился Муравьевъ.

— «Ну да, это пока еще государственная тайна;

но Его Величеству угодно было закрѣпить своимъ державнымъ «быть по сему» тотъ изъ моихъ проектовъ отвѣта, по которому Россія категорически отвергла притязанія трехъ державъ выступить посредниками между нею и мятежными поляками—подданными русскаго Царя».

— «Вотъ счастье то!» громко сказалъ Муравьевъ и вытащилъ носовой платокъ, такъ какъ слезы градомъ брызнули по его лицу.

— «Государь перекрестился, прежде чѣмъ подписать проектъ, и даже, подписавъ, прибавилъ французское выраженіе: «плыви, ладья!»

— «Слава Богу, князь! Спасибо вамъ! Отъ имени всѣхъ русскихъ людей, моихъ единомышленныхъ друзей, земно кланяюсь вамъ и твердо говорю: спасибо, спасибо за Родину, за Вѣру, за Царя!... А какъ братъ то будетъ радъ!» прибавилъ онъ, передохнувъ.

— «Государь теперь вручаетъ ему судьбы Сѣверо-Западнаго края», таинственно произнесъ Горчаковъ.

— «Его Величеству угодно было мнѣ это сообщить». И оба сановника стали обсуждать всю неумѣстность вмѣшательства иностранныхъ державъ въ «черезъ-чуръ и безъ того мягкую нашу политику», подчеркнулъ Муравьевъ.

Государь же въ это время, по собственнымъ словамъ Михаила Николаевича, подробно излагалъ ему всю неприглядную картину положенія Литвы и Царства Польскаго, особенно въ виду европейской войны, которую можно было ожидать послѣ угрозъ, сдѣланныхъ намъ Франціей и Англіей. При этомъ Его Величество сказалъ, что имѣетъ просьбу къ Михаилу Николаевичу,—и предложилъ ему взять на себя управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ съ командованіемъ

всѣми войсками, въ немъ расположенными, и со включеніемъ въ раіонъ его вѣдѣнія и двухъ Бѣлорусскихъ губерній: Минской и Могилевской.

Не сразу согласился Муравьевъ.

— «Я впередъ знаю», правдиво объяснялъ онъ, «что система моихъ дѣйствій не будетъ нравиться. Но я отъ нея отступить не могу, ибо знаю польскій характеръ и увѣренъ, что уступчивостью, послабленіями, колебаніями мы только ухудшимъ дѣло; мѣры же строгой справедливости и одно только твердое, неизмѣнное преслѣдованіе крамолы—могутъ возстановить спокойствіе въ краѣ. Я искренно убѣжденъ, Ваше Величество», горячился старикъ, «что край этотъ, искони русскій, самими нами ополяченъ, и что опытъ 1831 года намъ не послужилъ на пользу! Теперь необходимо рѣшительными мѣрами разъ навсегда подавить мятежъ, возстановить русскую народность и православіе тамъ, гдѣ оно издавна ярко цвѣло—рядомъ съ языческой еще тогда Литвой!» *)

Государь благодарилъ своего вѣрнаго слугу за самоотверженность, готовность принять эту тяжелую обузу на себя, вполнѣ раздѣляя его образъ мыслей, и рѣшилъ ни на шагъ не отступать отъ предложенной Муравьевымъ системы. «А теперь»,—прибавилъ онъ,—«поручаю вамъ объясниться по этому дѣлу съ княземъ Долгорукимъ, Министрами Военнымъ, Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Торопитесь, время не терпитъ; сообщите мнѣ результатъ совѣщаній—и тогда съ Богомъ поѣзжайте».

Министровъ обуялъ такой ужасъ, что они наспѣхъ со всѣмъ соглашались. Хотя князь Долгорукій и Валуевъ морщились, косились,—ужъ очень не

*) Разсказы изъ Исторіи Западныхъ Окраинъ Россіи. Вып. 2, 3 и 4.

нравились имъ права, даваемыя Муравьеву—но все же при всѣхъ приходилось громко соглашаться.!

30 апрѣля Михаилъ Николаевичъ былъ съ докладомъ у Государя и, конечно, сообщилъ, кто изъ Министровъ и какъ относится къ его полномочіямъ. Ему почудилась какая-то новая нотка въ голосѣ Царя. Старикъ вспыхнулъ. — «Ваше Величество, пошлите другого, я не чувствую болѣе Вашего полнаго довѣрія ко мнѣ!» Государь оправился отъ минутнаго колебанія, обнялъ своего избранника и увѣрилъ его въ своемъ неизмѣнномъ, непреклонномъ довѣріи. Приказъ о назначеніи Михаила Николаевича состоялся 1 мая 1863 года.

Царское довѣріе ни на минуту не измѣнило труженику. Бодро шелъ онъ создавать оплотъ Русскому государству возрожденіемъ русской народности въ глухомъ литовскомъ краѣ. Нужно было побороть ксендза и пана, дѣлавшихъ въ теченіе двухъ-трехъ вѣковъ все, чтобы придавить многомилліонное русское быдло (такъ звали они литовскаго и бѣлорусскаго крестьянина). Нужно было вдохнуть жизнь въ задавленное сословіе крестьянъ этого края, и все это онъ выполнилъ,—вотъ заслуга Михаила Николаевича Муравьева передъ родиной! Безпристрастная исторія, несмотря на всѣ отчаянныя нападки на него современныхъ либераловъ, не можетъ не признать въ немъ одного изъ немногихъ русскихъ государственныхъ мужей, вполнѣ ясно и опредѣленно создавшихъ себѣ программу дѣйствій въ 1863 году по отношенію къ Сѣверо-Западной Россіи и не отступившаго ни на одну пядь, ни на іоту, при исполненіи этой программы. Благодарная Родина оцѣнила его: наша юная гласность заговорила, о немъ съ восторгомъ, въ печати стали

появляться патріотическія рѣчи, которыми привѣтствовали русскіе люди назначеніе Муравьева.

«Московскія Вѣдомости» шли впереди, имъ вторили остальныя газеты и загудѣли, залились на одну тему — кто громче, кто тише, вторя центральному звону Бѣлокаменной, подобно тому, какъ въ Пасхальную ночь откликается Замоскворѣчье и всѣ другія отдаленнѣйшія церкви, когда ударитъ въ Кремлѣ большой Успенскій колоколъ, и подъ конецъ уже становится не слыхать, за общимъ звономъ, его всепотрясающаго, густого, мѣднаго звука.

Въ Вильну, вслѣдъ маститому вождю, полетѣли привѣты, письма, адреса, въ поощреніе, подкрѣпленіе! Россія заговорила голосомъ старѣйшаго своего іерарха, Московскаго митрополита Филарета.

«Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностного труда была замѣнена долею покоя. Но какъ скоро Царское слово васъ вызвало на защиту и умиротвореніе Отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя, не колеблясь, приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности, нашли новую силу въ любви къ Царю и Отечеству.

«Вѣрные сыны Царя и Отечества узнали о семъ съ радостью и надеждою: ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества, ваше имя—побѣда. Господь силъ да совершитъ вами дѣло правды—дѣло мира.

«Да пошлетъ вамъ тезоименнаго вамъ небеснаго архистратига, да идетъ передъ вами съ мечемъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ. Съ

сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ вмѣстѣ съ симъ въ благословеніе икону святого Архистратига Михаила».

И охранили молитвы православныхъ и Московскаго Первосвятителя отъ бѣды и напасти храбраго борца за вѣру православную и землю родную.

IV.

Разсвирѣпѣвшій жондъ народовой искалъ всевозможныхъ способовъ избавиться отъ своего укротителя, путемъ террора: его голову оцѣнили въ 25000 р. Но, Богомъ хранимый, онъ, остался невредимъ, безбоязненно творя судъ и расправу надъ врагами.

Съ восторгомъ встрѣтили его въ Вильнѣ русскіе военные чины. Они понимали, чувствовали, что при немъ прохожіе поляки перестанутъ ихъ оплевывать, какъ это дѣлалось въ Варшавѣ и здѣсь—при Назимовѣ.

Съ скрежетомъ зубовнымъ смотрѣли поляки во главѣ съ епископомъ Красинскимъ.

Рѣзко, твердо, громко высказалъ новый генералъ-губернаторъ свой взглядъ на дѣло, выразилъ надежду, что найдетъ себѣ помощниковъ среди благоразумныхъ сослуживцевъ, при томъ честно посовѣтовалъ тѣмъ, кто не раздѣляетъ его воззрѣній, оставлять службу, потому что онъ неуклонно будетъ предавать всѣхъ ихъ законной отвѣтственности, какъ потворщиковъ мятежа.

Католическій епископъ Красинскій былъ такъ убѣжденъ въ неисполнимости такихъ предначертаній, что не удержался и отвѣтилъ: «Какой здѣсь мятежъ? Здѣсь просто погоня за нѣсколькими несчастными повстанцами; за ними войско гоняется по лѣсамъ,

какъ за зайцами». Ироническая улыбка играла на его умномъ лицѣ. Онъ пошелъ дальше: когда генералъ-губернаторъ потребовалъ, чтобы онъ циркулярно предписалъ римско-католическому духовенству противодѣйствовать мятежу, онъ уклонился отъ этого распоряженія подъ предлогомъ болѣзни. Въ отвѣтъ на это, епископъ былъ съ жандармами высланъ въ Вятку. Трясясь по нашимъ, далеко не вездѣ шоссейнымъ дорогамъ, отъ самой Вильны до Вятки, черезъ Москву и Нижній-Новгородъ,—католическій епископъ, навѣрное, не разъ вздыхалъ и осуждалъ себя за свою польскую строптивость, кичливость и продерзость передъ законной русской властью!

Еще замѣчательнѣе было поведеніе нашего жандармскаго окружнаго генерала Гильдебрандта (католика). Не вѣря въ силу характера да и широту полномочій Муравьева, увѣренный въ крѣпкой поддержкѣ Петербурга, онъ громко обвинялъ генерала Длотовскаго въ потачкѣ старообрядцамъ, уничтожившимъ шайку графа Плятера. Онъ старался доказать генералъ-губернатору, въ присутствіи поляковъ, всѣхъ чиновниковъ и римско-католическаго духовенства, что мятежа не было, а что чистый грабежъ и разбой были учинены старообрядцами и вообще русскими мужиками.

Грозно сверкнули изъ-подъ нависшихъ бровей и всегда то не ласковые глаза Муравьева.

— «Васъ никто не спрашиваетъ! Обязанность жандарма слѣдить за порядкомъ и настроеніемъ общества, а не разглагольствовать передъ старшими».

Когда всѣ стали расходиться, неумѣстнаго оратора вернули къ начальнику. Онъ все еще не образумился и съ поднятой головой вздумалъ мѣряться съ правдой.

— «Подобныхъ вамъ лицъ во ввѣренномъ мнѣ краѣ я не потерплю», сопя и пыхтя, заговорилъ Муравьевъ. Онъ весь дрожалъ отъ негодованія. Грозенъ и страшенъ былъ въ эти минуты правдивый каратель измѣны родной землѣ! «Жандармерія должна мнѣ помогать, а не противодѣйствовать, и еще менѣе ободрять поляковъ и обвинять русскихъ за то, что они исполнили долгъ вѣрноподданныхъ. Вы отправитесь въ Петербургъ къ шефу жандармовъ, которому напишу о васъ для доклада Государю, съ просьбою выслать мнѣ вамъ замѣстителя».

Опѣшилъ генералъ-защитникъ польскихъ интересовъ. Онъ такъ вѣрилъ въ своихъ петербургскихъ покровителей,—его же выгнали, даже не спросясь ихъ. Положимъ, князь Долгорукій сдѣлалъ это морщась, противъ воли, но, волей-неволей, и ему, всесильному, приходилось подчиняться, уступать голосу земли русской. А голосъ этотъ былъ очень силенъ. Къ 8 ноября, въ день Архистратига Михаила, нашего виленскаго борца засыпали поздравленіями съ днемъ ангела со всѣхъ концовъ его обширнѣйшей родины. Даже высшее петербургское общество прислало слѣдующее письмо:

«Глубоко сочувствуя подвигамъ вашимъ на сохраненіе спокойствія, чести и единства любезнаго отечества, мы просимъ васъ принять, ко дню вашего Ангела, изображеніе Архистратига Михаила съ надписью на образѣ словъ изъ напутственнаго вамъ письма преосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго: «Твое имя—побѣда». Искренно желаемъ вамъ утѣшенія увидѣть, что успокоенный вами край возвратилъ себѣ еще подъ управленіемъ вашимъ свойственный ему исконный, русскій складъ, безвозвратно

Портретъ графа М. Н. Муравьева.

(Къ стран. 100.)

отбросивъ пришлыя начала, вредящія естественному строю его народной жизни».

Пробовалъ было отстаивать своихъ польскихъ друзей графъ Суворовъ-Рымникскій, князь Италійскій. Онъ клеймилъ кличкой «людоѣда» борца за родину, Царя и Церковь. Ему отвѣчалъ нашъ родной поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ, руссофилъ, честнѣйшій сынъ Москвы Бѣлокаменной:

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы русскіе, Европы не спросясь...

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему?

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ—
И бѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ?

Кто, избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На зло увы! и пошлостямъ роднымъ?

Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великій
Его скрѣпилъ бы подписью своей.

12 ноября 1863 года.

Куда! свѣтлѣйшій разразился цѣлымъ потокомъ французской брани и всюду, гдѣ могъ, клялся, божился, что никогда его дѣдъ не скрѣпилъ бы своей подписью письма москвичей.

На эти вопли, потрясавшіе самыя высокія гостиныя Петербурга, не исключая и дворца, князь П. А. Вя-

земскій, прирожденный потомокъ Вяземскихъ владѣтельныхъ князей, отвѣтилъ не русскому князю *).

Да, князь! поэтъ былъ правъ: навѣрно вашимъ дѣдомъ
Было бы скрѣплено письмо друзей къ тому,
Котораго вы, князь, честите людоѣдомъ
За то, что онъ казнилъ по долгу своему.
Какъ вы, онъ не искалъ въ народѣ популярность.
Нежданная, она пришла къ нему,
Слыветъ онъ извергомъ, однако же гуманность,
Гдѣ можно допустить, доступна и ему.
Онъ жертвовалъ собой въ минуту, гдѣ Россія
Потрясена была злодѣйствами враговъ;
Онъ подавилъ мятежъ: дѣла его благія;
Дай Богъ побольше намъ такихъ, какъ онъ головъ!
Не много толку въ томъ, кто, вмѣстѣ съ крикунами,
Готовъ порочить всѣхъ лишь болтовней пустой;
Кричать не мудрено, а мудрено дѣлами
Такъ править хорошо, какъ Муравьевъ—Литвой.
Какъ вѣрный русскій, самъ онъ дѣйствовалъ съ отвагой;
Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Русь вся за него;
Хотя теперь перомъ дрался онъ, а не шпагой,
Но имя на Руси прославилось его.
И такъ, гуманный князь, отдайте справедливость
Тому, кто заслужилъ сочувствіе сердецъ,
Иль вы не русскій князь! Его неустрашимость
Пріобрѣла ему безсмертія вѣнецъ.
Что дѣдъ вашъ, князь, сказалъ,—ужель вамъ не извѣстно,
Когда сражался самъ противъ поляковъ?
Онъ Прагу бралъ тогда, напомнить здѣсь умѣстно
Слова Великаго... Какъ нашихъ зналъ враговъ!
Къ солдатамъ обратясь, онъ крикнулъ громогласно:

*) Герой Суворовъ получилъ княжеское достоинство отъ Австрійскаго императора.

«Нещадно рѣжьте ихъ и рѣжьте ихъ дѣтей,
«И знайте, что вашъ штыкъ заколетъ не напрасно:
«Вы жизнь спасаете тѣмъ вашихъ же дѣтей!»
Вотъ что сказалъ вашъ дѣдъ, кто этихъ словъ не знаетъ?
Онъ русскій былъ и съ русскою душой;
Кто Муравьеву врагъ, его кто порицаетъ,
Россіи тотъ не сынъ и русскому чужой!

Суровая, непоколебимая дѣятельность Михаила Николаевича придушила бунтъ поляковъ въ Литвѣ. Нѣсколько казней, ссылки, безпощадная конфискація имущества землевладѣльцевъ и монастырей, гдѣ только хоронились повстанцы, заставило шайки перекочевать въ Царство Польское, гдѣ ихъ встрѣтилъ побѣдоносный отрядъ графа Берга.

Польское дворянство Сѣверо-Западнаго края заплатило своимъ имуществомъ за всѣ убытки, причиненные ихъ мятежемъ и казнѣ, и частнымъ лицамъ, священникамъ и крестьянамъ. Осенью 1863 года край былъ усмиренъ. Вѣрноподданный русскаго Царя исполнилъ свой долгъ передъ Православной Церковью, Родиной и ея Самодержавнымъ Вождемъ.

Государственная заслуга графа М. Н. Муравьева была такъ велика, общественное сочувствіе къ нему было такъ велико, что даже люди, по направленію своей дѣятельности ему враждебные, считали долгомъ восхвалить его. Такъ, поэтъ Некрасовъ, во время торжественнаго обѣда въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ въ честь графа Муравьева, обратился къ нему съ слѣдующимъ стихотвореніемъ.

Бокалъ заздравный поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края...
Такъ много жъ лѣтъ ему... Ура!

Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надменный Западъ и враги;
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!
Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ,
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ... и вздохнетъ.
Вздохнетъ, что, ставши сумасбродомъ,
Забывъ присягу, свой позоръ,
Затѣялъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ.
Нѣтъ, не помогутъ имъ усилья
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ.
Зри! Надъ тобой, простерши крылья,
Паритъ Архангелъ Михаилъ.

Физическія силы Михаила Николаевича недолго могли выдержать такой тяжелый трудъ. Черезъ два года онъ настойчиво, даже болѣе,—упорно сталъ просить Государя объ удаленіи своемъ на покой. 24 апрѣля 1865 года Государь снизошелъ на просьбу знаменитаго администратора и уволилъ его съ возведеніемъ въ графское достоинство, глубоко жалѣя, что сходитъ со сцены свѣтило такой величины. 1 мая, ровно черезъ два года, день въ день, генералъ Кауфманъ отправился по Варшавскому пути служить родинѣ въ возвращаемомъ ей краѣ, по духу и сердцу своего славнаго предмѣстника, а Михаилъ Николаевичъ, вмѣстѣ съ семьею, уѣхалъ въ свое родовое имѣніе—Сырецъ, Лужскаго уѣзда, Петербургской губерніи, въ 10 верстахъ отъ станціи «Луга» Варшавской желѣзной дороги.

Родное гнѣздо, здоровый деревенскій воздухъ, поддержали еще старика. Въ кругу семьи, дѣтей, внучатъ, друзей, онъ окрѣпъ. Могъ даже переѣхать на

зиму въ Петербургъ и тамъ въ своемъ домѣ на Сергіевской прилежно занялся диктованіемъ своихъ воспоминаній, изъ которыхъ многое почерпнуто для этого разсказа. Въ апрѣлѣ 1866 года преступное покушеніе Каракозова снова потрясло горемъ и ужасомъ бѣдную Родину. Опять всѣ сердца, всѣ умы обратились къ родному борцу со зломъ, съ врагами покоя, мира на Руси. Опять имя Михаила Николаевича Муравьева стало повторяться съ надеждой на спасеніе. Старикъ воспрянулъ, встрепенулся, сбросилъ съ своихъ могучихъ плечъ бремя лѣтъ и недуговъ и, какъ истый русскій богатырь, принялся за дѣло разслѣдованія нитей заговора и преступленія. Все подчинялось его мѣткимъ, властнымъ указаніямъ. Заговоръ былъ разбросанъ въ разныхъ концахъ обширной родины и, несмотря на все искусство, съ которымъ его скрывали, къ августу мѣсяцу были обнаружины главнѣйшіе 35 дѣятелей и преданы верховному Уголовному Суду.

Съ минуты назначенія Михаила Николаевича разоблачителемъ преступленія, ушли со службы нерадивые слуги, допустившіе такой позоръ: 1) Шефъ жандармовъ князь Долгорукій, 1) Министръ Народнаго Просвѣщенія Головинъ и 3) Петербургскій генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ. Ихъ замѣстители, конечно, не во всемъ отвѣчали мысли Муравьева, но все же, при ихъ выборѣ, примѣнялись къ его мнѣнію. Свои взгляды на счетъ необходимыхъ преобразованій онъ и на словахъ и въ докладныхъ запискахъ передавалъ Государю, и они милостиво принимались въ расчетъ при слѣдующихъ правительственныхъ распоряженіяхъ.

На горе Россіи, силы старика не выдержали та-

кого потрясенія и напряженія, тѣмъ болѣе, что онъ все лѣто пробылъ изъ-за службы въ Петербургѣ. Хотя на Елагиномъ островѣ, во дворцѣ, все было хорошо для него устроено, но, конечно, не могло замѣнить родного гнѣзда. Его сильно тянуло въ Сырецъ, на освященіе тамъ, имъ выстроеннаго, храма. Онъ пріѣхалъ къ самому торжеству, назначенному на 29 августа, ко дню, когда Православная Церковь вспоминаетъ всѣхъ воиновъ, «животъ свой на полѣ брани положившихъ». Бодро вынесъ Михаилъ Николаевичъ длинную церковную службу и вслѣдъ за нею обѣдъ. Весь день былъ веселъ, разговорчивъ, а вечеромъ, когда устроились даже дѣтскіе танцы, любовался ими и засидѣлся до часа ночи.

Когда на слѣдующее утро старый слуга графа, не слыша его обычнаго утренняго кашля, вошелъ къ нему и, поднимая стору, тихошенько окликнулъ, тогда отвѣта не послѣдовало. Слуга осторожно подошелъ къ постели. Грузное тѣло графа глубже обыкновеннаго ушло въ матрацъ, онъ покойно лежалъ на правомъ боку, подпирая голову рукою. Глаза были закрыты и добрая улыбка озаряла его умное, суровое при жизни лицо.

Со смертью графа Муравьева, Россія потеряла одного изъ своихъ величайшихъ сыновъ. Это удостоилъ высказать Самодержавный Вождь земли родной, обращаясь къ супругѣ покойнаго, послѣ преданія землѣ его праха на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

— «Вы, графиня, потеряли много со смертью Михаила Николаевича, но потеря моя и Россія невознаградима. Онъ былъ геніальный человѣкъ!»

Благодарная Россія воздвигла ему памятникъ на

Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ.

(Къ стран. 106.)

деньги, собранныя всенародной подпиской, въ той самой Вильнѣ, которую онъ спасъ отъ ужасовъ революціи и вернулъ Родинѣ, Царю и Церкви Православной.

ПОСОБІЯ:

С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.

Графъ М. Н. Муравьевъ. Русская старина. Октябрь, Ноябрь, Декабрь 1862 г и Январь 1863 г. Записки о мятежѣ въ Сѣверо-Западной Россіи.

А. А. Виноградовъ. Какъ создался памятникъ графу М. Н. Муравьеву.

А. Н. Мосоловъ. Виленскіе очерки. 1863—1865 гг. Муравьевское время.

Александровскіе орлы парятъ надъ азіатской пустыней.

1864—1875 г.г.

I.

Геній Петра Великаго, создавая мощную Русскую имперію, вознося ея значеніе среди великихъ державъ Западной Европы, прекрасно сознавалъ, что при этомъ необходимо также вполнѣ обезпечить ея восточныя границы. Тамъ—далеко, изъ-за Каспійскаго моря, давнымъ давно тревожили насъ своими хищными набѣгами сосѣди-кочевники. Не вымерли потомки Чингисхана, и не могли забыть среднеазіатскіе хищники, что когда-то ихъ предки несли смерть и неволю на нашихъ мирныхъ родичей. Послѣ царя Петра не разъ мы ходили сговариваться съ армянами и персами на счетъ безопасности нашей съ ними торговли отъ злыхъ набѣговъ грабителей-кочевниковъ: первые не держали условій, вторые сами нападали на караваны, за-одно съ дикарями, притѣсняли, грабили, въ плѣнъ уводили, даже убивали нашихъ купцовъ. Послы московскіе Александръ Бековичъ, Черкасскій, Волынскій,

Макаровъ, Семенъ Абрамовъ, какъ ни старались исполнять указы великаго царя, никакъ не могли добиться надежныхъ, твердыхъ отношеній. Дошло до того, что самъ Императоръ рѣшилъ подняться во главѣ своей гвардіи и предпринялъ утомительнѣйшій походъ на востокъ.

«Не троньте моихъ подданныхъ»,—твердо говорилъ каждый шагъ впередъ русскаго самодержца. «Ни передъ чѣмъ не остановлюсь, чтобы строго взыскать за обиду русскаго человѣка!» И грозенъ, и могучъ двигался онъ со своими побѣдоносными богатырями. Переплылъ отъ Астрахани до Дербента по волнамъ тихаго Каспія и тамъ продиктовалъ свою волю ошеломленнымъ, подавленнымъ, хищнымъ сосѣдямъ 23 августа 1622 года, въ Сенатъ же отправилъ поздравленіе съ тѣмъ, «что съ Божіей помощью, въ тѣхъ краяхъ футъ получили» *).

Снаряженная Петромъ экспедиція въ Сибирь, подъ командой Бухольца, построила крѣпости: Омскую, Желѣзнинскую, Семипалатинскую и Усть-Каменногорскую.

При его преемникахъ была создана Оренбургская линія укрѣпленій для защиты отъ непрекращавшихся тамъ набѣговъ туркменскихъ племенъ. Позднѣе эту линію продолжили съ двухъ сторонъ: вглубь средне-азіатскихъ степей отъ Оренбурга съ одной стороны и отъ Западной Сибири съ другой.

Въ 1732 году ханъ Малой Орды принялъ русское подданство. Въ 1740 году его примѣру послѣдовалъ и ханъ Средней Орды. Ширилась наша родина на востокѣ; переселялись туда оренбургскіе и сибирскіе казаки; десятки укрѣпленій покрыли прежнія степи.

*) Т. е. стали твердой ногой.

На всемъ сѣверо-востокѣ мы примкнули къ высокимъ горамъ, фактической нашей границѣ съ Китаемъ. Линія была безконечно длинна, она захватывала все пространство на сѣверъ отъ Аральскаго моря. Трусливо, ненадежно подчинялись кочевники нашей силѣ, нашей волѣ. За ними приходилось зорко досматривать. До 141 крѣпостцы было выведено на близкомъ разстояніи одна отъ другой; въ нихъ расквартировано 30 гарнизоновъ; 20 тысячъ служилыхъ казаковъ разселено вокругъ для большей безопасности края. Но, несмотря на всѣ эти мѣры, до самаго царствованія Императора Александра II торговый нашъ путь въ Среднюю Азію не былъ вполнѣ безопасенъ отъ набѣговъ разбойничьихъ шаекъ Хивинцевъ и Кокандцевъ. Они, по старому, грабили наши купеческіе караваны, уводили русскихъ въ плѣнъ и продавали ихъ на рынкахъ Хивы и Коканда.

Волей-неволей приходилось вести войну съ Кокандомъ, Бухарой и Хивой. Для этой цѣли, въ маѣ 1864 года, выступили на соединеніе два отряда: первый изъ порта Перовскаго, численностью въ 1500 человѣкъ, подъ командой полковника Веревкина, второй изъ Вѣрнаго въ 2500 человѣкъ, подъ командой генералъ-маіора Черняева.

Еще въ 1854 году, во время Турецкой войны, Императоръ Николай Павловичъ, читая докладъ о кавалерійскомъ дѣлѣ подъ городомъ Каракала, составленный Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ, поставилъ резолюцію:

«Замѣтить этого молодого офицера». И, послушная прозорливой волѣ нашего Самодержца, судьба выдвинула отмѣченнаго имъ юношу.

Медленно двигались русскіе піонеры по необъ-

ятнымъ степямъ. Веревкинъ взялъ съ бою Туркестанъ, Черняевъ — съ бою Коканскую крѣпость Ауліе-Ата, наконецъ, они сошлись подъ Чемкентомъ, оцѣпивъ такимъ образомъ громадную, судьбою намъ предоставленную, Киргизскую степь.

Спохватились кокандцы! Поняли, что плохо приходится. Совсѣмъ освирѣпѣли. Широко, далеко по безпредѣльнымъ степямъ разнесся ихъ призывный кличъ къ оружію! Слетѣлись коршуны защищать Чемкентъ—свое укрѣпленное гнѣздо. Бились, какъ герои, отстаивая родное пепелище! У насъ же, по обычаю, силъ не доставало. Но во главѣ отряда стоялъ Черняевъ, — ему помогалъ полковникъ Лерхе. При томъ же русскій солдатъ, да еще тѣхъ временъ, не умѣлъ отступать, не зналъ, что такое неудача! Шли мы впередъ безъ оглядки, несмотря на умѣлую оборону кочевниковъ; видимо, ими руководилъ не азіатскій инженеръ. Лерхе такъ стремительно велъ атаку изъ своихъ траншей, что, несмотря на убійственный огонь съ крѣпости и со стѣнъ, скорешенько опрокинулъ врага и на его плечахъ ворвался въ городъ *). Пользуясь минутой, Черняевъ двинулся изъ лагеря со всѣми уже силами; перевелъ весь отрядъ по-одиночкѣ черезъ ровъ и по водопроводной трубѣ прорвался съ ними въ городъ. Бойня была страшная, дикари отчаянно защищались, но не прошло и часа, какъ мы уже вошли въ цитадель по трупамъ враговъ и братьевъ—героевъ! 4 знамени, 23 пушки, 3 мортиры и много другого оружія осталось въ нашихъ рукахъ.

Была, значитъ, достигнута первоначальная цѣль

*) Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ генерала отъ инфантеріи Леера. Томъ VIII.

экспедиціи. Учреждена Ново-Кокандская линія, связавшая конечные пункты нашихъ владѣній на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и Заильскаго края *).

Узнала объ этомъ Европа; ея дипломаты, какъ будто, заволновались, точно, нахмурились. Вѣжливый, благовоспитанный нашъ канцлеръ князь Горчаковъ счелъ нужнымъ объясниться. Въ своемъ изысканномъ, пространномъ циркулярѣ онъ выяснилъ причины, побуждавшія насъ защищать и свои границы и своихъ подданныхъ на восточной окраинѣ. Сравнивалъ причины, побуждавшія насъ взяться за оружіе, съ тождественными обстоятельствами, вызывавшими военныя дѣйствія Соединенныхъ Штатовъ въ Америкѣ, Франціи въ Африкѣ, Голландіи въ своихъ колоніяхъ, Англіи въ Остъ-Индіи.—Онъ подчеркивалъ, что Россія, какъ и они, была вовлечена на путь движенія впередъ не честолюбіемъ, а крайней необходимостью. Онъ крѣпко на крѣпко завѣрялъ, что мы только обороняемся, впередъ же не двинемся ни на шагъ. «Цѣль Императора Александра состоитъ не въ томъ, чтобы расширить, внѣ всякой разумной мѣры, границы земель, подчиненныхъ его скипетру, но утвердить въ нихъ власть свою на прочныхъ основаніяхъ, обезпечить ихъ безопасность и развить въ нихъ общественное благоустройство, торговлю, благосостояніе и цивилизацію». На Чемкентъ нашъ дипломатъ указывалъ, какъ на окончательный, пограничный пунктъ нашихъ военныхъ дѣйствій; онъ долженъ служить гражданскимъ и военнымъ центромъ управленія вновь пріобрѣтаемаго Заильскаго края.

Вторя этому циркуляру, наше военное вѣдомство послало приказаніе генералу Черняеву прекратить

*) С. С. Татищевъ, стр. 115, томъ II.

дальнѣйшее наступательное движеніе. Между тѣмъ занятіе нами цѣлой области, принадлежавшей Коканду, вызвало сильное волненіе не только въ ханствѣ, но и въ сосѣдней Бухарѣ. Черняевъ понималъ это, онъ писалъ объ этомъ:

«Кокандцы сосредоточиваютъ въ Ташкентѣ огромныя силы; они угрожаютъ новымъ пріобрѣтеніямъ; ихъ необходимо предупредить, остановить! Эмиръ Кокандскій сохраняетъ еще огромное вліяніе на только что нами покоренныхъ туземцевъ».

Михаилъ Григорьевичъ мучился, волновался! «Ахъ! если бы»—думалось ему, «намъ завладѣть Ташкентомъ, провести границы по Сыру! Мы пріобрѣли бы тогда господствующее значеніе въ Средней Азіи, прочную границу, богатую житницу, торговый и промышленный центръ, прорубили бы себѣ окно въ замкнутую варварскую Азію! А тутъ, на горе, Петербургъ!» съ досадой вспоминалъ дальновидный администраторъ, горячій патріотъ, родной, русскій герой! Его боевые инстинкты взяли, наконецъ, верхъ надъ политическими соображеніями. «Что карьера, служба! Ясно, что не точны взгляды далекихъ центральныхъ сферъ въ этомъ вопросѣ, они даже вредны. Благо родины—вотъ долгъ гражданина»! Любовно жертвуетъ онъ ему службой, карьерой. «Пусть будетъ, что будетъ, оружія нельзя складывать въ ножны. Надо крѣпко упрочить власть Россіи на окраинѣ!» А тутъ опять заторъ, новая препона! Вѣдь у него только горсточка храбрецовъ подъ командой! 8 ротъ пѣхоты, 2 сотни казаковъ, 10 орудій. Опасно идти съ ними въ открытый бой, на крѣпость, огромную по объему, отлично защищенную, съ 15 тысячнымъ гарнизономъ! И все же Михаилъ Григорьевичъ рѣшился. Онъ сдѣлалъ всѣ

распоряженія, чтобы отвести отъ города всю воду, взять врага изморомъ. Для этого необходимо было овладѣть крѣпостью Ніязбекъ, расположенною въ 30 верстахъ отъ Ташкента. Изъ этого, именно, защищеннаго уголка получали воду всѣ громадные оросительные каналы Ташкента: его поля, его сады, его стада пропадали, разъ мы отнимемъ у нихъ воду. Черняевъ такъ и сдѣлалъ. Двинулъ отрядъ изъ Чемкента 23 апрѣля 1865 года, взялъ Ніязбекъ и побѣдоносно расположился лагеремъ на Саритюбскихъ высотахъ, въ виду Ташкента, ожидая событій.

У его ногъ, въ восьми только верстахъ, живописно раскинулся, утопая въ садахъ, роскошный красавецъ Ташкентъ. Сто тысячъ жителей и неисчислимыя богатства востока были окружены высокими валами, крѣпкими стѣнами, тянувшимися на разстояніи 24 верстъ въ окружности, неприступными, по понятіямъ простого смертнаго!

Было надъ чѣмъ призадуматься и геніальному вождю. Не спалось командиру, а ночь была тюрьмы чернѣй, и все вокругъ нашего лагеря спало мертвымъ сномъ пустыни. Вдругъ шорохъ, легонькое движеніе— блеяніе козъ, мычаніе коровъ.

— «Что?» воззрился Михаилъ Григорьевичъ на вошедшаго адъютанта.

— «Наши ловко, изъ-подъ стѣнъ угнали городскія стада—и прямо въ лагерь, ваше превосходительство».

— «Слава Богу!» вздохнулъ, крестясь, Черняевъ, «это слѣдствіе отвода воды; теперь настанетъ лихолѣтье врагу».

— «Говорятъ, тамъ есть, однако, хорошіе колодцы для людей; ну, скотъ-то и сады, конечно, погибнутъ:

Видъ Ташкента въ 1865 году.

(Къ стран. 114.)

но жители, навѣрно, будутъ терпѣть жажду и все же держаться», разсудительно говорилъ молодой офицеръ. У входа опять послышался шорохъ. Адъютантъ вышелъ и увидѣлъ нашего лазутчика. За нимъ стоялъ азіатъ, по одеждѣ; но что-то, какъ будто, родное чудилось въ его добродушныхъ сѣрыхъ глазахъ. Онъ покойно смотрѣлъ на генерала.

— «Языка привелъ, ваше превосходительство!» Михаилъ Григорьевичъ прищурился и, улыбаясь, вставилъ:

— «А, можетъ, и земляка?» Въ богатомъ Ташкентѣ, по слухамъ, селились таки наши: кто дезертировалъ, кто бѣжалъ изъ плѣна. При стотысячномъ населеніи Ташкента, легко было схорониться въ этомъ городѣ всякому, кто за что-нибудь и почему-нибудь долженъ былъ отвѣтъ держать или платиться за провинности.

— «Точно такъ, ваше превосходительство,—казакъ Поповъ, съ Урала, давненько съ родины ушелъ, живется, что Бога гнѣвить, хорошо, сыто. Да вотъ, прослышалъ на базарѣ, что роднымъ храбрецамъ плохо придется, и рѣшилъ имъ помочь. Одолѣетъ ихъ мулла окаянный Алимкулъ! Вишь, привелъ, сказываютъ, скопище въ 15 тысячъ всякаго сброда, къ тому же впереди то есть у него и строю наученный народъ, да и 48, слыхать, новешенькихъ орудій. Какъ ни храбрись, а ничего не подѣлаешь. Вотъ я и рѣшилъ пробраться къ братьямъ, предупредить родненькихъ! Только что затемнѣло, перекрестясь, пробрался къ вашей цѣпи. Ужъ не обезсудьте, ваше превосходительство», разумно докладывалъ языкъ, разводя руками.

— «Чего ужъ тутъ еще судить!» вздохнулъ Ми-

хаилъ Григорьевичъ. Его умъ напряженно заработалъ, нахмурилось ясное чело.

—«Слыхать»,—продолжалъ разсказчикъ,—«и орудія то у нихъ вылиты по образцу нашихъ, только куда больше, отливалъ какой-то бѣглый сипай. Не вѣсть, какъ много-много пошло на эту отливку мѣдной посуды».

— «Идетъ Алимкулъ? такъ когда же здѣсь то можетъ быть?» въ раздумьи спрашивалъ себя Черняевъ.

— «Казакъ изъ цѣпи», доложилъ кто-то у входа въ кибитку.

— «Какъ будто, что-то шевелится саженяхъ въ четырехъ отъ нашего лагеря», доложилъ не громко казакъ.

— «Готовится, значитъ», задумался генералъ. «Помоги, Господи!»

— «Это артиллерію свою разставляетъ», разсудилъ языкъ.

— «Надо бы безъ малѣйшаго шума предупредить отрядъ», точно самъ съ собою говорилъ Михаилъ Григорьевичъ.

Какъ разъ въ эту минуту, когда чуть только начала заниматься заря, гулко раздался первый вражій залпъ. Ядро сорвало верхъ кибитки самого генерала.

Закрестились православные, но никто и бровью не повелъ. Да и непугаться же имъ, стоя съ безстрашнымъ вождемъ!

— «Четыре роты и дивизіонъ артиллеріи двинуть на врага прямо черезъ рисовое поле! Съ фланга же пусть ударитъ вторая колонна», покойно распоряжался онъ, слѣдя за движеніями воюющихъ сторонъ.

Передъ вражьими рядами отважно гарцовалъ ихъ вождь Алимкулъ на своемъ лихомъ аргамакѣ. Ему и не снилась возможность пораженія: «горсть спугнутыхъ со сна враговъ! гдѣ же имъ устоять передъ моими стройными, прекрасно вооруженными рядами?» Вдругъ загрохоталъ нашъ первый залпъ, и его самого какъ не бывало! Насквозь прострѣленный пулей русскаго солдатика, храбрый, отважный, блестящій Алимкулъ повалился навзничъ, и любимый конь унесъ безжизненное тѣло въ ряды своихъ полковъ.

Переполохъ сдѣлался страшный. Кокандцы дрогнули, смѣшались, стали пятиться. Куда имъ безъ вождя! Они и пушки побросали.

Узнавъ о смерти Алимкула, о пораженіи его отряда, Кокандскій ханъ покинулъ Ташкентъ, оставивъ для его защиты отрядъ бухарцевъ подъ начальствомъ Искандеръ-бека, обѣщавшаго населенію скорую помощь отъ своего эмира.

Мы преслѣдовали бѣгущаго врага до самыхъ стѣнъ съ тѣмъ, чтобы на его плечахъ ворваться въ городъ. Но у стѣнъ насъ встрѣтилъ такой адскій огонь, что главнокомандующій понялъ всю безцѣльность жертвовать своими небольшими, а главное, единственными силами, и рѣшилъ остаться при своемъ первомъ планѣ: взять городъ изморомъ при содѣйствіи той части жителей, которая сочувствовала нашимъ интересамъ. Это были торговцы, землевладѣльцы, промышленный, трудовой людъ; а противъ насъ вопили военные и духовенство! Они волновались, слали депутаціи къ эмиру и рѣшили сопротивляться. Наши отряды бродили вокругъ города, мѣшая всякимъ сношеніямъ извнѣ. Нудно тянулось время до половины іюня.

— «Эмиръ идетъ съ громаднымъ регулярнымъ войскомъ изъ Самарканда!» услышалъ Михаилъ Григорьевичъ. «Уже идетъ», сталъ онъ раздумывать. «Медлить дольше нельзя. Губить интересы родины права не имѣю!» И рѣшилъ взять лежавшую у ногъ его громаду. Лишь бы изловчиться—обойти бдительность осажденныхъ, да ударить въ такомъ пунктѣ, гдѣ всего меньше могли этого ожидать.

II.

Оставивъ гарнизонъ въ Ніязбекѣ, другой въ полевомъ укрѣпленіи Сарытюбѣ, третій, въ Нагай-Курганѣ, выдѣливъ 2 роты, 2 орудія и $^1/_2$ сотни казаковъ для занятія кокандской дороги, Черняевъ остался съ горсточкой въ 1100 штыковъ и сабель. И съ этимъ-то баснословно малымъ отрядомъ нашъ герой рѣшилъ взять громадный Ташкентъ.

Темная южная ночь съ 14 на 15 іюня. Зги не видно. Часы въ лагерѣ бьютъ два. Штурмовая колонна осторожно, тихо, какъ бы большая тѣнь, безъ малѣйшаго звука поднялась и двинулась къ городской стѣнѣ; впереди охотники подъ командой штабсъ-капитана Абрамова. За ними, въ верстѣ разстоянія, маіоръ Делакруа съ 2 ротами и 2 орудіями. Еще въ верстѣ разстоянія подполковникъ Жемчужниковъ съ $2^1/_2$ ротами резерва при 3 орудіяхъ. Ни небо, ни земля не выдали нашихъ молодцовъ. Осторожно двигались они по погибавшимъ отъ засухи садамъ, оставляя на опушкѣ арьергардъ изъ взвода пѣхоты и сотни казаковъ, прикрывавшихъ обозъ и сообщеніе съ маленькой крѣпостцой на Ногай-Курганѣ. Въ полутора верстахъ отъ стѣны штурмовая колонна сняла лѣстницы съ верблюдовъ и понесла на рукахъ, такъ старательно,

такъ осторожно, что вражій караулъ замѣтилъ ихъ только тогда, когда они уже совсѣмъ наткнулись на него.

Раздалось надъ перепуганнымъ людомъ наше мощное «ура», и караула—какъ не бывало! Ни одинъ человѣкъ не всталъ. Наши же приставили лѣстницы и полѣзли на стѣну подъ командой ротмистра Вульферта. Защитники, въ числѣ 500, съ просонья, перепуга, въ ночной тьмѣ ничего не понимали, паника охватила, обезоружила ихъ; кто успѣлъ, пустился бѣжать, большинство же легло на мѣстѣ. Вслѣдъ за охотниками двинулись Абрамовъ, Делакруа и Жемчужниковъ. Ворота пали, храбрецы ворвались за стѣны и какъ бы потонули въ многотысячномъ городѣ, но, воодушевляемые своими смѣлыми вождями, продолжали наступленіе, штурмуя встрѣчавшіяся баррикады, овладѣвая орудіями, уничтожая на пути всѣ препятствія. Шагъ за шагомъ пробивали наши себѣ путь впередъ, пока не соединились у ханской ставки. Тамъ настигъ ихъ гонецъ Черняева, съ приказаніемъ вернуться къ Камеланскимъ воротамъ, гдѣ Михаилъ Григорьевичъ стоялъ одинъ съ 18 конвойными, разославъ остальныя силы по всѣмъ направленіямъ. Съ этой горсточкой онъ держался до 5 часовъ вечера, когда уже остальныя силы очистили всю мѣстность, окружавшую ворота. Въ это-то время къ нашему главнокомандующему явилась депутація отъ мирныхъ горожанъ, аксакаловъ (старшинъ) города, торговцевъ, хлѣбопашцевъ. Пощады, мира просить пришли они у русскаго генерала, храбраго покорителя!

Михаилъ Григорьевичъ ласково принялъ ихъ, съ большимъ вниманіемъ вслушивался въ льстивыя, подобострастныя рѣчи и, что-то, какъ будто, чуя, хо-

тѣлъ понять, проникнуть въ смыслъ многорѣчивыхъ восточныхъ изліяній. Въ это время ординарецъ подалъ пакетъ. Въ немъ наскоро сообщалось отцу командиру, что далеко отъ его сакли, въ центрѣ города, на базарѣ сбѣжалось великое множество жителей, пожалуй, до 25 тысячъ человѣкъ, и они всѣ въ изступленіи клялись на Коранѣ—умереть всѣмъ до одного за вѣру и за городъ, а не сдаваться! Что было ему дѣлать? Онъ отпустилъ депутацію, въ свою очередь обѣщая миръ и любовь, при условіи полной тишины и покоя его войскамъ. Самъ же рѣшился на очень мѣткую, вѣрную мѣру: приказалъ зажечь всѣ строенія полукругомъ отъ Камеланскихъ воротъ, чтобы отдѣлить себя огненной стѣной отъ центра города. Геніальная мѣра! она дала возможность выспаться покойно нашимъ, до-нельзя утомленнымъ, солдатикамъ, болѣе сутокъ проведшимъ безъ сна, безъ отдыха въ огнѣ и битвѣ съ подавляющимъ своею многочисленностью, отчаяннымъ врагомъ. При пламени пожара, подъ охраной сторожившихъ товарищей и правильно разставленныхъ пушекъ, наши храбрецы разлеглись, успокоились богатырскимъ сномъ, почти не дотронувшись до горячей, обильно заготовленной пищи. Враги нѣсколько разъ порывались напасть на сонныхъ, но яркое пламя костровъ, озаряя каждое ихъ движеніе впередъ, открывало вѣрную мишень нашимъ бравымъ стрѣлкамъ, которые, наоборотъ, были прекрасно замаскированы падавшею на нихъ тѣнью. По временамъ, въ полномъ горѣ, непріятель пытался тушить костры, свои сожженныя сакли, дома—и возобновлять схватки не на животъ, а на смерть. Но напрасно! Мы ихъ всюду одолѣвали. Наконецъ, 17 іюня врагъ рѣшилъ безповоротно, искренно поко-

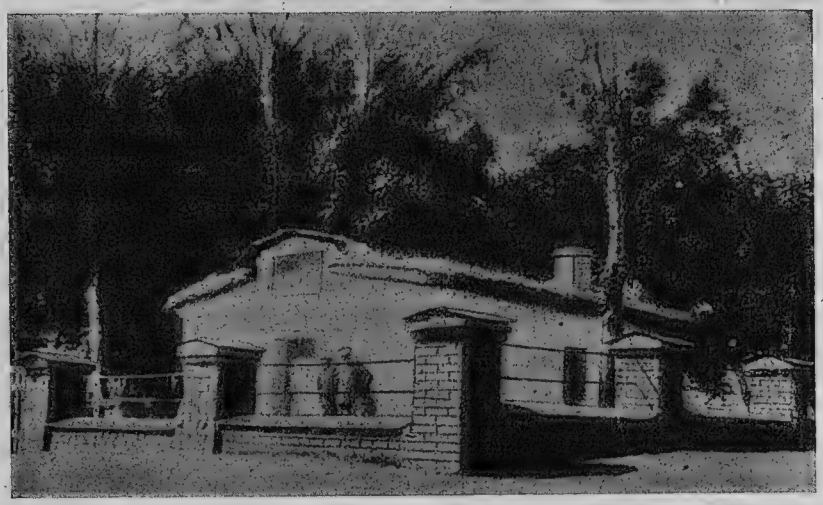
риться. Черняевъ прекратилъ огонь. Снова явились аксакалы и всѣ почетные жители и сдали городъ безусловно. Михаилъ Григорьевичъ, прощаясь, предупредилъ ихъ, что передъ вечеромъ, когда спадетъ жара, онъ пріѣдетъ осмотрѣть базаръ. Быстро разнеслась по полувыжженному покоренному Ташкенту эта удалая вѣсть! Весь городъ собрался на плоскія крыши домовъ, расположенныхъ по ведущимъ къ базару отъ нашего лагеря улицамъ, поглазѣть на чудо-богатыря, безстрашнаго вождя, передъ геройскимъ напоромъ котораго пала, смирилась ихъ укрѣпленная твердыня, гордость востока! Передъ вечеромъ, дѣйствительно, послышался конскій топотъ, и главнокомандующій съ однимъ адъютантомъ да пятью конвойцами спокойно проѣхалъ на базаръ, весело, довольно, но и зорко поглядывая по сторонамъ. Тамъ принялъ онъ обычный достарханъ, потомъ посѣтилъ именитыхъ и особенно вліятельныхъ горожанъ.

Ничѣмъ невозмутимые сыны востока были поражены такимъ безстрашіемъ! Въ ихъ глазахъ русскій вождь олицетворялъ сказочнаго героя древнихъ сказаній. Да и не мудрено: отрядъ въ 1300 штыковъ и сабель, при 10 орудіяхъ взялъ штурмомъ огромный городъ съ стотысячнымъ населеніемъ, защищенный 15 тысячнымъ отрядомъ, при прекрасной артиллеріи и отличныхъ средствахъ защиты. Мы забрали 63 орудія, 16 большихъ знаменъ, множество ружей, 2000 пудовъ пороха и 10,000 разныхъ снарядовъ.

«Съ покореніемъ Ташкента,»—доносилъ генералъ Черняевъ, «мы пріобрѣли положеніе въ Средней Азіи, сообразное съ достоинствомъ Россійской Имперіи и мощью русскаго народа.»

Разсчитывая на продолжительную стоянку войска,

начали понемногу устраиваться. Слѣпили изъ сырцовой глины для «Дѣдушки» *) небольшую саклю, и теперь существующую подъ именемъ «домика Черняева,» на углу Махрамскаго проспекта и Черняевской улицы. Въ этихъ глиняныхъ, любовно, хоть, конечно, неискусно слѣпленныхъ стѣнахъ совершалась первая работа нашего геніальнаго соотечественника по водворенію русской законности въ краѣ, безусловно



Домикъ Черняева въ Ташкентѣ.

имѣвшая благотворное вліяніе на нравственную сторону туземнаго населенія, изнемогавшаго подъ гнетомъ насилія и произвола. Убѣдились предводители разбойничьихъ племенъ, что съ войсками Бѣлаго Царя нѣтъ силъ бороться. Въ домикѣ «Дѣдушки» его волею, его подвигами былъ рѣшенъ вопросъ быть или не быть Ташкенту русскимъ городомъ и главенствовать ли Россіи въ Средней Азіи.

*) Сердечное прозваніе, данное солдатами своему великому, любимому вождю.

Пока отряды Михаила Григорьевича очищали Зачирчикскій край, громя полчища Рустамъ-бека, въ Ташкентъ пріѣхалъ Оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій.

Ничего добраго не предвѣщалъ его пріѣздъ Туркестанскому краю; его недалекій умъ, мелкое самолюбіе не одобряли побѣдоноснаго шествія, патріотической политики покорителя Ташкента: личное тщеславіе, а не государственную пользу усматривалъ онъ въ подвигахъ героя.

— «Вамъ придется отступить къ Чемкенту,» разсудительно заговорилъ онъ послѣ первыхъ ласковыхъ привѣтствій.

— «Покинуть Ташкентъ?» вспыхнулъ Черняевъ. У него защемило сердце.

— «Ну да! поймите, генералъ, мы не должны такъ углубляться въ середину страны!»

— «А должны терять плоды побѣдъ нашихъ героевъ!» Слезы слышались въ голосѣ Михаила Григорьевича.

— «Ну, это не называется терять: мы можемъ поставить въ Ташкентѣ искренно-благожелательнаго намъ хана; а еще лучше установить муниципалитетъ, по примѣру Гамбурга и Любека,» выпалилъ истый петербургскій бюрократъ. У Черняева отъ удивленія глаза стали выкатываться.

Искренняго азіата поставить? Европейскій муниципалитетъ среди азіатскихъ кочевниковъ? Этого никакъ не могъ постичь его здравый, русскій умъ! Въ ушахъ звенѣли несуразныя слова, въ мозгу затрещало. Съ трудомъ пересиливая лихорадочную дрожь, онъ пробовалъ объяснить всю невозможность такихъ распоряженій.

— «Они влекутъ за собою полный упадокъ нашего обаянія на востокѣ! Намъ не удержать Чемкента, имѣя позади себя тысячеверстную безводную пустыню, а впереди такой плацпарадъ для сбора вражьихъ силъ, какъ Ташкентъ.» Крыжановскій уперся. «Отдать Ташкентъ, отступить къ Чемкенту.»

Чтобы убѣдить его, Михаилъ Григорьевичъ попробовалъ доказывать необходимость удержанія Ташкента, какъ главнаго стратегическаго пункта. Онъ чуть не цѣлую лекцію прочиталъ о политической миссіи въ Средней Азіи, завѣщанной намъ Петромъ Великимъ.

— «Все это прекрасно», методично отвѣчалъ Крыжановскій, «я даже соглашаюсь съ вашимъ взглядомъ, что хорошо было бы удержать Ташкентъ, но поймите и вы, что на это скажетъ Англія? Это можетъ вызвать европейскую войну!» Такъ и пахнуло отъ этихъ словъ амбре *) Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Не могъ никакъ понять ставленикъ Петербурга, что та же Англія, та же Европа, по закону природы, преклонится передъ военнымъ успѣхомъ честныхъ патріотовъ! Онъ все мололъ свое!

Черняевъ видѣлъ, какъ разбивалось его великое русское дѣло! Оно гибло при самомъ своемъ зародышѣ!

— «Что дѣлать»? спрашивалъ онъ себя, волнуясь, страдая, дрожа за интересы родины. «Боже мой, что дѣлать»? Совѣсть подсказала, свѣтлый лучъ патріотизма озарилъ его—и онъ рѣшилъ: «Нужно удержать Ташкентъ, хотя для этого пришлось бы пожертвовать собой»!

Собесѣдованіе было оффиціально окончено. Миха-

*) Модные духи.

илъ Григорьевичъ вернулся въ свою саклю и спокойно занялся просмотромъ текущихъ бумагъ.

III.

Въ комнату Черняева вошелъ адъютантъ. «Что скажите»? ласково спросилъ генералъ.

— «Казакъ пріѣхалъ изъ отряда подполковника Пистолькорса, ваше превосходительство».

— «Зовите», любопытно поднимая глаза и откладывая въ сторону бумаги, что держалъ въ рукахъ, проговорилъ «Дѣдушка».

Вошелъ бравый урядникъ съ двумя Георгіями на груди и подалъ донесеніе о взятіи Пскента, Корсучей и объ отступленіи Рустамъ-бека къ Джизаку.

— «Эхъ, молодцы»! процѣдилъ сквозь зубы генералъ, перекрестился и, доставъ изъ стола нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ, приказалъ ихъ отвезти въ отрядъ, вмѣстѣ съ своимъ сердечнымъ «спасибо».

— «А что, приходили туземцы»? спросилъ онъ адъютанта по уходѣ казака.

— «Точно такъ, ваше превосходительство».

— «Съ чѣмъ?»

— «Спрашивали, кому подавать прошеніе о принятіи ихъ въ подданство Россіи, вамъ или генералу Крыжановскому? Я сказалъ, что вамъ».

Самодовольная улыбка, какъ молнія, сверкнула на губахъ, освѣтила на мгновеніе хмурый лобъ и исчезла подъ нависшими бровями, въ морщинахъ тревожныхъ думъ.

На другой день опять аксакалы, торговцы, хлѣбопашцы били челомъ русскому вождю. Они вѣрили ему, они восхищались имъ, для нихъ онъ былъ представителемъ далекой великой силы Императорской

Россіи. На этотъ разъ они очень искренно молили въ коллективномъ прошеніи принять ихъ въ подданство Бѣлаго Царя.

Черняевъ повѣрилъ имъ, онъ дружелюбно принялъ прошеніе и обнадежилъ благопріятнымъ отвѣтомъ. Бумага пошла по начальству. Генералъ Крыжановскій, прикрываясь личиной законности, объявилъ отъ себя выборнымъ, что ихъ просьба будетъ отправлена въ Петербургъ, а пока они должны избрать себѣ хана, или устроить для управленія городомъ муниципалитетъ.

Въ тотъ же день онъ послалъ Черняеву предписаніе привести въ исполненіе означенное рѣшеніе.

Вечерѣло. Въ саклѣ главнокомандующаго царилъ уже полусвѣтъ. Онъ подошелъ къ отворенному окну и нервно распечаталъ пакетъ. Вотъ оно, роковое предписаніе! Онъ долженъ отступить, а покорные его Царю, имъ Ему завоеванные, черезъ него увѣровавшіе въ Бѣлаго Царя азіаты, мирные труженики, ищущіе для блага своей родины русскаго подданства, остаются безъ русскаго покровительства на съѣденіе своихъ же братьевъ-дикарей, хищниковъ, бродящихъ ордъ! Что же это такое? Да и можетъ ли, долженъ ли онъ, связанный присягой на вѣрность Царю и отечеству, исполнить этотъ вредный для родины указъ? Бѣдный герой сразу постарѣлъ, осунулся. Походные часы, лежавшіе на рабочемъ столикѣ, показывали 6 часовъ. Пора было на что-нибудь рѣшиться. Онъ перекрестился, взялъ перо и написалъ Крыжановскому, что не беретъ на себя оставленіе Ташкента и отступленіе къ Чемкенту. Если же генералу не угодна его дѣятельность въ краѣ, онъ готовъ его покинуть.

На такой шагъ Крыжановскій не рѣшился соб-

ственною властью и уѣхалъ въ Оренбургъ, а къ Черняеву стали приходить вѣсти, что эмиръ, воспользовавшись заминкой въ нашемъ наступательномъ движеніи, собралъ боевыя орды и поставилъ ханомъ въ Кокандѣ своего избранника, Худояръ-хана. Черняевъ отправилъ къ нему пословъ для разъясненія нашихъ пограничныхъ отношеній. Куда! Заносчивые азіаты, несмотря на всѣ погромы, не хотѣли успокоиться. Они заключили въ тюрьму нашихъ пословъ и гордо требовали удаленія русскихъ войскъ.

Михаилъ Григорьевичъ взялся за оружіе. Какъ всегда удалый, умѣлый, онъ взялъ штурмомъ крѣпости Ходжентъ-Друзакъ и Ура-Тюбе. Въ этихъ округахъ въ четыреста квадратныхъ миль съ милліоннымъ населеніемъ, Черняевъ, какъ военный губернаторъ края, съ свойственнымъ ему умомъ, энергіей и добросовѣстностью работалъ день и ночь, не покладая рукъ, вводя порядокъ, мирное благоустройство, матеріальное, нравственное и умственное развитіе. Не любилъ онъ отягчать казну лишними расходами. Его походы обходились баснословно дешево: 250 тысячъ вся экспедиція въ Среднюю Азію. По гражданскому вѣдомству при немъ находились только 6 чиновниковъ и четыре переводчика.

Рѣдко наблюдательный, отзывчивый нуждамъ ввѣреннаго ему края, онъ настоялъ на открытіи въ Ташкентѣ лѣчебницы для туземныхъ женщинъ и дѣтей съ врачами женщинами, прочно обезпечилъ ея существованіе и тѣмъ положилъ основу къ открытію впослѣдствіи, особенно при генералъ-губернаторѣ Розенбахѣ, еще многихъ такихъ лѣчебницъ. Едва ли это были не первыя въ Россіи лѣчебницы, гдѣ во главѣ стояли женщины-врачи. Теперь это уже самое какъ

бы естественное явленіе. А тогда? въ шестидесятыхъ годахъ? Слѣдовало быть Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ, чтобы такъ просто, безъ письменной волокиты, основать такое великое дѣло человѣколюбія и заботливости объ обездоленной азіатской женщинѣ.

Генералъ М. Г. Черняевъ.

Въ 1867 году здоровье Михаила Григорьевича потребовало серьезнаго лѣченія. Ему приходилось разстаться съ своимъ краемъ, съ своимъ дѣломъ! Осыпанный царскими милостями, онъ уѣхалъ за границу. Изъ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей было учреждено Туркестанское генералъ - губернаторство и первымъ генералъ - губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Кауфманъ. Слава объ его энергіи, патріотической, православно-русской дѣятельности не-

слась передъ нимъ съ береговъ литовской Виліи, гдѣ Константинъ Петровичъ служилъ со славой и честью цѣлые шесть лѣтъ, принявъ изъ рукъ своего великаго предшественника М. Н. Муравьева знамя православія и русской народности. Его провожали самыя горячія благословенія всѣхъ честныхъ русскихъ людей. Ихъ пожеланія и молитвы неслись за нимъ слѣдомъ въ самую глубь Средней Азіи.

Вѣрно оцѣнивая заслуги генерала Черняева, Константинъ Петровичъ фонъ Кауфманъ съ особеннымъ усердіемъ, очень основательно изучилъ исторію нашихъ отношеній къ туземной власти въ краѣ и легко понялъ, что миролюбивыя формы переговоровъ, столь излюбленныя дипломатами, въ угоду кичливой Англіи, отнюдь не примѣнимы на мѣстѣ. Бухарскій эмиръ не мирился съ установившимся положеніемъ. Его кочевники не могли понять выгоды мира и покоя. Въ тайникѣ своей души онъ остался нашимъ непримиримымъ врагомъ. По удаленіи же Михаила Григорьевича, поднялъ голову, отточилъ мечи и копья, зарядилъ подаренныя Европой ружья и началъ снова насъ тревожить.

Твердый, убѣжденный патріотъ, новый генералъ-губернаторъ въ ту же весну, въ маѣ 1865 года, быстрымъ движеніемъ атаковалъ эмира на берегу Заравшана и, послѣ неимовѣрныхъ геройскихъ усилій, напоминавшихъ войскамъ ихъ незабвеннаго «Дѣдушку», взялъ приступомъ священный городъ Бухарцевъ— Самаркандъ. Пришлось азіатамъ мириться, подписать тяжелый договоръ, по которому Заравшанскій округъ, лучшая часть Бухары, съ столицей и Катты-Курганомъ перешли подъ скипетръ Императора Александра II. Такъ штыками нашихъ чудо-богатырей было положено на-

чало мирному, просвѣщенному владычеству Россіи въ Средней Азіи.

Наконецъ, Бухара и Кокандъ вполнѣ подчинились нашему вліянію. Въ 1870 году наши кавказскія войска заняли полуостровъ Мангишлакъ, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, и основали крѣпкій Красноводскъ.

Казалось, Кауфманъ могъ успокоиться. Такъ нѣтъ же. Черезъ годъ вспыхнуло возстаніе дунганей въ Западномъ Китаѣ, и пришлось генералъ-губернатору ввести русскій гарнизонъ въ Кульджу. Теперь изъ всѣхъ Средне-Азіатскихъ ханствъ одна Хива оставалась въ враждебныхъ къ намъ отношеніяхъ. Она храбрилась въ расчетѣ на безнаказанность, обезпеченную ей недоступностью хивинскихъ оазисовъ, окруженныхъ песчаными, безводными пустынями. Заволновались англійскіе дипломаты, ни во что считали вѣжливыя увѣренія князя Горчакова! Потребовалось слово самого Царя, чтобы успокоить вѣчно подозрительныхъ бриттовъ. Переговоры между Петербургомъ и Лондономъ тянулись нескончаемо долго,—до самого 1873 года, т. е. до тѣхъ поръ, когда нами былъ безповоротно рѣшенъ походъ на безпокойную Хиву. Тогда Государь нашелъ возможнымъ уступить настойчивымъ домогательствамъ Сентъ-Джемскаго кабинета: онъ призналъ самостоятельностъ Афганистана, съ подчиненіемъ ему Вахана съ Бадошаномъ, и этимъ купилъ право обезопасить навсегда мирныя наши сношенія съ сосѣдями на восточной окраинѣ, поднявъ оружіе на Хиву.

Весною 1873 года экспедиція была рѣшена. Всѣ приготовленія сдѣланы обдуманно, добросовѣстно, старательно. Главнокомандующимъ были честно приняты

всѣ мѣры, чтобы преодолѣть трудности, облегчить путь по песчаной, безводной степи, по пустынѣ, доступной лишь, и то не всегда, прирожденнымъ кочевникамъ. Орудій, снарядовъ, верблюдовъ, продовольствія, перевозочныхъ средствъ, всего было достаточно заготовлено. И мы двинулись въ пустыню.

Генералъ-адъютантъ Кауфманъ.

Море безъ береговъ, безъ воды, безъ жизни. Море песку, и только песку. Куда ни кинуть взглядомъ, вездѣ песокъ, мѣстами блѣдно-желтый, золотистый, мѣстами то сѣрый, то грязно-красноватый, обратившійся въ желтую пыль. Когда, изрѣдка впрочемъ, налетающій вѣтеръ поднимаетъ тучами эту пыль, тогда сѣрыя грязныя ея облака поднимаются къ небу, застилаютъ самое солнышко, и горе тому, кто очу-

тится въ этой тьмѣ. Одинокому путнику такъ и не выбраться живому! Его задушитъ, похоронитъ и безслѣдно засыплетъ эта песчаная стихія.

Среди этого песчаннаго моря есть и вода. Только она глубоко-преглубоко скрыта, подъ слоями песку, и то очень рѣдко, въ немногихъ мѣстахъ. Вѣдь это песчаное море—дно когда-то плескавшаго здѣсь настоящаго моря. Тысячелѣтіе, можетъ быть, и болѣе существовало это море. Теперь отъ него остались сравнительно только небольшіе клочки: Каспійское озеро-море и Аральское тоже озеро-море, а между ними и залегло ужасное мертвое царство, — пустыня Устъ-Юртъ. Жизнь въ ней, особенно съ апрѣля по октябрь, невозможна. Даже привычные къ зною сосѣдніе кочевники-киргизы и туркмены бѣгутъ ближе къ рѣкѣ Оксусъ—по ихъ названію, нашей Аму-Дарьѣ.

Но какъ же это: апрѣль 1873 года ужъ наступилъ, а по мертвому, песчанному морю, откуда бѣжитъ и звѣрь и человѣкъ, движутся люди?.. Кто они? зачѣмъ сюда попали? Съ виду они нисколько не походятъ на обитателей туранскихъ песковъ. Они одѣты въ бѣлыя рубахи, бѣлыя кепи со спущенными на спину бѣлыми надзатыльниками. Слышно тяжелое громыханіе, дребезжаніе. То везутъ на верблюдахъ артиллерійскіе снаряды. Привычные, созданные для жизни въ пустынѣ, звѣри ревутъ частенько раздирательно-жалобно, падаютъ, изнемогая отъ жары, не въ силахъ болѣе подняться. А люди въ бѣлыхъ кепи и рубахахъ все идутъ, идутъ впередъ. Ихъ, какъ будто, двигаетъ по этимъ раскаленнымъ пескамъ высшая, могучая духовная сила.

— «Это люди—воины акъ-падишаха», удивляясь и теряясь, передаютъ другъ другу жители рѣдкихъ

по пути оазисовъ. Они, дѣйствительно, идутъ, не падаютъ, твердымъ, могучимъ строемъ, чтобы разъ навсегда покончить съ непрерывными набѣгами злыхъ кочевниковъ, хищниковъ - хивинцевъ. Идутъ исполнить святую для нихъ волю Царя, Божьяго Помазанника.

Грозная сила двигалась на Хивинскій оазисъ. Наши силы шли четырьмя отрядами. Отъ Ташкента по берегамъ Аму-Дарьи ихъ велъ самъ начальникъ края, генералъ-адъютантъ Кауфманъ, «ярымъ-падишахъ»—«полу-царь», какъ звали его туркмены и киргизы. Изъ Оренбурга—генералъ Веревкинъ; изъ Красноводска шелъ отрядъ полковника Маркозова, а изъ Петро-Александровска, у залива Кемдерли, отрядъ полковника Ламакина, составляющій авангардъ. Ему приходилось особенно трудно: воды совсѣмъ недоставало. Хотя кое-гдѣ и попадались колодцы, т. е. глубокія, узкія ямы, на днѣ которыхъ оказывалась вода, но какая вода? То желтая, то зеленая, вездѣ теплая, прогорькло-солоноватая на вкусъ. Киргизы, чтобы навредить русскимъ, въ нѣкоторые колодцы бросали трупы козловъ, собакъ, барановъ. Отчаяніе овладѣвало людьми, когда, пройдя десятокъ—полтора верстъ и подойдя къ колодцу, на днѣ его находили только липкую грязь. Шли большею частію вечеромъ, ночью, чтобы, по возможности, воспользоваться прохладой. Дни же стояли на привалѣ. Но эти привалы мало давали отдыха. Приходилось ложиться на раскаленный песокъ. Солнечные лучи жгли обращенную къ нимъ сторону. Люди ворочались ежеминутно съ боку на бокъ. Кое-кто изъ солдатъ вырывалъ себѣ яму вродѣ могилы и ложился въ нее, обсыпая все тѣло влажною землею, а голову укутывалъ шинелью. Кого ужъ слишкомъ

мучила жажда, вырывали землю изъ-подъ накаленнаго песка и сосали ее, чтобы хотя чуточку освѣжиться. И все же двигались дружно, стойко впередъ, хотя о строѣ не было и помина. Офицеры перемѣшались съ солдатами, думая лишь объ одномъ—какъ бы облегчить имъ тяжесть переходовъ.

Въ одной кучкѣ шелъ пѣшкомъ совсѣмъ еще молодой подполковникъ генеральнаго штаба. Онъ былъ красивъ и строенъ. Голубые, лучистые глаза смотрѣли гордо, чуть-чуть презрительно. Шелъ онъ, стараясь сохранить молодцоватый видъ. По крайней мѣрѣ, онъ не гнулся, какъ другіе, несъ высоко голову; его китель, застегнутый на всѣ пуговицы, блестѣлъ на солнцѣ своей безукоризненной бѣлизной; скатанная шинель была перекинута черезъ плечо. Видимо, только страшнымъ усиліемъ воли подавлялъ онъ невыносимыя страданія этого пути. Иногда онъ пріостанавливался, тяжело переводилъ дыханіе и опять, стараясь держаться ровно, шелъ впередъ.

— «О-охъ, смередушка!» вдругъ вырвался хриплый вопль у шедшаго впереди солдата. Бѣдняга пошатнулся и упалъ бы, если бы его заботливо не поддержалъ шедшій сзади него молодой подполковникъ.

— «Что, братъ, тяжело?» участливо спросилъ онъ совсѣмъ обезсилѣвшаго солдата. Въ голосѣ, во взглядѣ офицера было столько ласки и участія, что солдатъ инстинктивно это почувствовалъ и, скорешенько очухавшись, хотя и слабо, но отозвался:

— «Смерть лютая легче, ваше высокоблагородіе, а не токмо-что!»

— «Держись, сердяга, держись! Помни, за Царя идешь... Давай ружье понесу!»

Скобелевъ помогаетъ утомленному солдату.

(Къ стран. 134.)

Это предложеніе было такъ необычно, что солдатикъ и объ изнеможеніи позабылъ.

— «Какъ? Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе», натуживался онъ выговорить коснѣющимъ языкомъ: «не можно такъ, никакъ не можно».

— «Говорю, давай,—значитъ, можно!» чуточку повысилъ голосъ офицеръ и ловко, мягко вырвавъ ружье, перехватилъ его подъ руку дуломъ къ землѣ, какъ охотники, и зашагалъ впередъ, даже не взглянувъ на оторопѣвшаго солдата.

— «Братцы, землячки родные!» забормоталъ тотъ, оглядываясь на товарищей, «смотрите, какое дѣло то, мое ружье его высокоблагородіе несетъ»...

— «Ты чего сталъ!» накинулся на него старикъ унтеръ, «въ киргизскій песокъ не вросъ еще? Такъ смотри, по уши вростешь, коли такимъ столбомъ стоять будешь».

— «Да какъ же, дяденька, дѣло-то какое, ихъ высокоблагородіе».....

— «Что ихъ высокоблагородіе? Ихъ высокоблагородіе нашего брата жалѣютъ. Вонъ давеча своего коня подъ больныхъ отдали... Ты то иди, не отставай, коли ноги ступаютъ». Солдатъ уже опомнился и бѣгомъ пустился догонять офицера.

— «Ваше высокородіе, дозвольте обратно, явите Божескую милость!» взмолился онъ вытягиваясь, какъ бы виноватый. Подполковникъ взглянулъ на него своими лучистыми глазами и, ласково улыбаясь, спросилъ:

— «Что? полегчало?»

— «Такъ точно, ваше высокоблагородіе.»

— «Самурскаго полка?»

— «Такъ точно, ваше высокоблагородіе.»

— «Ну, держись, молодецъ, помни, Государю и родинѣ служишь!»

IV.

Прошло дня два; у колодцевъ Бишъ-акты сошлись всѣ войска колонны, шедшей изъ Петро-Александровска: тамъ было много чистой студеной воды. Отъ радости были забыты всѣ горя тяжелаго перехода, всѣ страданія, всѣ перенесенные невозможные труды. Забыто было, что впереди предстоитъ еще много похожаго! Драгоцѣнной влагой упивались, восхищались, какъ боги Олимпа, пожалуй, не упивались чудодѣйственнымъ нектаромъ! Больные выздоравливали, ослабѣвшіе набирались новыхъ силъ. Даже лошади и верблюды пободрѣли и лучше казались. На бивуакѣ зурна дагестанцевъ не смолкала. Среди русскихъ солдатъ разливалась—то удалая, то заунывная пѣсня. Офицеры разлеглись на кошмахъ, набирались силъ, толковали о мелочахъ походной жизни, о новой перестройкѣ войскъ, произведенной Ламакинымъ, потому что отрядъ порядочно таки ослабѣлъ отъ труднаго перехода, и въ прежнемъ порядкѣ, съ прежней скоростью не могъ двигаться.

— «Засуетился питерскій налетъ», ворчалъ пожилой, сильно растолстѣвшій капитанъ, лежа подъ тѣнью киргизской кибитки, доставленной къ колодцамъ казаками.

— «Это вы, капитанъ, на кого изволите злиться»? живо ввернулъ молоденькій прапорщикъ, весь такъ и дышавшій юнымъ задоромъ, здоровьевъ, русскимъ благодушіемъ. «Про штабнаго подполковника Скобелева?»

— «А то про кого же еще? Тоже начальникъ авангарда»!

— «А чѣмъ же онъ не начальникъ?»

— «Чѣмъ? Вотъ посмотрите. Ужъ онъ у насъ не первый. Сколько ихъ перебывало! Храбрятся, вертятся передъ начальствомъ, на словахъ рвутся впередъ, а какъ до дѣла, такъ и ни съ мѣста—повернуться не умѣютъ. А въ Питерѣ, въ штабѣ, небось, такія реляціи распишутъ, что только на поди—крестики получай, да отличія.»

— «Ну этотъ не такой!» даже вспылилъ юнецъ. «По всему видно, душа человѣкъ и къ солдату милостивъ...»

— «Только дисциплину убиваетъ», не унимался старый кавказскій рубака. А Скобелевъ легокъ на поминѣ; своей легкой, дѣйствительно, питерской походкой подходилъ къ нимъ изъ-за кибитки и привѣтливо улыбался, хотя, пожалуй, по мѣстности, и могъ услышать послѣднюю фразу.

— «Простите, господа,» сказалъ онъ вѣжливо, «я, быть можетъ, помѣшалъ вашему отдыху, но у меня есть къ вамъ маленькое дѣло.»

— «Милости просимъ, чѣмъ могу служить»? сквозь зубы, безъ особаго привѣта проговорилъ ворчунъ-армеецъ.

— «А вотъ чѣмъ», продолжая улыбаться, заговорилъ питерецъ. «Начальникъ отряда предоставилъ мнѣ право выбрать въ передовую колонну нѣсколько офицеровъ по личному моему усмотрѣнію. О васъ я, штабсъ-капитанъ Агапѣевъ, слышалъ столько хорошаго, что, признаюсь, мною овладѣло страстное желаніе, чтобы и вы были со мною въ авангардѣ. Ваша опытность, ваше знаніе края должны сослужить вели-

кую службу нашему общему дѣлу. Вотъ я и пришелъ просить васъ сдѣлать мнѣ честь вступить въ составъ авангардной колоны.»

— «Очень польщенъ, подполковникъ,» пробормоталъ толстякъ.

— «Значитъ, дѣло улажено? Вы со мной? Радъ, очень радъ!.. Сейчасъ же сообщу начальнику отряда... Руку, товарищъ!» И, не дожидаясь отвѣта, Скобелевъ быстро подалъ ему руку, повернулся и зашагалъ прочь. Не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ его кто-то окликнулъ. Онъ остановился, оглянулся. къ нему почти подбѣжалъ молоденькій офицеръ.

— «Это вы звали меня?» просто спросилъ Михаилъ Дмитріевичъ *).

— «Простите, подполковникъ, это я! Имѣю честь представиться: прапорщикъ Волпянскій».

— «Радъ, очень радъ, чѣмъ могу быть полезенъ?» былъ привѣтливый вопросъ. Юноша замѣтно волновался.

— «Простите», нѣсколько дрожащимъ голосомъ говорилъ юноша,—«я слышалъ, что вы говорили штабсъ-капитану Агапѣеву... Я былъ тамъ у кибитки... Возьмите, подполковникъ, и меня съ собою... Право, я постараюсь оправдать ваше вниманіе»...

Добрая, ласковая усмѣшка скользнула по губамъ Скобелева.

— «А вы?.. вы не боитесь, что придется, быть можетъ, осрамиться съ питерскимъ налетомъ?» спросилъ онъ. Волпянскій такъ и покраснѣлъ.

— «Подполковникъ! За что вы?.. да я васъ...» онъ чуть было не выпалилъ «люблю», да вспомнилъ, что это слово, кажись, не подходитъ ни къ лагерной обстановкѣ, ни къ пустынѣ, гдѣ они находились.

*) Имя Скобелева.

— «Хорошо, хорошо!» поспѣшилъ поддержать его Скобелевъ, любуясь смущеніемъ юнаго вояки,— «постараюсь исполнить ваше желаніе. Только и вы, смотрите, послѣ не каяться!»

— «Что вы! Радъ стараться!» по солдатски выкрикнулъ прапорщикъ, и глаза его загорѣлись радостнымъ блескомъ.

— «Такъ будемъ товарищами!» протянулъ ему руку молодой начальникъ,—«а теперь до свиданья, мой юный другъ, я долженъ спѣшить къ начальнику».

Въ эту минуту передъ нимъ вытянулся, отдавая честь, пребравый солдатикъ. Лицо такъ и сіяло, глаза восторженно глядѣли на офицера; тотъ живо припомнилъ, что онъ его уже видалъ.

— «Самурскаго полка? Макаровъ?» былъ быстрый вопросъ.

— «Точно такъ, ваше высокоблагородіе», гаркнулъ отвѣтъ.

— «Молодецъ, совсѣмъ молодецъ!»

— «Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!»

— «Старайся, старайся, на то служба царская! Ну, прощай, Макаровъ».

— «Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе». Солдатикъ, точно такъ же, какъ и Волпянскій, долго, долго смотрѣлъ восторженными глазами вслѣдъ удалявшемуся нарядному петербуржцу.

— «Ихъ высокоблагородіе, подполковникъ Скобелевъ, изволилъ меня признать, и имя вспомнилъ, и разговаривалъ со мной», разсказывалъ радостно Макаровъ всѣмъ и каждому.

— «Онъ всегда съ нашимъ братомъ такъ. Онъ прочимъ не въ примѣръ. Онъ солдата любитъ. Какъ

заговоритъ, такъ обо всемъ разспроситъ—и о деревнѣ, и о семьѣ», слышались ему отвѣты храбрецовъ.

— «Хорошій офицеръ! Одно слово, солдату отецъ родной».

Утромъ 21 апрѣля рокотъ барабановъ разбудилъ сладко спавшаго Волпянскаго. Какъ молнія, озарила его мысль: «Походъ трубятъ, со Скобелевымъ въ походъ», и онъ вмигъ вскочилъ, одѣлся и летѣлъ къ своему мѣсту. Было половина пятаго, выступить должны были въ шесть, а весь отрядъ былъ уже готовъ къ походу: стрѣлковая рота Апшеронскаго полка и одна линейная Самурскаго стояли подъ ружьемъ. На флангѣ расположились три десятка казаковъ Кизляро-Гребенскаго полка. Вотъ и вся сила авангарда. Солдаты глядѣли бодро, весело. Ихъ рубахи были чисты, выстираны, чехлы на кепкахъ и надзатыльники такъ и бѣлѣли среди полумглы разсвѣта. Ружья были вычищены, штыки отточены. Все глядѣло весело, почти нарядно. Самого Агапѣева даже нельзя было узнать. Капитанъ подтянулся, пріодѣлся и, обыкновенно, неряшливый, смотрѣлъ теперь молодецъ-молодцомъ.

— «Ужъ если ихъ высокоблагородіе да такъ разфрантился», — говорили солдатики, кивая въ его сторону, — «совсѣмъ, знать, чудодѣй нашъ новый командиръ»!

— «Отродясь ихъ высокоблагородіе такимъ не видывали, словно на свадьбу собрались!»

А все вышло оттого, что наканунѣ Михаилъ Дмитріевичъ, собравъ къ себѣ назначенныхъ подъ его команду офицеровъ, просилъ ихъ внушить солдатамъ, что «въ походъ русскому воину, какъ на пиръ, идти слѣдуетъ», что растеряхи вездѣ и всюду были пло-

хими солдатами, и онъ будетъ строго взыскивать съ нихъ во все время своего командованія, хотя бы они и не были виноваты, ибо «надъ ними всегда есть начальство, которое должно за порядкомъ наблюдать и примѣръ показывать».

Намекъ былъ понятъ и къ выходу со стоянки офицеры явились принаряженные, какъ на парадъ.

Скоболевъ вышелъ къ отряду самъ одѣтый съ иголочки, причесаный и даже надушеный. Весело смотрѣло его молодое, красивое лицо, но глаза глядѣли гордо, властно! Каждый невольно почувствовалъ нравственную и физическую силу этого человѣка, хотя и впервые самостоятельно командовавшаго частью. Колонна была сборная, но оказалось, что командиръ знаетъ многихъ изъ солдатъ даже по фамиліямъ. Обходя ряды, онъ останавливался передъ нѣкоторыми знакомцами, говорилъ нѣсколько словъ, выслушивалъ отвѣты. Всѣ удивлялись, какъ осмысленно, толково отвѣчали рядовые. Нѣкоторые осмѣливались даже распространяться на словахъ, и командиръ выслушивалъ ихъ, не перебивая. Чувствовалось въ нихъ желаніе говорить, какъ можно, лучше, понятнѣе выразить свою мысль, и чувствовали великое удовольствіе, что старшой начальникъ ихъ говоритъ съ ними, слушаетъ ихъ.

Обойдя ряды, Скобелевъ пошелъ къ верблюдамъ. И здѣсь оказалось все въ такомъ порядкѣ, какого не бывало даже при началѣ похода. Убѣдившись лично, что колонна находится въ полномъ порядкѣ, Михаилъ Дмитріевичъ послалъ доложить объ этомъ начальнику отряда, самъ же выйдя передъ фронтомъ сказалъ солдатамъ:

— «Ребята, Государь посылаетъ насъ въ Хиву.

Тамъ томятся захваченные въ плѣнъ наши земляки. Идти намъ придется по безводной степи, гдѣ изрѣдка только попадаются колодцы съ водою. Но вы русскіе, и сумѣете превозмочь всѣ труды. Я вѣрю, что мы молодцами пойдемъ, куда насъ посылаютъ. Если встрѣтятся враги, мы разобьемъ, уничтожимъ ихъ по-русски. Но помни каждый, у меня отсталыхъ быть не должно, колоннѣ не разстраиваться, идти дружно, пока хватаетъ силъ. Господа офицеры отвѣчаютъ передо мной за строй. А теперь каждый помолись про себя». И юный командиръ снялъ фуражку, склонилъ свою голову, истово, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Солдаты порывисто слѣдовали его примѣру. Скобелевъ сѣлъ на коня. Раздалась команда: «Смирно! Накройся!» Орлинымъ глазомъ командующій властно окинулъ ряды, громко произнесъ: «Съ Богомъ!» и повернулъ коня.

Послышались отдѣльныя команды, затрещали барабаны. Сохраняя ряды, стройно, не торопясь, двинулась колонна за своимъ нарядным предводителемъ.

— «Ухъ! какъ блеститъ и трещитъ, что-то скажетъ въ степи», ворчали скептики себѣ въ бороду. Какъ бы въ отвѣтъ, изъ удалявшихся рядовъ понеслась залихватская пѣсня:

Гремитъ слава трубой,
Мы дрались, Тюркменъ, съ тобой,
По пескамъ твоимъ сыпучимъ
Разлилось кругомъ «ура!»

А дѣйствительно, до края неба не было ничего видно, кромѣ песку. Море безъ береговъ, безъ воды, безъ жизни!... Море песку и только одного песку. Куда ни кинуть взглядомъ, ничего, кромѣ песку, не видно. Тишь, ничѣмъ не возмутимая, невообразимая.

Мертвое мѣсто! По немъ птица не пролетаетъ, звѣрь не пробѣгаетъ. Это пустыня Усть-Юртъ.

Вѣсть о наступленіи «бѣлыхъ рубахъ», какъ звали русскихъ жители пустыни, молніей неслась среди кочевниковъ. Съ ужасомъ узнали дикари, что вся степь, ихъ естественная защита, почти уже пройдена смѣльчаками, опасность уже тутъ, у нихъ—передъ дверями! Надо оберегаться, спасать себя отъ наступающей бѣды! Надо уничтожить колодцы, тѣ рѣдкіе грязные, полусоленыя водохранилища, которыя даютъ хотя преслабую, но все же поддержку чудо-богатырямъ одолѣть неодолимую пустыню. Съ неменьшимъ ужасомъ провѣдали объ этомъ намѣреніи въ нашемъ отрядѣ. Ламакинъ свѣта не взвидѣлъ. «Безъ воды? Да безъ нея и назадъ нельзя вернуться! Отрядъ погибнетъ на мѣстѣ, мучительно, безслѣдно, безславно!» И онъ послалъ за Скоболевымъ. Его уже отмѣтила солдатская молва, разглядѣлъ опытный глазъ стараго командира. Его, наряднаго, юнаго петербуржца предпочелъ генералъ всѣмъ остальнымъ для исполненія труднаго предпріятія. Онъ съ мѣста велъ авангардъ да такъ, какъ этого еще никто не дѣлалъ.

— «Этотъ молодецъ спасетъ насъ», сказалъ Ламакинъ громко своей свитѣ, одобрительнымъ молчаніемъ подтвердившей вѣрный выборъ.

Михаилъ Дмитріевичъ охотно принялъ порученіе, просилъ только одного,—«права дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами».

Небольшой отрядъ двинулся впередъ 1 мая. Солнце пекло невыносимо, но Скобелевцы держались стойко. Истомленные люди шутками-прибаутками поддерживали другъ-друга. На всѣхъ дѣйствовалъ ободряюще примѣръ начальника. Будто не изъ плоти и крови

былъ этотъ человѣкъ. Джигиты—киргизы, бывшіе съ нимъ въ качествѣ проводниковъ, и тѣ утомлялись, а Михаилъ Дмитріевичъ держался такъ, какъ будто, и не было этихъ отвѣсно падавшихъ съ неба лучей, ни этой безбрежной пустыни, въ которой каждая песчинка была раскалена. Съ небольшими остановками онъ прошелъ до первыхъ колодцевъ. О счастье! они были цѣлы. Мы опередили хищниковъ. Но время нельзя было терять. Прямо, послѣ утомительнаго перехода, приходилось рыть траншеи кругомъ колодцевъ. Казаки и киргизы, едва утоливъ жажду, взялись за работу. Быстро спорилось дѣло въ усердныхъ, умѣлыхъ рукахъ, и, когда подошла остальная колонна, для стрѣлковъ уже было видвинуто надежное прикрытіе, превосходный опорный пунктъ. Слава Богу! Но вѣдь впереди вставала новая трудность. Надо было узнать, съ какой стороны безопаснѣе обойти солончакъ Барса-Кильмасъ. Опять Скобелевъ взялся сдѣлать рекогносцировку. До Мендали онъ дошелъ покойно, но не успѣлъ отойти и нѣсколькихъ верстъ къ Итыбаю, какъ впереди показался идущій навстрѣчу караванъ верблюдовъ въ тридцать. Это были первые люди, встрѣченные нами въ пустынѣ.

Вожаки насъ тоже увидѣли, бросились на колѣни, моля о пощадѣ, простирая къ намъ руки. Да ихъ никто и трогать не собирался. Черезъ толмачей узнали отъ нихъ, что у прохода Итыбай стоитъ большой караванъ, что при немъ были и пѣшая и конная стража. Этого было достаточно, чтобы нашъ храбрецъ всего съ семью казаками и двумя офицерами вихремъ помчался къ Итыбаю. Его встрѣтили выстрѣлами, а одинъ изъ конныхъ проводниковъ, нахлестывая лошадь, помчался назадъ, въ пески. Скобелевъ, бро-

Караванъ верблюдовъ въ пустынѣ.

(Къ стран. 144.)

Скобелевъ рубится весь покрытый кровью.

(Къ стран. 145.)

сивъ караванъ, погнался за нимъ и скоро наткулся на другой караванъ. Киргизы покорно уступили нашему требованію и собрались всѣ вокругъ колодцевъ. Но тамъ, когда соединились въ кучу съ своими начальниками и увидѣли, что ихъ больше, чѣмъ русскихъ, вытащили спрятанныя винтовки и начали стрѣлять. Положеніе наше оказалось критическимъ. Нашихъ былъ десятокъ противъ двухъ сотенъ людей сильныхъ, сознающихъ свое превосходство. Намъ некуда было и скрыться. Да и медлить некогда. Одинъ казакъ былъ уже раненъ. Волей-неволей надо отбиваться, дорого отдавать свою жизнь.

— «Ребята, въ шашки ихъ!» крикнулъ Скобелевъ и ринулся въ толпу. Съ нимъ рядомъ рубился штабсъ-капитанъ Кедринъ. Нѣсколько минутъ на солнцѣ блистала сталь окровавленныхъ шашекъ. Враги ложились, какъ снопы. Слышалось гиканье казаковъ и хриплые крики киргизовъ. Но превосходство силъ было на сторонѣ врага. Кедринъ лежалъ раненый пикой въ бокъ. Скобелевъ рубился, весь покрытый кровью, но онъ не чувствовалъ ранъ, изъ которыхъ она сочилась. Подъ нимъ была убита лошадь, онъ пѣшій продолжалъ рубиться. Гибель всѣхъ казалась неизбѣжна. Радостные крики дикарей заглушали уже шумъ боя. И вдругъ, точно Божій гласъ съ безоблачнаго неба, раздалось все покрывшее мощное, побѣдоносное, родное «ура»! Это маіоръ Аварскій, узнавъ, что приключилось у Итыбая, бросился на выручку своихъ. Киргизы, въ самомъ разгарѣ боя, услышавъ побѣдный вражій крикъ, побросали оружіе и опрометью бросились на-утекъ на самыхъ скороходныхъ своихъ верблюдахъ.

Слабымъ голосомъ, едва держась на ногахъ,

Скобелевъ приказалъ раздать казакамъ игольчатыя ружья пѣхотинцевъ и преслѣдовать бѣгущихъ. Аварскій самъ повелъ погоню, пока это было возможно по солончакамъ. Дикари бросились въ разсыпную и многіе легли, убѣгая отъ мѣткихъ выстрѣловъ русскихъ удальцовъ. Наша добыча была огромна. Но мы едва не заплатили за нее неоцѣнимой потерей. Скобелевъ, получивъ семь ранъ пиками и шашками, истекалъ кровью; его пришлось бережно уложить въ арбу, рядомъ съ безчувственнымъ Кедринымъ. Его колонна осталась у Итыбая отдыхать и ждать остальныя части отряда.

V.

Труднѣйшая половина похода была совершена,— теперь оставалось идти на Хиву, довершить славный походъ, единственный въ военной исторіи по своимъ трудностямъ и геройскому выполненію. А тотъ, кто былъ всегда во главѣ этого отряда, кто первымъ открывалъ путь по пустынѣ, кто, ради того, чтобы поддержать достоинство Россіи, кинулся чуть не одинъ на огромную толпу дикарей—Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, весь израненный, измученный лихорадкой, лежалъ въ арбѣ, которую верблюды тихо тащили вслѣдъ за отрядомъ. Около него, легче раненный, штабсъ-капитанъ Кедринъ начиналъ поправляться.

— «Дивлюсь я вамъ, подполковникъ», говорилъ онъ, сострадательно глядя на больного, «и чего это вы сюда пошли? Неужели эти ужасные пески нравятся вамъ больше Петербурга?»

— «Видите ли, капитанъ», тихо, медленно заговорилъ питерецъ. «Самъ я много думалъ надъ этимъ вопросомъ и пришелъ къ заключенію, что каждый

русскій, православный долженъ стремиться исполнять свой долгъ передъ отечествомъ»...

— «Ну и исполняйте его, конечно, исполняйте, только съ возможными вамъ удобствами!» чуть не выкрикнулъ армеецъ.

— «Такихъ-то исполнителей много!.. Нѣтъ, вы не то говорите. Дѣйствительно, я могъ бы легко безъ труда дойти до всего, чего бы только ни пожелалъ. А вотъ именно этого-то я и не хочу: «безъ труда!» Напротивъ, хочу потрудиться, поучиться, на опытѣ понять военное дѣло, съ тѣмъ, чтобы опытомъ добытыя познанія примѣнить впослѣдствіи къ службѣ на пользу родинѣ; вотъ зачѣмъ шелъ я сюда. Военная карьера влекла меня къ себѣ, я хочу имѣть о ней практическое представленіе».

— «Какая же война съ халатниками!»

— «А чѣмъ же не война? Охъ, какъ многому учитъ меня этотъ походъ по пескамъ пустыни!»

— «Надо сознаться, что вы держите себя молодцомъ!» не удержался Кедринъ, чтобы не высказать громко то, что тогда уже всѣ начинали признавать. «Среди пустыни, и вдругъ вымытый, расфранченый, точно на балу, даже надушеный воинъ! Да этого, пожалуй, отъ сотворенія міра не бывало».

— «Что жъ тутъ дурного?»

— «Да ничего, только ужъ очень удивительно!»

— «Рѣшительно нечему удивляться. У меня сложилось убѣжденіе, что начальникъ долженъ дѣйствовать на подчиненныхъ примѣромъ. Онъ для нихъ является образцомъ, которому они должны подражать, — ихъ идеаломъ, если хотите. Строгость, угрозы, страхъ не всегда дѣйствительны, скорѣе безполезны. Нельзя, напримѣръ, намъ въ походѣ по пустынѣ

требовать отъ человѣка того, что выше его силъ. Требовать немыслимо, но заставить выполнить даже непосильное—возможно. Стоитъ только не предъявлять требованій, а показывать на собственномъ примѣрѣ, что невозможное—возможно. Тогда исполнятъ. Гордость что ли тутъ заговоритъ, или какое иное чувство—не знаю, думаю, что гордость. Не скрою, мнѣ было очень тяжело въ пустынѣ, но я заставлялъ волю бороть тѣло. Тяжело-то было только тѣлу. Вотъ духъ и поборолъ его! И тѣ, которые смотрѣли на меня, слѣдили за мною, увидѣли, поняли, что стоитъ лишь взять себя, какъ слѣдуетъ, въ руки,—и тяготы облегчатся».

— «Эге, да вы, подполковникъ, никакъ въ Суворовы мѣтите?» съ сдержанной усмѣшкой замѣтилъ Кедринъ.

— «Въ Суворовы? ни въ какомъ случаѣ: я Скобелевъ! Но, конечно, не менѣе его понимаю долгъ солдата передъ Царемъ и родиной, да и Бога не забываю,» перекрестясь, проговорилъ больной и, повернувшись, закрылъ глаза.

Съ большимъ трудомъ, но все же легче, чѣмъ по безводной пустынѣ, двигались наши отряды. Городъ Худжейли взяли безъ боя; но въ аулахъ часто приходилось напрягать силы: туркмены отчаянно защищали свои пепелища. Скобелевъ, оправившійся отъ ранъ, рыскалъ съ отрядомъ и разорялъ ихъ безпощадно. Вѣсть о его набѣгахъ неслась съ быстротою молніи. Въ лагерь являлись съ изъявленіемъ покорности жители Янчи-Яба, Гурленъ, Китай и Кята.

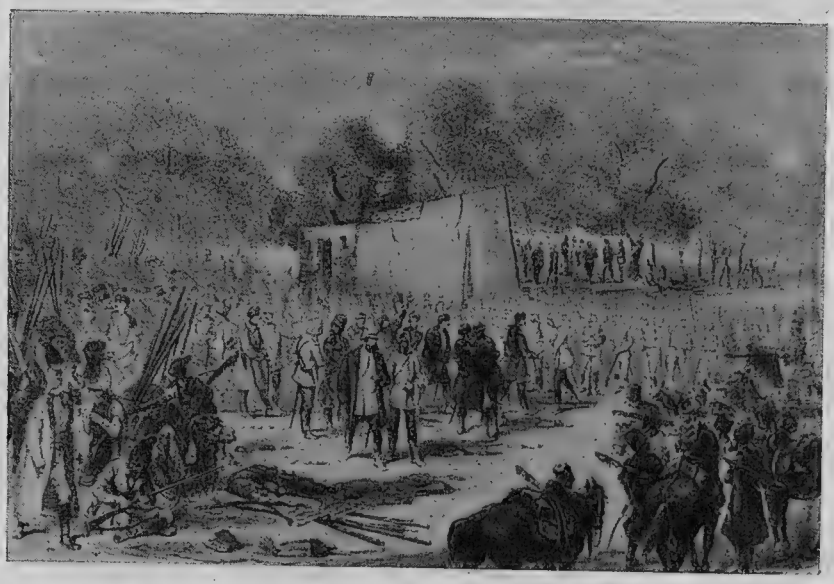
Но хивинскіе хищники упорно наскакивали на отряды; даже изъ пушекъ насъ обстрѣливали. Пробовали и разными хитростями останавливать нашу ко-

лонну. Ничто, однако, не брало храбрецовъ и ихъ командировъ.

Для Хивы пробилъ послѣдній часъ. Родимые пески не защитили ее отъ нашествія русскихъ, не укрыли отъ налета бѣлыхъ рубахъ, не засыпали наши стройные ряды своими раскаленными волнами. Съ сѣвера подошелъ Оренбургско - Мангишлакскій отрядъ Веревкина, съ юга надвинулся самъ «ярымъ - падишахъ» (полуцарь), какъ прозвали азіаты генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана. Великолѣпные, воздѣланные руками невольниковъ - европейцевъ, сады окружали со всѣхъ сторонъ Хиву, красавицу востока. Ея глиняные домики, окруженные толстою каменною стѣной, точно тонутъ за этимъ роскошнымъ, блестящимъ, широкимъ, зеленымъ кольцомъ. Отрядъ генерала Веревкина подошелъ къ сѣвернымъ Шахъ-Ыбатскимъ воротамъ и расположился въ ханскомъ саду Чинакчинъ, а самъ генералъ со штабомъ размѣстился во дворцѣ. Скобелевъ, исполняя приказъ начальника, почти безъ передышки, бросился съ своими удальцами дѣлать рекогносцировку мѣстности. Каждый кустъ, каждая стѣнка, каждый домикъ были смертоносной засадой, но все же онъ доказалъ, что съ нимъ для его удалой команды не существуетъ никакихъ преградъ. Его рекогносцировка обратилась положительно въ настоящій бой подъ Хивою и въ настоящую нашу побѣду надъ хивинцами.

Не рѣшался генералъ Веревкинъ на правильный штурмъ потому, что ему казалось, будто Кауфманъ былъ еще далеко, иначе хивинцы не смѣли бы такъ назойливо его тревожить. И хотя 28 мая онъ повелъ на приступъ штурмовыя колонны, но ограничился только сильнымъ ружейнымъ огнемъ, въ отвѣтъ на

пушечную пальбу осажденныхъ. Его самого тяжело ранила хивинская пуля, пришлось передать команду старшему полковнику Саранчеву. Къ счастью, подошелъ Кауфманъ. Хивинцы провѣдали объ этомъ, и послы хана Сеидъ-Мухамедъ-Рахмана пришли къ русскому генералу съ изъявленіемъ покорности, готовности отдать Хиву и все ханство на милосердіе Русскаго Царя—29 мая 1873 года. Въ Петербургъ понеслась депеша.



Соединеніе Туркестанскаго, Оренбургскаго и Кавказскаго отрядовъ подъ Хивою.

«Войска Оренбургскаго, Кавказскаго и Туркестанскаго отрядовъ, мужественно и честно одолѣвъ неимовѣрныя трудности, поставляемыя природою на тысячеверстныхъ пространствахъ, которыя каждому изъ нихъ пришлось совершить, храбро и молодецки отразили всѣ попытки непріятеля заградить имъ путь къ цѣли движенія—городу Хивѣ, и, разбивъ на всѣхъ пунк-

тахъ туркменскія и хивинскія скопища, торжественно войдя, заняли, 29 сего мая, павшую предъ ними, столицу ханства. 30 мая, въ годовщину рожденія Императора Петра Великаго, въ войскахъ отслужено молебствіе за здравіе Государя Императора и панихида за упокой Петра I и сподвижниковъ, убіенныхъ въ войнѣ съ Хивою. Ханъ Хивинскій не выждалъ отвѣта отъ генералъ-адъютанта фонъ Кауфмана на сдѣланное ханомъ предложеніе полной покорности и сдачи себя и ханства и, увлеченный воинственною партіею, бѣжалъ изъ города и скрывается нынѣ среди іомудовъ, неизвѣстно—въ какой именно мѣстности. Войска всѣхъ трехъ отрядовъ бодры, веселы и здоровы.»

Въ отвѣтъ послѣдовалъ милостивѣйшій Царскій рескриптъ, въ которомъ Самодержавный Вождь земли русской воздалъ заслуженную хвалу своимъ роднымъ храбрецамъ, которые, подъ предводительствомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, «преодолѣвъ, со свойственною имъ твердостью, всѣ препятствія природы, достигли блестящимъ образомъ предположенной нами цѣли».

Наконецъ-то былъ утѣшенъ нашъ милостивый, благостный Государь! Онъ лучше другихъ оцѣнивалъ необходимость похода для блага, спокойствія, процвѣтанія его Россіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ невыразимо страдалъ, слѣдя за трудностями, опасностями, которыя переносили его полки. Онъ точно переживалъ съ каждымъ солдатомъ всѣ тяжести, страданія перехода по пустынѣ. Бывало, чернѣе тучи хмурилось его чело, когда весною 1873 года онъ обходилъ по утрамъ озера Царскосельскаго парка, совершая съ младшими сыновьями—великими князьями Сергіемъ и Павломъ Александровичами—свою раннюю ежедневную прогулку.

Первое требованіе нашего главнокомандующаго подъ Хивою именемъ нашего Царя Освободителя было—уничтоженіе невольничества. Государь пожелалъ освободить рабовъ, вѣками страдавшихъ въ тяжелой неволѣ, подъ гнетомъ дикихъ кровожадныхъ кочевниковъ. Послушный его благой волѣ, ханъ издалъ слѣдующій актъ: «Я, Сеидъ-Мухамедъ-Рахманъ-Богударъ-ханъ, во имя глубокаго уваженія къ Русскому Императору, повелѣваю всѣмъ моимъ подданнымъ предоставить немедленно всѣмъ рабамъ моего ханства полную свободу. Отнынѣ рабство въ моемъ ханствѣ уничтожено на вѣчныя времена. Пусть это человѣколюбивое дѣло послужитъ залогомъ вѣчной дружбы и уваженія всего славнаго моего народа къ великому народу русскому.»

И не найти во всемірной исторіи другого примѣра! Первый актъ и первое условіе, поставленное побѣжденному счастливымъ побѣдителемъ, составляли не вопросы о будущихъ подвластныхъ отношеніяхъ, не исчисленіе и закрѣпленіе отвоеванныхъ правъ и преимуществъ, а забота объ угнетенныхъ, страдальцахъ, изнывавшихъ въ тяжелой неволѣ. Исполнивъ благую волю своего Самодержца, фонъ-Кауфманъ приступилъ 12 августа 1873 года къ окончательнымъ мирнымъ договорамъ съ азіатскими владѣтелями. При ихъ подписаніи, былъ включенъ такой параграфъ: «Въ угоду Императору Всероссійскому и для вящшей славы Его Императорскаго Величества, Эмиръ Сеидъ-Музаафаръ постановилъ: отнынѣ въ предѣлахъ Бухарскихъ прекращается на вѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ человѣколюбія».

Только Европа осталась глуха къ христіанской политикѣ нашего Государя! Не понятны ей были ни

безрасчетный языкъ, ни великодушіе сосѣда-великана!»

Несмотря на всю осмотрительность и добросовѣстность нашего договора съ азіатскими владѣтелями, завистливые умы Англіи забили опять тревогу. Пришлось снова отписываться, увѣрять въ нашей безкорыстности и объяснять, что только безопасность границъ вынуждала насъ на усмиреніе дикарей: «Оба кабинета, поддерживая взаимно состоявшееся между ними соглашеніе», говорилось въ послѣдней нотѣ князя Горчакова,—«на счетъ границъ Афганистана, остающагося внѣ сферы дѣйствій Россіи, считаютъ поконченными переговоры о среднемъ поясѣ, признанные мало практичными, и, вполнѣ сохраняя свободу своихъ дѣйствій, будутъ, по обоюдному желанію, принимать въ справедливое вниманіе ихъ взаимные интересы и нужды, избѣгая, по мѣрѣ возможности, непосредственнаго сосѣдства между собою, равно и столкновеній между азіатскими государствами, находящимися въ сферѣ ихъ вліянія».

Эта свобода дѣйствій была очень мудро выговорена нашими дипломатами. Кауфману пришлось очень скоро ею воспользоваться. Серьезные безпорядки вспыхнули въ 1875 году въ Кокандскомъ ханствѣ. Низложенный своимъ сыномъ, ханъ Худояръ искалъ у насъ убѣжища. Дервиши и дуваны подстраивали народное движеніе, поголовное возстаніе. Вооруженныя шайки ворвались въ наши владѣнія. Фонъ-Кауфманъ самъ пошелъ противъ нихъ, разбилъ, разсѣялъ и побѣдоносно дошелъ до самой столицы Коканда. Новый ханъ покорно выѣхалъ ему навстрѣчу и 29 августа торжественно ввелъ главнокомандующаго и его побѣдоносные полки въ свою столицу. 25 сентября былъ

подписанъ мирный договоръ, по которому мы получили всѣ Кокандскія земли, лежащія на правомъ берегу Сыръ-Дарьи. Этимъ остались недовольны жители восточной части Коканда. Они опять возстали, опять выгнали и этого хана. Онъ бѣжалъ, какъ и его предшественникъ. Чтобы положить конецъ безпорядкамъ, добиться мира и покойнаго развитія края, главнокомандующій поручилъ дѣло усмиренія лично ему извѣстному, отличенному и по заслугамъ награжденному, молодому генералу Скобелеву.

Боготворимый солдатами, уже опытный, геніальный полководецъ, съ горстью храбрецовъ, прошелъ онъ побѣдоносно изъ конца въ конецъ все ханство. Разбилъ бунтарей въ цѣломъ рядѣ сраженій, разсѣялъ скопища, принудилъ выдать ему главныхъ вожаковъ движенія и водворилъ русскую власть на всемъ пространствѣ Кокандскаго ханства.

5 февраля 1876 года состоялось Высочайшее повелѣніе о присоединеніи Коканда къ владѣніямъ Императора Всероссійскаго Александра II, подъ названіемъ Ферганской области; ея первымъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ генералъ Скобелевъ, и на его груди красовался, самый дорогой для нашихъ воиновъ, бѣлый Георгіевскій крестъ 2-ой степени.

Такъ, благодаря храбрости, талантамъ и горячей, честной преданности Царю и Родинѣ трехъ великихъ нашихъ соотечественниковъ,—Черняева, Кауфмана и Скобелева, совершилось покореніе русской державѣ обширнаго пространства, отъ Каспійскаго моря до Восточнаго Китая, отъ южныхъ границъ Сибири до Афганистана и Индіи, пространства, нѣкогда привлекавшаго къ себѣ царственную мысль Петра Великаго. Блестящіе успѣхи русскаго оружія въ Азіи сопрово-

ждались цѣлымъ рядомъ ученыхъ изслѣдованій, до тѣхъ поръ невѣданныхъ, недоступныхъ дикихъ странъ. Успѣхи эти вызвали въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ нашихъ насажденіе просвѣщенія и гражданственности, развитіе промышленности и торговли. Словомъ,

Генералъ М. Д. Скобелевъ.

мы включили эти степныя, полудикія владѣнія въ предѣлы великой державы, управляемой подъ скипетромъ мудраго Самодержавнаго Царя, который освободилъ и своихъ подданныхъ въ Европейской Россіи отъ крѣпостного права, и въ Средне-Азіатскихъ вла-

дѣніяхъ избавилъ отъ рабства невольниковъ въ дикихъ кочевьяхъ.

Тамъ, гдѣ еще недавно, съ сверхъестественной стойкостью перенося нечеловѣческіе труды, прокладывали себѣ дорогу чудо-богатыри, воины-орлы Бѣлаго Царя,—теперь, черезъ четверть вѣка съ небольшимъ, мчатся длинной вереницей многовагонные поѣзда, скользя по желѣзнымъ рельсамъ, проложеннымъ по песчаному, безбрежному, безводному морю пустыни, и способствуютъ распространенію матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія среди полудикихъ азіатскихъ племенъ.

ПОСОБІЯ:

С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе, Т. I.

Леерь, заслуженный профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Энциклопедія Военныхъ и Морскихъ наукъ. Томы VII и VIII.

А. Ивановъ. «Новое Время», № 8080, 26 августа 1898 года. Домикъ М. Г. Черняева въ Ташкентѣ.

Сергѣй Шараповъ. М. Г. Черняевъ.

Ю. Д. Южаковъ. Взятіе Ташкента.

«Московская Иллюстрированная Газета», № 68, 15 іюня 1890 года (безъ подписи автора). 25-лѣтній юбилей покоренія Ташкента.

А. Михайлова. Воспоминанія и разсказы очевидцевъ. М. Г Черняевъ.

Русскій Красный Крестъ.

1866—1878 гг.

МОРОЗЪ трещалъ во-всю надъ царственнымъ Петербургомъ въ декабрѣ 1866 года. Ежится, жмется бѣдный людъ, накаливая свои печи по силѣ возможности. Трещатъ березовыя дрова въ красивыхъ каминахъ и изразцовыхъ печахъ-великанахъ богачей, а на улицахъ, по перекресткамъ, сложены ярко пылающіе костры.

— «Какъ вспомнишь, что было на этомъ самомъ мѣстѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ»! говорилъ Андрей Павловичъ Нарановичъ, сидя съ своимъ отцомъ, лейбъ-хирургомъ, въ удобной, но неособенно казистой каретѣ, покойной рысцой подкатывая къ комендантскому подъѣзду Зимняго Дворца.

— «И тогда костры вездѣ горѣли, еще больше»,— отвѣчалъ старикъ,—«но какой воинственной угрозой дышалъ воздухъ, чудилась необоримая сила, даже въ яркой массѣ горѣвшихъ дровъ»!

— «Думается мнѣ, что наша теперешняя мирная сила все же сильнѣе», задумчиво протянулъ младшій.

— «Она желательнѣе каждому вѣрующему, конечно, но жизнь, пока, даетъ другіе отвѣты. Пруссія

пересилила именно своею, ничѣмъ непобѣдимою, воинственностью».

— «Только даровитостью руководителей, повѣрьте мнѣ».

— «Даровитость-то развивается на почвѣ боевой подготовки».

— «Бисмаркъ не полководецъ же».

— «Но рѣшительный боецъ, съ тяжелой рукой, твердой волей, горячимъ, кипучимъ патріотизмомъ! Онъ, чуть не насильно, увлекаетъ всѣхъ выполнять свои смертоносные планы, подкупаетъ, удивляетъ сосѣдей, которые посильнѣе, пугаетъ до оторопи тѣхъ, кто послабѣе».

Экипажъ остановился, собесѣдники, сбросивъ шубы, стали подниматься по широкой, отлогой лѣстницѣ, устланной краснымъ бархатнымъ ковромъ, въ верхній этажъ, гдѣ очень уютно были расположены комнаты любимой фрейлины покойной Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Ярко горѣли карсели по стѣнамъ, на столахъ свѣтъ лампъ былъ заслоненъ темными абажурами.

Привѣтливая хозяйка, баронесса Марія Петровна Фредериксъ, съ доброй улыбкой встрѣтила входящихъ. Изъ угла послышался ворчливый голосъ лейбъ-медика Кареля: «Ужъ мы тутъ заждались васъ: Марѳа Степановна сердиться начинала».

— «Это съ больной то головы да на здоровую», весело отпарировала некрасивая, но очень умная, добродушная Марѳа Степановна Сабинина,—«я волновалась, что плохо разбираю вашъ почеркъ», заговорила она, протянувъ младшему Нарановичу его же записку объ обязанностяхъ общества относительно воиновъ, сражавшихся во имя общественныхъ идей.

Въ ихъ разговоръ вслушивались, кромѣ Кареля, главный военный врачъ Христіанъ Богдановичъ Риттеръ и княгиня Александра Васильевна Голицына. Всѣ они собрались, чтобы осуществить мысль, зародившуюся у нихъ еще раньше: ознаменовать добрымъ дѣломъ счастливое событіе въ нашей Царской семьѣ: свадьбу Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича съ датской принцессой Дагмарой *). Къ радостному дню не успѣли осуществить этотъ планъ; но святая мысль все же зрѣла въ добрыхъ сердцахъ, особенно у Кареля, который составилъ даже записку о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки на поля битвъ во время Австро-Прусской войны, лѣтомъ текущаго года. Учредители собрались у баронессы Фредериксъ, гдѣ, послѣ Кареля, и Марѳа Степановна собиралась прочитать сообщеніе Андрея Павловича Нарановича. Онъ сопутствовалъ отцу своему, еще въ 1864 году, въ Шлезвигъ-Голштейнъ, когда тотъ туда отправился облегчать своимъ личнымъ трудомъ, на полѣ битвъ, участь несчастныхъ жертвъ кровавой прусской расправы. Эта поѣздка дала Андрею Павловичу возможность подробно ознакомиться съ устройствомъ правительственной санитарной части и организаціями частныхъ обществъ.

— «На каждомъ шагу ясно можно отмѣтить, какъ много способствовали эти организаціи успѣху прусскаго оружія», сказалъ Христіанъ Богдановичъ Риттеръ, внимательно прослушавъ чтеніе.

— «Конечно, чужой опытъ всегда пригоденъ», заговорилъ Карель, «женевецъ Дюнанъ служитъ вѣрнымъ указаніемъ нашихъ христіанскихъ, братолюбивыхъ обязанностей; примѣры Пруссіи и другихъ го-

*) 28 октября 1866 года.

сударствъ могутъ тоже быть очень полезны. Но я повторяю опять ту мысль, которая лежитъ въ основѣ моей записки. Мы никакъ не должны упускать изъ вида того важнаго обстоятельства, что общественныя условія, при которыхъ возникла санитарная дѣятельность въ чужихъ государствахъ, во многомъ не сходятся съ тѣми, при которыхъ живетъ и развивается русское общество. Это тѣмъ болѣе справедливо, что задолго до Дюнана и до англичанки Найтингель, наши сестры Крестовоздвиженской общины являли чудеса самоотверженнаго служенія страждущимъ подъ Севастополемъ».

— «Восхищеніе ими, слава о нихъ и подвинула англичанокъ явиться подъ Севастополемъ», вставила Голицына.

— «Поэтому», продолжалъ развивать свою мысль Филиппъ Яковлевичъ, «заимствуя нѣкоторыя черты чужихъ идей, исходя изъ общаго христіанскаго долга: «любить ближняго, какъ самого себя», мы должны все же облечь нашу дѣятельность въ свою самобытную, къ мѣстнымъ даннымъ приноровленную форму, такъ ясно указанную намъ Пироговымъ и его сподвижниками подъ Севастополемъ».

— «Безъ сомнѣнія, только тогда эта идея и станетъ вполнѣ нашей, русской, только тогда она привьется къ нашему обществу, принесетъ пользу и будетъ одобрена нашимъ ангеломъ-Императрицей», горячо отвѣчала Фредериксъ.

— «Ну, вотъ, намъ и надо теперь же рѣшить, какъ организовать Общество», дѣловито заговорилъ Нарановичъ отецъ. «Возьми перо, бумагу, Андрюша, и вступай въ свои обязанности секретаря».

—«Слушаю-съ, слушаю-съ», ласково улыбаясь отцу,

отвѣчалъ убѣжденный филантропъ и, садясь къ столу съ перомъ въ рукахъ, началъ говорить, какъ бы диктуя. «Мы должны сначала поставить себѣ вопросы; первый: какъ и когда можетъ быть организовано Общество? и отвѣчать на него такъ: «Общество, для облегченія участи больныхъ воиновъ на полѣ сраженія, должно возникнуть теперь же. Зародышъ его въ насъ самихъ. Участіе въ немъ пусть приметъ каждый, кому не чуждо человѣколюбіе. Наше дѣло будетъ состоять въ томъ, чтобы всѣми мѣрами способствовать распространенію задуманной цѣли и возбуждать къ ней сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества. Мирнымъ временемъ мы должны воспользоваться, чтобы заготовить матеріалъ, необходимый въ случаѣ, если война неожиданно нарушитъ желанный миръ и потребуетъ средства и силы на помощь ея несчастнымъ жертвамъ».

— «Отлично,» не вытерпѣла баронесса Марія Петровна,—«но не забудьте, что Императрица заинтересована не одними приготовленіями къ нуждамъ раненыхъ на войнѣ. Ея Величество задумывается и надъ вопросомъ о мирной дѣятельности Общества».

— «Этотъ воопросъ пойдетъ вторымъ пунктомъ: что будетъ Общество дѣлать въ мирное время»?

— «Предварительно вооружившись всѣмъ необходимымъ на случай войны», вставилъ главный военный врачъ.

— «Это само собой», энергично отвѣтила Марѳа Степановна. «Но откуда возьмемъ мы денегъ, чтобы оборудовать такое колосальное дѣло»? вздыхая, прибавила она, поникнувъ умной головой.

— «А это третій пунктъ, который намъ надо разработать», отвѣчалъ Нарановичъ. «Ревностно, уси-

ленно стараясь распространять слухи о задуманномъ нами великомъ дѣлѣ, мы будемъ привлекать къ себѣ общество и его кошельки».

— «Толково», замѣтилъ Филиппъ Яковлевичъ Карель.

— «Охъ, ужъ это мнѣ общество»! заворчала баронесса. «До сихъ поръ, на всѣ мои восторженныя предположенія основать у насъ попеченіе о своихъ страдальцахъ, раненыхъ на полѣ сраженія, получала я только вѣжливые, салонные отвѣты: «конечно, мысль прекрасная, святая, начинайте»; а кое-кто прибавлялъ: «съ Богомъ, учреждайте, а когда что выяснится, мы съ радостью примкнемъ».

— «По настоящему, теперь-то и надо работать, чтобы приготовить все; ну, какъ вдругъ да дѣйствительно нагрянетъ война»? твердилъ Карель. «Европа, охъ—какъ непокойна»!

— «Намъ крайне нужно именно Общество частной помощи на войнѣ. Кавалеры ордена св. Іоанна, протестантскіе іоганнитеры и католическіе мальтійцы, были великолѣпны въ послѣднюю войну».

— «И какъ они насъ обижали! Просто—отталкивали, работать не давали», вспыхнулъ Нарановичъ.

— «Во-первыхъ,» педантично возразилъ ему отецъ, «мы не были сплочены, являлись по-одиночкѣ, по-двое. Это непріятно дѣйствовало на вѣками организованное общество, выработававшее свои пріемы еще съ перваго Крестоваго похода 1048 года. Въ тѣ времена, основанный въ Іерусалимѣ, этотъ орденъ сразу взялъ на себя попеченіе, кромѣ раненыхъ на войнѣ, и о больныхъ, неимущихъ богомольцахъ, толпившихся въ Св. городѣ».

— «Тогда онъ былъ монашескій орденъ», вставила Фредериксъ.

— «Конечно, они давали обѣты, принимали постригъ, ну а потомъ уже, со временемъ, въ орденъ вступалъ всякій, кто желалъ служить, въ какой бы то ни было формѣ, страдающему человѣчеству».

— «И этихъ-то святыхъ людей обобралъ разбойникъ Наполеонъ»! воскликнула Сабинина, «конфисковалъ ихъ имущество»!

— «Успокойтесь, они возродились на служеніе ближнимъ,—и прекрасно, свято исполняли свой долгъ».

— «Обижая моихъ братьевъ, русскихъ врачей».

— «Ну, полно вамъ! Наши медики,—я въ этомъ съ гордостью убѣждался, когда видѣлъ этихъ самоотверженныхъ молодыхъ хирурговъ на дѣлѣ,—никому не уступали и даже лучше многихъ знали свое дѣло», подчеркнулъ Карель.

— «Вы объ этомъ писали, и я показывала ваши письма Императрицѣ», сказала Фредериксъ.

— «Къ ней-то, мнѣ кажется, и надо бы идти съ черновымъ проектомъ, ей прочитать и вслушаться въ ея замѣчанія».

Такъ и сдѣлали добрые русскіе люди. Все сказанное облекли въ форму, изложили на бумагѣ, а на другой день, выждавъ, когда Государь, послѣ обѣда, уходилъ обыкновенно къ себѣ, а Императрица оставалась одна, баронесса Марія Петровна вмѣстѣ съ Сабининой спустились въ покои Ея Величества. Государыня сейчасъ же замѣтила необычное выраженіе ихъ лицъ.

— «Отчего вы такъ празднично настроены»? спросила она, ласково цѣлуя наклонившуюся надъ ея рукой фрейлину, пока Сабинина отвѣшивала самый почтительный поклонъ.

— «Вчера вечеромъ Филиппъ Яковлевичъ, оба

Нарановича и Христофоръ Богдановичъ были у меня», усаживаясь у ногъ Императрицы, вся сіяющая, стала торопливо разсказывать Марія Петровна. Мы много, долго говорили, и вотъ Марѳа Стапановна принесла Вашему Величеству первый проектъ устава «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

— «А я только что отвѣтила на интересное письмо Оли *). Она взволнована, поглощена знакомствомъ съ этимъ женевскимъ филантропомъ Дюнанъ. Она сама присутствовала на конференціи врачей и министровъ, которые тамъ собрались по его иниціативѣ. Въ Штутгартѣ уже основываютъ Патронатъ, подъ ея покровительствомъ, изъ мужчинъ и женщинъ, чтобы выработать лучшія средства для облегченія страданій раненыхъ борцовъ во время сраженій».

— «Его воспоминанія о Сольферино такъ поучительны, такъ трогательны, такъ интересны», проговорила Сабинина.

— «И, подъ ихъ впечатлѣніемъ, вы на что же рѣшились»? сердечно спросила Государыня. Она чувствовала всѣмъ сердцемъ, давно лелѣяла въ душѣ ту же самую мысль и радостно откликнулась на рѣчи милыхъ дѣвушекъ. Она внимательно выслушала чтеніе Сабининой, сдѣлала свои мудрыя замѣчанія и обѣщала исходатайствовать у Государя разрѣшеніе на основаніе Общества.

— «Покажите этотъ проектъ еще Побѣдоносцеву, пусть онъ прочитаетъ, выскажетъ свое мнѣніе о формѣ, о законности, которую надо проекту придать, тогда спокойно печатайте. Въ этомъ онъ свѣдующѣе всѣхъ насъ». И, благословивъ обѣихъ своихъ собесѣдницъ

*) Великая Княгиня Ольга Николаевна была въ то время наслѣдной принцессой Виртембергской.

на честный трудъ, Марія Александровна еще разъ подтвердила, что поговоритъ съ Государемъ.

Дѣйствительно, не успѣлъ Карель, на слѣдующее утро, по принятому обычаю, явиться къ Его Величеству, какъ Александръ Николаевичъ спросилъ его о вечерѣ у Фредериксъ. Видимо, добрый ангелъ-хранитель всего благого на нашей родинѣ уже предупредилъ сердечнаго Державца. Очень сочувственно разспрашивалъ Государь о томъ, какъ предполагаютъ взяться за святое дѣло, приказалъ писать уставъ и самъ взялся переговорить съ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ о подробностяхъ нашихъ трактатовъ съ Швейцаріей. Тамъ филантропы Муаніе и Дюнанъ, еще въ 1859 году, удрученные ужасными страданіями раненыхъ во время войны Италіи съ Франціей, возымѣли евангельскую мысль устроить международное общество вспомоществованія страждущимъ. Оно-то именно и было ядромъ, къ которому примкнули всѣ государства Европы. Конечно, нашъ канцлеръ долженъ былъ выработать форму сношеній нашего зарождающагося Общества съ основнымъ центромъ христіанскаго дѣла.

На посланный Сабининой К. П. Побѣдоносцеву проектъ, былъ полученъ самый сочувственный отвѣтъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько мудрыхъ, практическихъ поправокъ, далъ нужные совѣты и очень жалѣлъ, что время его наполнено до невозможности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ занимается съ Великой Княгиней *), а потому и не можетъ принять болѣе дѣятельнаго участія въ составленіи проекта.

*) Побѣдоносцевъ занимался съ Великой Княгиней Маріей Ѳеодоровной, Августѣйшей супругой Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Александра Александровича. Бракъ ихъ былъ 28 октября, а К. П. Побѣдоносцевъ писалъ въ декабрѣ.

Государыня сама руководила хлопотами баронессы и Сабининой, называя тѣхъ лицъ, кого желательно было бы пріобрѣсти въ члены-учредители.

II.

— «Ну посмотрите, Марѳа Степановна, какую чудную записку получили мы съ вами отъ нашего ангела - хранителя—Императрицы»! говорила Марія Петровна, вся въ слезахъ встрѣчая входящую къ ней Сабинину и показывая ей клочекъ почтовой бумаги съ четко начерченными по-французски словами: «Мнѣ кажется, что Аврора Карамзина была бы прекраснымъ пріобрѣтеніемъ для нашего комитета. Русское имя, богата и очень благотворительна. Я ей уже говорила объ Обществѣ мимоходомъ».—«Ну подумайте, у нея время такъ занято, а она все же думаетъ о насъ, заботится, даже поспѣваетъ при встрѣчѣ съ другими вспоминать и насъ». И восторженная дѣвушка поцѣловала царскую записку.

Сердобольныя радѣтельницы о будущихъ родныхъ страдальцахъ, храбро, неутомимо вербовали себѣ сообщниковъ въ добромъ дѣлѣ. Къ нимъ примкнули—сосѣдка баронессы по коридору, жена воспитателя Великаго Князя Алексѣя Александровича, Розалія Ипполитовна Посьетъ и графиня Орлова-Давыдова. Онѣ записались въ члены учредители и энергично стали вербовать себѣ товарищей. Первымъ записали графа Тотлебена, героя Севастопольской обороны, на дѣлѣ испытавшаго, какъ спасительна на войнѣ для несчастныхъ страдальцевъ помощь чудныхъ сестеръ милосердія. Секретарь Императрицы П. А. Морицъ всей душой предался великому дѣлу. Много придавало силы комитету горячее сочувствіе Го-

сударыни. Милосердная, отзывчивая, она всегда всѣмъ помогала. Никогда никто изъ обращавшихся къ ней за помощью не отходилъ отъ нея неутѣшеннымъ. Бѣдная ли невѣста просила приданаго, или молили больные на лѣкарство и больницу, на похороны, крестины, всѣхъ удовлетворяла милосердая мать-Государыня. Оборудовать же помощь страдальцамъ, раненымъ героямъ, было самой живой потребностью ея добраго сердца. По ея внушенію, дѣйствовали обѣ неутомимыя труженицы—«Мареа и Марія», какъ звали ихъ въ обществѣ, и это прозвище было, дѣйствительно, вѣрно. Точно заговорщики, чуть не ежедневно собирались у баронессы всѣ единомышленники; говорили, писали, разработывали проектъ устава, воззванія къ обществу и народу; вслушивались въ совѣты Побѣдоносцева, Кареля, Тотлебена, Нарановича. Да и вновь завербованные члены не уступали въ рвеніи «Мареѣ и Маріи».

«Нѣтъ призванія болѣе почетнаго, какъ призваніе защитника чести, славы, достоянія отечества; нѣтъ жертвъ, равныхъ тѣмъ, которыя приносятся на алтарь отечества воинами, покидающими свои дома, семейства и жертвующими своею кровью и жизнію. Потому всѣ тѣ, кто сами не могутъ сражаться грудью и умирать за святую Русь, пусть помогутъ храбрымъ воинамъ своимъ достояніемъ и помогутъ по мѣрѣ своихъ средствъ», говорилось въ первомъ воззваніи, составленномъ членами-учредителями. Его снесли Императрицѣ. Ея Величество одобрила въ проектѣ только мысль воззванія, но не форму. Горячо взялись всѣ снова за переработку. Военный министръ Милютинъ представилъ проектъ, составленный военно-медицинскимъ департаментомъ. Пришлось его отвергнуть: ужъ

очень сквозила главная цѣль—желаніе подчинить Общество военному вѣдомству.

На поляхъ дѣлались помѣтки, отличавшія несообразность воинскаго устава для «частнаго Общества, добровольно приходящаго на помощь страждущему человѣчеству». На другихъ черновыхъ проектахъ видны замѣчанія Мансурова, Башмакова, Баумгартена, барона Дельвига, Рорбека, Альбединскаго. Видимо, число членовъ прибывало, разросталось святое дѣло. Общество начинало откликаться. Лучшія силы нашей бюрократіи помогали «Мареѣ и Маріи». Въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію. Замѣтки, помарки, передѣлки принесли пользу. Проектъ былъ составленъ, переписанъ, его послали Константину Петровичу Побѣдоносцеву. Съ какой радостью и отрадой добровольныя труженицы перечитывали одобрительный его отвѣтъ!

«Сейчасъ 6-е марта 1867 года, прочиталъ бумаги, которыя вамъ угодно было подвергнуть моей критикѣ. Отъ первоначальнаго наброска, читаннаго мною раньше, до этого разработаннаго устава—разстояніе неизмѣримо. На этотъ разъ мнѣ нечего возражать ни противъ плана, ни противъ учрежденія Общества во всѣхъ его подробностяхъ. Дай Богъ, чтобы ваше по истинѣ патріотическое и христіанское предпріятіе имѣло полный успѣхъ; этотъ успѣхъ составитъ эпоху въ исторіи общественнаго развитія нашей страны. Я ограничился незначительными замѣтками на нѣкоторыхъ параграфахъ; онѣ относятся только къ точности выраженія».

Радостная, довольная, гордая успѣхомъ, сбѣжала изъ своего уголка въ кабинетъ къ Императрицѣ жизнерадостная Марія Петровна.

— «Знаю, знаю», весело встрѣтила ее Государыня,

«вчера при Цесаревнѣ, Константинъ Петровичъ очень хвалилъ мнѣ ваши усилія выработать прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ уставъ». И положила, улыбаясь, тетрадь на свой рабочій столикъ.

— «Такъ мнѣ теперь можно, Ваше Величество, написать княжнѣ Голициной о ея сестрахъ»? заторопилась вполнѣ удовлетворенная фрейлина.

— «Ужъ не терпится», улыбнулась Императрица: «ну, конечно, дружокъ, можно, тѣмъ болѣе, что нельзя впередъ предвидѣть, какія еще могутъ встрѣтиться проволочки; безъ сестеръ же милосердія за основаніе добраго дѣла и браться нельзя. Предупредите только ее, что я посылаю Тотлебена въ Москву къ митрополиту съ докладомъ отъ моего имени о томъ, какъ заботятся объ осуществленіи у насъ великаго дѣла помощи раненымъ и больнымъ воинамъ».

— «Графъ докладывалъ Вашему Величеству о томъ, что Громовъ и баронъ Кусовъ вступили въ Общество, обѣщая богатыя жертвы».

— «Въ Москвѣ онъ еще и другихъ богачей завербуетъ», милостиво улыбаясь и прощаясь съ своей милой помощницей, сказала Марія Александровна.

— «Въ настоящую минуту генералъ Тотлебенъ командируется въ Москву Императрицей и Обществомъ», торопливо набрасывала баронесса на бумагу, спѣшно усаживаясь за свой письменный столъ. Ей дѣйствительно не терпѣлось. Надо было подробно сообщить пріятельницѣ ходъ дорогого дѣла.

«Намъ нужны громадныя суммы», писала она, «чтобы приготовить все, необходимое на случай, конечно, совсѣмъ нежелательной, какой бы то ни было войны. Кромѣ денегъ и матеріала, намъ нужны еще и сестры милосердія, уже подготовленныя къ

дѣлу. У васъ, княжна, есть такое учрежденіе; не захотите ли вы помочь намъ, принять доброе участіе въ начинающемся Обществѣ, подготовить намъ сестеръ, которыми Санитарное Общество могло бы располагать въ военное время, и не возьмете ли на себя трудъ предложить то же самое М. Кротковой? Завѣдуя госпиталемъ, она могла бы, съ содѣйствіемъ отца Антонія, приготовить тоже нѣсколько сестеръ милосердія. Митрополитъ долженъ уже знать объ этомъ проектѣ, потому что Императрица поручила графу прежде всего извѣстить его высокопреосвященство».

Быстро отвѣтила московская княжна. Она всей душой сочувствовала Обществу. Готова отдать ему всѣ свои силы. Только средства - то ея всецѣло отданы тому учрежденію, которымъ она уже завѣдуетъ, и она могла только на время, очень потѣснившись, пріютить пять-шесть сестеръ, но содержать ихъ должно Общество. «Мое учрежденіе подначально монастырю св. Сергія, и я того именно мнѣнія, что Общество сестеръ милосердія должно зависѣть отъ духовнаго вѣдомства». Баронесса читала отвѣтъ своей подруги громко, при своихъ сотрудникахъ.

— «Вотъ оно что», протянулъ Карель.

— «Тысячу разъ права наша мудрѣйшая Царица, настаивая на томъ, чтобы для успѣха дѣла привлекали, какъ можно, больше духовенство».

— «Княжна совѣтуетъ намъ написать о. Антонію. Онъ, вѣрно, отъ себя поговоритъ съ митрополитомъ о насъ. «Монастырь богатъ», пишетъ она, — мы это знаемъ, но именно намъ-то онъ ничего не удѣляетъ. «У него много расходовъ. Онъ содержитъ мужской и женскій госпитали, странноприемный домъ на 2.000 че-

ловѣкъ, школу на 150 мальчиковъ, да маленькую для дѣвочекъ. Все это требуетъ большихъ расходовъ», скороговоркой передавала Фредериксъ. Остальные выслушали, соображали, отмѣчали то, что могло служить на благо родному дѣлу.

Слѣдомъ пришло и другое письмо отъ Тотлебена. Онъ писалъ о своихъ хлопотахъ и давалъ нѣкоторыя практическія, цѣнныя указанія. По прочтеніи писемъ, княгиня Голицына сказала: «Соберемтесь завтра вечеромъ у меня: пріѣдетъ графиня Орлова-Давыдова, Барятинская, княгиня Елизавета Александровна, Аврора Карамзина, Морицъ, Посьеты, мужъ и жена, и всѣ вмѣстѣ обсудимъ полученныя отъ Тотлебена вѣсти. Тогда мы устроимъ настоящее редакціонное засѣданіе; Андрей Павловичъ составитъ протоколъ, мы подпишемъ, а вы, баронесса, доложите его Императрицѣ».

14 марта, вечеромъ, собралась редакціонная комиссія. Всѣ письма читали, разбирали, дѣлали выписки изъ всѣхъ пунктовъ, по которымъ расходились мнѣнія въ обѣихъ столицахъ. Нѣкоторые практическіе доводы принимали, другіе отвергали.

Признаніе права дамъ быть членами управленія было единогласно признано не только возможнымъ, но крайне необходимымъ для успѣшнаго хода дѣла.

Къ проекту Марія Петровна хотѣла приложить два письма отъ себя, и тогда все вмѣстѣ послали Императрицѣ, при коротенькой французской запискѣ фрейлины: «Вотъ мои письма въ Москву, одобрите ли ихъ, Ваше Величество? Маша».

На ней же положена была резолюція Государыни карандашомъ: «Мнѣ кажется, такъ будетъ хорошо», и

дѣйствительно было хорошо. Тотлебенъ вернулся и сдѣлалъ доклады Государю и Императрицѣ.

Ея Величество потребовала къ себѣ генералъ-адъютанта Александра Алексѣевича Зеленаго, недавно единодушно избраннаго и ею утвержденнаго предсѣдателемъ Общества, такъ какъ графъ Тотлебенъ, по своимъ очень многочисленнымъ занятіямъ въ Военномъ Министерствѣ, никакъ не могъ взять предсѣдательство на себя.

— «Вотъ все дѣло Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, вотъ всѣ примѣчанія, черновыя бумаги, наброски, предположенія. Надо, чтобы къ 17 апрѣля *) вопросъ былъ обсужденъ и рѣшенъ».

— «Слушаю, Ваше Величество», отвѣчалъ Александръ Алексѣевичъ и съ низкимъ поклономъ почтительно оставилъ кабинетъ Императрицы.

Въ его министерской квартирѣ стали собираться друзья-труженики, основатели благого дѣла. 13-го апрѣля все было закончено. Товарищами предсѣдателя были выбраны—генералъ - лейтенантъ Баумгартенъ и камергеръ Башмаковъ; членами—Ф. Я. Карель, П. А. Нарановичъ, Риттеръ, потомъ духовникъ Царской Фамиліи, отецъ Бажановъ, секретарь Императрицы П. А. Морицъ, генералъ-адъютантъ Посьетъ и другіе. Воля Царицы была исполнена, къ 17 апрѣля 1867 года уставъ былъ окончательно готовъ, 27-го внесенъ въ Государственный Совѣтъ и утвержденъ безъ измѣненій.

Въ общемъ собраніи Общества, по единогласно-выраженному желанію учредителей, въ почетные члены были предложены—Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Государыня Це-

*) День рожденія Государя.

Государь Императоръ Александръ II, Императрица Марія Александровна, Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Цесаревна Марія Ѳеодоровна. *(Къ стран. 172).*

саревна, всѣ члены Царствующаго Дома, великіе князья и великія княгини; четыре митрополита: Московскій, Кіевскій, Петербургскій и Литовскій, военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, статсъ-секретарь П. А. Валуевъ, фрейлина Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы М. П. Фредериксъ, Н. С. Сабинина, лейбъ-медикъ Ф. Я. Карель.

На почтительное приглашеніе принять званіе почетныхъ членовъ Общества, Ихъ Величества изволили выразить избравшимъ ихъ полное, всемилостивѣйшее согласіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, готовность содѣйствовать цѣли Общества; а Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ въ рескриптѣ, отъ 29 іюля 1867 г. данномъ въ замкѣ Бернсдорфъ *), на имя предсѣдателя главнаго управленія А. А. Зеленаго, изволилъ отвѣчать:

«Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, принимая званіе почетнаго члена Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, состоящаго подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, прошу васъ передать первоначальнымъ учредителямъ, что приглашеніе ихъ, вами сообщенное, доставило мнѣ искреннее удовольствіе. Не могу при этомъ случаѣ не высказать вамъ, какъ пріятно мнѣ было узнать объ избраніи васъ предсѣдателемъ главнаго управленія Общества, ибо въ этомъ выборѣ я вижу ручательство въ томъ, что это учрежденіе, столь важное для дорогого нашего отечества, достигнетъ желаемыхъ результатовъ и принесетъ существенную помощь тѣмъ, на пользу коихъ приносятся посильныя лепты со всѣхъ концовъ Россіи».

*) Въ Даніи

Государыня Императрица удостоила генералъ-адъютанта Зеленаго Высочайшимъ рескриптомъ:

«Александръ Алексѣевичъ. Первоначальные учредители, состоящаго подъ моимъ покровительствомъ, Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ избрали васъ предсѣдателемъ главнаго управленія Общества на первое двухлѣтіе *). Съ особеннымъ удовольствіемъ утверждая васъ въ этомъ званіи, я остаюсь въ полной увѣренности, что настоящее назначеніе, при извѣстномъ мнѣ усердіи и опытности вашей въ дѣлахъ, принесутъ вновь образовавшемуся Обществу несомнѣнную пользу».

Мать-Царица и ея Августѣйшій Сынъ цѣнили по достоинству исключительныя качества и дарованія генералъ-адъютанта Зеленаго. Горячо стремился онъ оправдать Высочайшую милость, довѣріе и, для блага дѣла, старался всѣми силами крѣпко удержать благорасположеніе къ Обществу и баронессы Маріи Петровны и М. С. Сабининой.

Онѣ оставались незримыми, но ощущаемыми нервами святого дѣла. Ими руководила Императрица: въ каждой ея запискѣ слышатся отвѣты на задаваемые ей вопросы, въ родѣ слѣдующаго: «Полагаю, что Красный Крестъ—какъ въ Женевѣ, потому что мы примкнули къ конвенціи. Я уже писала М. Мальцевой».

III.

Добросовѣстные, усердные дѣятели Общества сознавали, что безъ женскаго содѣйствія невозможно ему работать «И терпѣливѣе - то онѣ и настойчивѣе

*) Онъ занималъ этотъ постъ до 1874 г., уступивъ мѣсто своему товарищу А. К. Баумгартену.

насъ», говорилъ Карель. Зеленый прибавлялъ, какъ бы въ подтвержденіе: «и служебныхъ обязанностей у нихъ нѣтъ». Баумгартенъ и Нарановичъ тоже настаивали на сформированіи «Дамскаго Комитета».

— «Возьмите примѣръ съ Европы», отвѣчала имъ Сабинина, «откройте «Русское Женское Общество». За-границей женщины дѣйствуютъ самостоятельно, подъ правительственною защитою, пользуются правами».

— «Ну, защита-то у насъ могучая! Императрица высоко держитъ знамя Краснаго Креста», восторженно вставила Фредериксъ.

— «Да, она его воздвигла, какъ въ древности св. греческая царица Елена воздвигла Животворящій Крестъ», прибавилъ Нарановичъ.

— «Пойду къ ней, буду просить ума-разума и поддержки», вздыхала милая фрейлина, понуря голову.

— «Да вы пока намъ помогите, дорогая баронесса. Мы безъ васъ, какъ безъ рукъ», упрашивали ее честные русскіе труженики.

У Сабининой бродили въ головѣ тысячи проектовъ, и она проговорила, обращаясь къ баронессѣ:

— «Поѣдемте въ Царское; вы поговорите съ ней, а я дамъ свой урокъ Великой Княжнѣ *), потомъ зайду къ Петру Александровичу и покажу ему всѣ эти заграничные отчеты».

Мудрая, милостивая Марія Александровна, съ доброй улыбкой встрѣтила свою любимицу. Она, конечно, не могла не согласиться съ очевидностью, что

*) М. С. Сабинина, дочь настоятеля дворцовой церкви въ Веймарнѣ, прекрасная музыкантша, ученица Листа, была выбрана Государыней въ учительницы музыки Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ.

въ горѣ, бѣдѣ, несчастьи, болѣзни, женщина - утѣшительница—неоцѣнимое сокровище. Любила она баронессу, какъ родную дочь, но своимъ яснымъ обширнымъ умомъ понимала, что задумывать новое Общество въ томъ же направленіи, какъ только что утвержденное,—нетактично.

— «Дорогое дитя», ласково звучалъ голосъ чудной Монархини, «не торопись, совладай съ своимъ милымъ сердечкомъ; подумай, что новыя твои хлопоты вызовутъ, по крайней мѣрѣ, улыбки удивленія, пожалуй, и порицанія. А болтовня всѣхъ тѣхъ, кого мы такъ усердно увлекали въ члены благотворители! Мнѣ такъ не хочется, Маша, видѣть тебя опять раздраженною», уговаривала Императрица, гладя по головкѣ плакавшую у ея ногъ дѣвушку. «Теперь ты только огорчена, тогда же можешь и обидѣться, а это гораздо больнѣе, тяжелѣе переносится. Подожди, набѣжитъ какое доброе дѣло, я его сейчасъ же поручу тебѣ и Марѳѣ Степановнѣ».

Слушала и слушалась, вздыхая, Марія Петровна, Государыня ласкала ее, часто звала къ себѣ и каталась съ нею и своею Августѣйшею дочерью, тогда еще ребенкомъ, Великой Княжной Маріей Александровной, по живописному парку. Подолгу сидѣли на берегу озера, ясно блиставшаго среди ковра разноцвѣтныхъ цвѣтовъ. Но вполнѣ отвлечь баронессу отъ мысли, глубоко засѣвшей въ умѣ и сердцѣ дѣятельной, энергичной фрейлины, было невозможно, да, оказалось, и не нужнымъ.

Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ стали быстро развиваться по лицу родной земли нашей. Къ концу 1867 года ихъ насчитывалось уже одиннадцать.

Они понимали свое призваніе: въ мирное время, приходя на помощь въ мѣстахъ народныхъ бѣдствій, готовиться на практикѣ къ дѣятельности на поляхъ сраженій. Имъ приходилось сильно заботиться о пріисканіи средствъ для своего содержанія. Сами обстоятельства наталкивали на мысль, что не обойтись безъ дамской помощи. Опять были выдвинуты проекты. Заволновались добрыя силы, и хотя на нихъ поднялась вѣчная салонная критика, но, въ концѣ концовъ, наши обѣ неутомимыя труженицы, опираясь на свою опытность, объединились, въ общихъ усиліяхъ, съ энергичными и вліятельными дамами. Онѣ настояли, чтобы въ Уставъ Главнаго Общества было внесено нѣсколько параграфовъ, разъяснявшихъ, что, для успѣшнаго достиженія благихъ цѣлей и доставленія лицамъ женскаго пола возможности раздѣлять заботы мѣстныхъ управленій, имъ дѣятельно помогать, должны образовываться на мѣстахъ дамскіе отдѣлы. Учрежденіе ихъ разрѣшается губернаторами и отдѣлы сообщаютъ о своемъ возникновеніи въ Главное Управленіе, которое доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія Ея Императорскаго Величества. Эти комитеты очень облегчали работу центральнаго Управленія. Они успѣшно заботились объ умноженіи своихъ средствъ, удовлетворяли мѣстнымъ нуждамъ и только въ исключительныхъ случаяхъ доносили въ Главное Управленіе, для доклада Государынѣ.

Петербургъ, конечно, первый заговорилъ объ основаніи у себя дамскихъ комитетовъ призрѣнія больныхъ и раненыхъ воиновъ. Рядомъ съ Высокой Руководительницей всѣхъ благихъ начинаній на нашей дорогой родинѣ, ласково заглядывая въ мудрые глаза Матери земли русской, встала и юная Цесаревна.

Съ чарующей улыбкой выслушивала она слова ума и опыта, всей душой, всѣмъ сердцемъ отзываясь на благія предначертанія Императрицы-благотворительницы. Государыня Цесаревна взяла подъ свое покровительство нѣкоторые изъ дамскихъ комитетовъ, находившихся подъ предсѣдательствомъ оберъ-гофмейстерины Высочайшаго двора, графини Наталіи Дмитріевны Протасовой, княгини Е. А. Барятинской и графини Елизаветы Николаевны Гейденъ. Въ двухъ остальныхъ предсѣдательствовали камеръ-фрейлина графиня Е. Ф. Тизенгуазенъ, при самомъ тепломъ, дѣятельномъ участіи Великой Княгини Александры Іосифовны, и баронесса Марія Петровна Фредериксъ, скоро передавшая свое предсѣдательское кресло Ея Императорскому Высочеству Принцессѣ Евгеніи Максимиліановнѣ Ольденбургской.

— «Милая Маша», пишетъ Принцесса, «только что вернулась отъ Императрицы, гдѣ рѣшилась принять предсѣдательство твоего отдѣла. Съ благодарностью принимаю предложеніе. Не можешь ли ты быть у меня завтра въ 12 часовъ?

Евгенія».

— «Конечно буду», весело сообщила Марѳѣ Степановнѣ свое намѣреніе довольная баронесса, «и сообщу ей, что принцъ Рейсъ *) обѣщаетъ мнѣ выхлопотать намъ образцы различныхъ лазаретныхъ вещей, принятыхъ и такъ полезно употребляемыхъ въ берлинскихъ лазаретахъ».

Августѣйшія дѣятельницы подавали самый сердечный примѣръ труда и заботы на выбранномъ ими святомъ поприщѣ. Всей душой помогали имъ ихъ сотрудницы, вкладывая въ предоставленное имъ дѣло

*) Прусскій тогда посланникъ при нашемъ дворѣ.

все богатство женскаго сердца, ума и настойчивости, для достиженія матеріальнаго обезпеченія Общества. Скоро принцъ Рейсъ прислалъ полученный имъ отъ берлинскаго комитета въ даръ русскому обществу огромный ящикъ полнаго подбора лазаретныхъ вещей, необходимыхъ для хорошаго оборудованія цѣлаго лазарета. Дорогое приношеніе было переслано предсѣдателю Общества, генералъ-адъютанту Зеленому.

По повелѣнію Государыни Императрицы, въ домѣ его министерства былъ открытъ обширный вещественный складъ, который быстро обогащался общими стараніями. Пожертвованія такъ и лились со всѣхъ концовъ Руси родной. Получались тысячи и тысячи аршинъ полотна, фланели, клеенки, бинтовъ; присылали даже готовое бѣлье, матрацы, одѣяла, кровати, посуду, хирургическіе инструменты. Блестяще вела дѣло склада энергичная А. М. Раевская, почти не отлучавшаяся изъ Петербурга, когда онъ, по обычаю, пустѣлъ по лѣтамъ. Дворъ, знать покидали столицу, но складъ «Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ» жилъ своею собственною жизнію: она хотя и затихала, но складъ ни на одинъ день не прекращалъ своихъ заботъ и труда.

Принеслась вѣсть съ далекаго Кавказа. Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна, супруга Августѣйшаго Намѣстника Великаго Князя Михаила Николаевича, поручала петербургскому главному отдѣлу прислать ей уставъ Общества и дать необходимыя инструкціи, чтобы тамъ, на мѣстѣ непрерывной войны съ горцами, основать «Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ». Со всѣхъ концовъ нашей обширной родины неслись заявленія о желаніи основывать Комитеты, склады. Откликнулся народъ православ-

ный на воззваніе Главнаго Комитета, которое разсылали при подписномъ листѣ. Воззваніе составлено было еще ранѣе высокопреосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ *) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Богъ мира да сохраняетъ миролюбиваго Великаго Государя нашего Императора Александра Николаевича и Всероссійскую Имперію въ мирѣ, тишинѣ и благоденствіи».

«Но войны какъ бывали прежде, такъ могутъ быть и впредь, и опыты недавнихъ лѣтъ всѣмъ показали, что, при дѣйствіи большихъ армій, для удовлетворительнаго попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, недостаточны средства правительства и военнаго начальства, а требуются еще соединенныя усилія частныхъ людей и заблаговременное приготовленіе средствъ и пособій во время мира. Посему учреждается, подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны, Общество для попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

«Располагающіе вступить въ число учредителей вносятъ здѣсь имена свои».

Тотъ же высокопреосвященнѣйшій митрополитъ благословилъ начинаніе Общества слѣдующимъ краснорѣчивымъ истолкованіемъ евангельскихъ словъ:

«Милосердова и приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино. Иди и ты твори такожде» (Лук. X, 33—34, 37).

«Россіяне, чада Православной Церкви, не слышали-ль вы въ церкви, не видѣли-ль вы въ евангеліи, какъ мимо израненнаго, лежащаго на дорогѣ, иные прошли мимо, а нѣкто самарянинъ сжалился

*) Сконч. 19 ноября 1867 года.

надъ нимъ, обмылъ раны его виномъ, умягчилъ масломъ, перенесъ его въ гостиницу и далъ деньги, чтобы довершить помощь, ему оказанную? Не чувствовали-ль вы невольнаго негодованія на прошедшихъ мимо раненаго? Не пріятенъ-ли вамъ въ семъ случаѣ, даже непріятный въ другихъ отношеніяхъ, самарянинъ? Не говоритъ-ли при семъ ваше сердце того самаго, что сказалъ Христосъ Спаситель: иди и ты твори такожде»?

«Посмотрите же, что указуется вамъ теперь. На полѣ сраженія лежатъ многіе воины, не чуждые, не незнакомые, но весьма ближніе вамъ, потому что они сражались за вашего Царя, за достоинство и безопасность вашего отечества, за безопасность каждаго изъ васъ. Любовь отечественная, и тѣмъ болѣе христіанская любовь, не позволитъ вамъ пройти мимо; она скажетъ вамъ: твори, какъ милосердый самарянинъ. Счастливо было для раненаго то, что милосердый самарянинъ имѣлъ въ готовности вино и масло и вьючное животное для перенесенія больного и деньги на прочія его нужды. Безъ сей предварительной готовности, раненый умеръ бы въ ожиданіи помощи».

«Да возбудится благовременно ваше милосердіе, ваша любовь къ имѣющимъ подвизаться за васъ на полѣ брани; да приготовитъ масло и вино и прочее, т. е. все потребное для врачеванія раненыхъ и больныхъ воиновъ, для безопаснаго перенесенія ихъ въ мѣста призрѣнія и для устройства самыхъ мѣстъ призрѣнія, благопріятныхъ выздоровленію *)».

И раскошеливались наши купцы-тузы, читая слова всей землею чтимаго владыки, развязывались самыя тугія мошны и сыпалось золото на подготовительную

*) Основаніе Россійскаго Общества Краснаго Креста. Т. I, стр. 67.

помощь, въ добрый часъ, еще несуществующимъ пока, кромѣ какъ на Кавказѣ, роднымъ страдальцамъ-героямъ.

Разросталось, крѣпло, богатѣло наше Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. По повелѣнію Государыни Императрицы, предсѣдатель обратился къ международному Женевскому комитету, которому, по постановленію Парижской международной Конвенціи, присвоено было значеніе постояннаго или центральнаго органа всѣхъ Обществъ. А. А. Зеленый заявилъ ему о желаніи Высочайшей Покровительницы Русскаго Общества, чтобы делегаты отъ Россіи участвовали въ предполагаемой въ Берлинѣ Конвенціи. Немедля послѣдовало самое предупредительное согласіе. Всѣ европейскіе отдѣлы были циркулярно извѣщены о нашемъ участіи въ ихъ съѣздѣ. Предсѣдатель Женевскаго Общества Муанье сообщилъ Александру Алексѣевичу, что давно уже желалъ привлечь русское Общество къ участію въ общемъ благомъ дѣлѣ и, конечно, радуется нашему доброму началу.

Въ Берлинъ къ 22 апрѣля 1869 года на Конвенцію отправились отъ насъ генералъ-адъютантъ А. К. Баумгартенъ, лейбъ-медикъ П. А. Нарановичъ и фонъ-Гюбенетъ изъ Кіева.

Тогда въ Россіи, кромѣ главнаго Общества въ Петербургѣ, насчитывалось уже 42 мѣстныхъ управленія въ губернскихъ городахъ и 66 въ уѣздныхъ. Они дѣйствовали очень плодотворно, успѣшно, самостоятельно, только въ особыхъ случаяхъ сносясь съ центральнымъ Главнымъ Управленіемъ.

Слѣдующій международный съѣздъ, для разработки полезнѣйшихъ санитарныхъ мѣръ къ облегченію участи страдальцевъ-героевъ, долженъ былъ со-

стояться въ Вѣнѣ въ 1870 году. На горе человѣчеству, духъ войны никакъ не унимался въ Европѣ и всеобщее раздраженіе умовъ не улегалось. Война за объединеніе Италіи точно разрядила безпокойныя силы средней Европы. Счастливый подборъ государственныхъ дѣятелей въ Берлинѣ умѣло пользовался всѣми ошибками, неудачами сосѣдей. Мы молчали. У насъ шла внутренняя благотворная работа. Блѣднѣлъ блескъ старой короны Габсбурговъ передъ восходившимъ свѣтиломъ Гогенцоллерновъ. Германскіе народцы, во имя національныхъ симпатій, бунтовали противъ Австріи. Правители не хотѣли поступаться своими уязвленными самолюбіями и поднимали мечъ, забывая гуманныя ученія своихъ знаменитѣйшихъ философовъ. Наполеонъ вооружилъ Францію, очагъ первой революціи, поборницу свободы, равенства, братства, на защиту своего пошатнувшагося императорскаго абсолютизма. Прусскій геніальный патріотъ Бисмаркъ довелъ до желаннаго, выгоднаго для сѣверной Германіи, кризиса своего добрѣйшаго стараго короля. Онъ раздулъ незначительное дипломатическое недоразумѣніе и довершилъ кровавой расправой давно задуманный имъ планъ объединенія своей родины и возведенія своего короля, наслѣдника бывшихъ курфирстовъ Бранденбургскихъ, въ Германскіе императоры.

Менѣе энергично дѣйствовали въ общемъ хаосѣ остальные кабинеты Европы; нѣкоторые вовсе молчали; кое-кто надѣялся извлечь личную пользу въ общемъ разгромѣ и потому шелъ по пятамъ побѣдоносныхъ пруссаковъ. Высоко подняли свое знамя «Общества попеченія» о жертвахъ людской злобы, кровавой расправы! Хоругвь Краснаго Креста являлась всюду, гдѣ бой былъ сильнѣе, гдѣ плачевнѣе

раздавались стоны раненыхъ, умирающихъ! Русская Царица отправила своихъ искуснѣйшихъ хирурговъ на помощь чужой бѣдѣ.

Тамъ, гдѣ за полвѣка до того русскія войска бились, очищая Европу отъ гнета деспота Наполеона, гдѣ русскіе орлы побѣдоносно летали надъ чужими полями, вытѣсняя французскіе,—теперь лучшіе врачи Россіи съ полнымъ самоотверженіемъ шли подъ перекрестный огонь ожесточенныхъ противниковъ, неся съ собою самую искусную и усердную помощь.

Мудрая Монархиня не остановилась на этой формѣ человѣколюбія и благотворительности. Она послала своихъ любимицъ, — баронессу Фредериксъ и М. С. Сабинину, — на мѣстѣ, лично увидѣть и изучить, чему надо еще поучиться, гдѣ надо помочь, за чѣмъ прослѣдить — для развитія, усовершенствованія родного Общества. Она чрезъ своихъ любимицъ желала удостовѣриться и какъ бы увидѣть собственными глазами, какъ стоитъ въ дѣйствительности дѣло помощи, евангельскій трудъ Женевскаго Общества Краснаго Креста.

Восторженно принялись за дѣло добрыя христіанки. Онѣ побывали во всѣхъ центрахъ, гдѣ кипѣла дѣятельность Краснаго Креста. Искренность звучитъ въ каждомъ словѣ ихъ письма къ Государынѣ Императрицѣ, при которомъ онѣ препровождали Ея Величеству свои замѣтки. «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности повергаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества наши путевыя замѣтки, собранныя во время путешествія по Германіи и Франціи, во время войны. По волѣ Вашего Императорскаго Величества, поѣздка наша состоялась съ цѣлью изученія дѣлъ великаго милосердія, заявившаго себя подъ зна-

комъ Краснаго Креста. Среди грустныхъ впечатлѣній кровавой войны, какъ свѣтлое сіяніе, озарило насъ это христіанское милосердіе, которое, въ лицѣ бога-

Сестры милосердія—баронесса М. П. Фредериксъ и Марѳа Степановна Сабинина.

таго и бѣднаго, стараго и юнаго, являлось на помощь какъ раненому брату, такъ и страждущему врагу вездѣ, гдѣ война оставляла свой кровавый слѣдъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданныя Марѳа и Марія».

Вѣрно было прозвище, данное обѣимъ неутомимымъ труженицамъ и принятое ими, какъ точное изображеніе ихъ отзывчивыхъ сердецъ, неутомимой, неустанной дѣятельности для облегченія нуждъ всѣхъ, кому въ удѣлъ страданія даны.

Изъ Россіи, отъ Императрицы, онѣ поѣхали въ Штутгардъ—къ родственной намъ Царственной руководительницѣ мѣстнаго Общества Краснаго Креста. Дочь нашего великаго Царя Николая Павловича, королева Виртембергская Ольга Николаевна стояла непосредственно во главѣ управленія Общества. Съ самаго начала войны, на призывъ популярнѣйшей своей королевы горячо отозвалось все королевство, и посыпались щедрые дары богатаго и бѣднаго въ казну, собираемую любимой, вѣрнѣе, боготворимой монархиней.

Для помѣщенія Главнаго Управленія и центральнаго склада обильныхъ жертвъ и дѣлаемыхъ заготовленій, было отведено, такъ называемое, Королевское зданіе, и на немъ красовалось, издали замѣтное, бѣлое знамя съ Краснымъ Крестомъ. А въ большой залѣ, въ которой виртембергскія дамы съ Ея Величествомъ занимались кройкой и шитьемъ бѣлья для госпиталей, были разставлены 4 ряда столовъ и на нихъ 30 швейныхъ машинъ.

Нельзя не прибавить, что русскія дамы, проживавшія тогда въ Штутгардѣ, преусердно и плодотворно работали среди трудолюбивыхъ нѣмокъ, искренно желая доказать и свое сочувствіе доброму дѣлу и почтительную преданность русской Царевнѣ, которой было такъ тяжело сознавать, что ея любимые виртембергцы бьются за славу нелюбимой ими Пруссіи.

Стараясь заглушить свои душевныя волненія, королева Ольга Николаевна съ ничѣмъ невозмутимой

Королева Виртембергская Ольга Николаевна.

энергіей предавалась благотворной дѣятельности на облегченіе страданій несчастныхъ жертвъ войны. Бѣдные мученики-воины успокаивались лучше всего, когда

при перевозкѣ попадали въ санитарные вагоны Виртембергской королевы. Ея полевые лазареты, склады отвѣчали безусловно самымъ строгимъ требованіямъ человѣколюбія и науки. Штутгардскіе добровольцы-носильщики были добрыми ангелами-хранителями бѣдныхъ страдальцевъ.

Все это видѣли, все отмѣчали, записывали наши сердобольныя Марѳа и Марія. О всемъ давали самый подробный отчетъ своей Высочайшей покровительницѣ. Онѣ сами ѣздили съ санитарными поѣздами. Подъ знаменемъ Краснаго Креста, осматривали лазареты всѣхъ европейскихъ государствъ: французскіе, голландскіе, баденскіе, гессенскіе и прусскіе. Въ Берлинѣ было устроено Общество діакониссъ, въ родѣ нашихъ сестеръ милосердія. Онѣ отправлялись съ санитарными поѣздами вслѣдъ за арміями. Тамъ, при госпиталяхъ, были образованы медицинскіе курсы, которые могли прослушать всѣ желающія изучить пріемы помощи раненымъ на полѣ битвы и въ госпиталяхъ. Тѣ, которыя учились за счетъ Общества, служили ему по назначенію. Добровольныя же труженицы поступали въ Общество діакониссъ. Въ Потсдамѣ былъ устроенъ, подъ тѣнью прекраснаго обширнаго сада, лазаретъ іоаннитовъ, который отличался не только всѣми удобствами, но и большою роскошью.

Очень трогателенъ разсказъ одного русскаго врача о томъ, какъ на платформахъ французскихъ желѣзнодорожныхъ станцій, въ ожиданіи транспортовъ съ ранеными французами, тысячами увозимыми въ плѣнъ изъ побѣжденной родины въ побѣдоносную Германію, спѣшно раскидывались огромные столы. На нихъ въ изобиліи разставлялись вина, прохладительное питье, чашки бульона, закуски, хлѣбъ, фрукты. Француз-

скія дамы, разстроенныя, съ международной повязкой на рукѣ, заплаканныя, энергично помогали іоаннитамъ и мальтійцамъ приготовлять подкрѣпляющую пищу нравственно и физически изнемогающимъ, страждущимъ путникамъ.

Прибываетъ поѣздъ, всѣ спѣшатъ перенести угощеніе въ вагоны, гдѣ, по возможности, удобно на подвѣсныхъ койкахъ расположены раненые. Народъ цѣлыми толпами собирался по обѣимъ сторонамъ у рѣшетки желѣзной дороги, чтобы, хоть однимъ глазомъ взглянуть на своихъ родныхъ, несчастныхъ воиновъ, увозимыхъ на чужбину! У многихъ въ рукахъ были корзины и мѣшки съ съѣстными припасами, которые старались тоже передать въ вагоны. Русскіе врачи всей душой сочувствовали симпатичнымъ побѣжденнымъ. Гордый, надменный швабъ никогда не былъ другомъ православнаго люда. Общественное мнѣніе святой Руси возмущалось дерзостью побѣдоноснаго шествія внутрь страны, послѣ плѣненія французскаго императора, сдачи Седана!

Маститый Прусскій король, заявившій, что борется только съ обидѣвшимъ его лично Наполеономъ, подъ давленіемъ своего всесильнаго министра, обложилъ несчастный Парижъ и изморомъ, бомбардировкой беззащитныхъ, а не честнымъ боемъ овладѣлъ столицей прекрасной Франціи.

«Какой поворотъ, по Божьему произволенію»! телеграфировалъ король Вильгельмъ послѣ сдачи Седана, плѣна Наполеона. И эти слова, облетѣвъ нашу родину, возбудили въ народѣ и обществѣ только самое теплое сочувствіе къ побѣжденной, многострадальной Франціи. Сказалось наше прирожденное сочувствіе къ несчастненькимъ! Вѣдь прошло едва пол-

вѣка послѣ того, какъ французы сожгли не только Москву, но и всю страну нашу отъ границы Россіи до Москвы, а мы ужъ искренно, горячо оплакивали ихъ горе и, конечно, порицали равнодушіе, уклончивость правительства. Вѣковая династическая и дипломатическая наша дружба съ Пруссіей не позволила намъ поддержать обиженную, далекую страну!

Напрасно Парижъ взывалъ къ сочувствію Европы. Ни заступничества, ни вмѣшательства онъ не дождался. Европа молчала. Она частію трусила, а частію ликовала, провозглашая маститаго побѣдителя—Германскимъ императоромъ. Милитаризмъ германской расы, наперекоръ всѣмъ утопіямъ своихъ ученыхъ и философовъ, сказался въ франко-прусской войнѣ вполнѣ наглядно. Онъ обидѣлъ обманутую Наполеономъ Францію, обобравъ у нея и деньги и земли *). А она когда-то была и богата, и сильна, и свободна! Россія, всегда миролюбивая, вызвала самую горячую благодарность обиженныхъ и угнетенныхъ щедрой матеріальной и личной помощью своего расцвѣтавшаго «Общества попеченія о раненыхъ». Мать-Царица могла быть довольна, но она не успокоилась. По ея указаніямъ, члены Общества самымъ усерднымъ образомъ стали примѣнять на дѣлѣ всѣ практическія указанія, которыя тяжелымъ опытомъ, самоотверженнымъ трудомъ вынесли наши труженики изъ своей братской дѣятельности во время Франко-Прусской войны.

Пославъ 30 врачей, истративъ до 60-ти тысячъ на чужія бѣды, Государыня ни на минуту не забывала своихъ сыновей-борцовъ за славу, благоденствіе родины. Еще въ 1868-мъ году, въ безводныя пустыни Туркестана, вслѣдъ за нашими геройскими отрядами,

*) Эльзасъ и Лотарингію.

она послала перевязочныя средства, бѣлье, теплую одежду, палатки для раненыхъ, чтобы, по возможности, облегчать непомѣрныя трудности переходовъ подъ палящимъ солнцемъ юга, по солончакамъ и песчанымъ равнинамъ Средней Азіи. Для перевозки больныхъ и раненыхъ были изобрѣтены особаго рода деревянныя носилки, изъ которыхъ на привалахъ создавались моментально удобныя койки: ихъ прикрѣпляли на верблюдахъ такъ искусно, что, несмотря на неровный шагъ этихъ животныхъ, больные лежали удобно, какъ въ люлькахъ.

Въ 1871-мъ году отправлены были далеко за степи, въ Кульджу, два санитарные отряда, а въ Угрѣ открытъ собственный лазаретъ Общества. Самоотверженно шли посланцы Царицы въ самую глубь неизвѣданныхъ еще тогда степей, принося ея именемъ спасеніе, отраду, облегченіе роднымъ войскамъ, борцамъ за покой далекой окраины. И какое утѣшеніе чувствовала Государыня и руководимое ею Общество, когда факты убѣдили ихъ въ цѣлесообразности всѣхъ принимавшихся мѣръ и въ блестящихъ результатахъ такихъ добросовѣстныхъ сердечныхъ усилій! Количество заболѣваній убывало, — ихъ предупреждали; излѣченіе ранъ шло замѣтно успѣшнѣе, и жертвъ войны, при тщательности санитарныхъ мѣръ, было меньше, чѣмъ когда бы то ни было. Радовалась Императрица, но не успокаивалась. Считая предметомъ заботы Общества войну, какъ совокупность всѣхъ бѣдствій, она ни на минуту не складывала рукъ и во дни мира. Эпидеміи, несчастные случаи, всякое народное бѣдствіе волновало и огорчало Марію Александровну. Ея Общество попеченія о раненыхъ заботилось и о больныхъ, и о голодныхъ, и о несчастныхъ. Ско-

рая, щедрая, умѣлая помощь Общества являлась во всѣхъ мѣстахъ народнаго горя, всюду, гдѣ ощущалась въ ней нужда.

Страшное землетрясеніе разрушило въ 1872 году городъ Шемаху. По волѣ матери-Царицы, былъ установленъ сборъ деньгами и вещами въ помощь пострадавшимъ. Щедро откликнулась Россія. Ревностно устремились на помощь члены Общества. Разрушенные дома воздвигались, старые подновлялись, изувѣченныхъ, заболѣвшихъ отъ перепуга лѣчили, голодныхъ кормили, потерявшихъ имущество поддерживали.

Черезъ годъ полный неурожай обездолилъ Самарскую губернію. Общество устремилось и туда на помощь бѣдствующему народу. Походные лазареты, кухни, мука, сѣмена для посѣва, теплая одежда посыпались въ несчастный край. Развились общественныя работы, такъ какъ на мѣстѣ заработковъ не могло быть, и скотъ погибъ отъ безкормицы. Средства такъ и прибывали въ кассу Общества; родина вѣрила въ его благотворную дѣятельность, а Императрица видѣла неутомимость исполнителей ея воли. Она настаивала, чтобы, какъ можно, менѣе раздавалось денегъ на руки, чтобы особенно бѣдныя семейства обезпечивались продовольствіемъ, одеждой, заработками.

Сгорѣлъ Моршанскъ, за нимъ—Пултускъ, Брянскъ, Ржевъ, Вольскъ, Оренбургъ—всѣхъ не перечтешь. Къ нимъ являлось Общество съ своей помощью, своей заботой, своимъ спасительнымъ участіемъ. Эпидеміи тифа, дефтерита, ветлянки, по ужасу своихъ опустошеній, пожалуй, неуступающія войнѣ, были, дѣйствительно, тяжелымъ, сердце раздирающимъ, но полезнымъ поприщемъ для дѣйствительнаго подготовленія къ трудамъ военнаго времени. Работающій на

мѣстѣ персоналъ получалъ врачебную опытность, нравственную силу, сплачивался въ нѣчто цѣлое, дѣятельное, неутомимое, необоримое! Высшая руководящая администрація привыкала привлекать средства, располагать ими практично, сообразно съ ихъ огромнымъ притокомъ. Быстротѣ и практичности поданія помощи способствовала все болѣе и болѣе развивавшаяся дѣятельность мѣстныхъ отдѣловъ Общества. Зная хорошо страданія и нужды горемъ застигнутой мѣстности, всѣ сосѣдніе отдѣлы быстро сплачивались для принесенія помощи и дѣлили между собой щедрыя присылки Главнаго Управленія.

V.

Теплымъ сердцемъ и яснымъ умомъ Императрица понимала всю важность женскаго заботливаго ухода за страждущими. Приготовить не только желающихъ, но и свѣдущихъ, научно-развитыхъ борцовъ съ народными бѣдствіями считала она святою обязанностью Общества. На воспитаніе санитарнаго персонала, по волѣ Государыни, обращено было очень большое вниманіе. Школы фельдшерицъ и фельдшеровъ Общины сестеръ милосердія стали открываться и въ столицѣ и въ провинціи. Въ Москвѣ процвѣтала Община сестеръ милосердія «Утоли моя печали», въ Тамбовѣ, Самарѣ, Вяткѣ открывались онѣ одна за другой. Отзывчивое русское сердце охотно и очень производительно трудилось, руководимое своею Августѣйшею Монархинею. Изъ Крыма въ Царское Село отъ 25 іюня 1875 г. летѣло самое краснорѣчивое посланіе.

«Всемилостивѣйшая Государыня!» гласило оно: «Горячее желаніе видѣть Дженитъ преобразованнымъ въ убѣжище для больныхъ даетъ мнѣ смѣлость без-

покоить Ваше Величество. Съ Божіей помощью, мы надѣемся открыть нашу Общину въ теченіе будущей осени, но прежде всего позвольте мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, повергнуть къ стопамъ Вашимъ двѣ просьбы: первая, чтобы Ваше Величество осчастливили вновь основываемое Дженитское Общество принять подъ Свое всесильное покровительство, и присоединить это наше смиренное подношеніе къ учрежденіямъ «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ». Вторую просьбу обращаемъ къ Вашимъ Императорскимъ Величествамъ: благоволите согласиться, чтобы Община была открыта въ память въ Бозѣ почившей Императрицы-Матери. Позволяю себѣ предложить для нашего заведенія слѣдующее наименованіе: «Крымская Благовѣщенская Община сестеръ милосердія, состоящая подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества и основанная въ память въ Бозѣ почившей Императрицы Александры Ѳеодоровны». Исполненіе этихъ двухъ просьбъ сдѣлаетъ меня вполнѣ счастливой.»

«Цѣлую Ваши милыя ручки со всею нѣжностью моего сердца и имѣю честь наименоваться Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшая».

Конечно, это доброе желаніе было тотчасъ исполнено. Настоятельницей Общины была назначена М. С. Сабинина. Благодаря сердечной заботливости Августѣйшихъ Покровителей, въ нравственной и матеріальной поддержкѣ недостатка не было, и Дженитская Община принимала самое полезное, самое дѣятельное участіе во всѣхъ благотворительныхъ подвигахъ нашего «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ».

Ничто, повидимому, не должно было мѣшать

мирному развитію благотворительной дѣятельности въ нашей родинѣ, шедшему рука объ руку съ умственнымъ и нравственнымъ ростомъ государства. Казалось, совершенно исчезли съ горизонта Европы малѣйшіе признаки недоразумѣній между государствами, какъ вдругъ показалась маленькая точка въ сѣверозападномъ углу Балканскаго полуострова.

— «Охъ, какъ мучаютъ турки бѣдныхъ герцеговинцевъ!» говорили, вздыхая, благодушныя наши барыни, на балконахъ своихъ нарядныхъ дачъ, въ окрестностяхъ Петербурга, и по деревнямъ, заразъ прочитывая получаемыя пачками столичныя газеты.

— «Герцеговинцы встаютъ», немного громче заявляла молодежь: «невтерпежъ бѣднымъ»!

— «Опять приходится думать о международныхъ конфликтахъ», огорченно ворчали сановники.

— «Это насъ, русскихъ, нисколько не касается», утѣшали другъ друга благородные коллеги.

— «А что, господа, мы не заступимся за единовѣрцевъ»? щипля нарождающійся усъ, говорилъ юный корнетъ, на валикѣ, передъ полкомъ, въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ.

— «Ого! второй звѣздочки захотѣлось!» весело отвѣтилъ товарищъ.

— «Ура, русскій штыкъ! Ура!» понеслось кругомъ.

— «Чего это расходилась сегодня молодежь»? ворчливо замѣтилъ штабной полковникъ, проходя подъ руку съ интендантомъ по гладко выметенной аллеѣ.

— «Отъ бездѣлья! Мало выводятъ на ученье, недостаточно муштруютъ, вотъ и шумятъ».

*

— «Штыкъ, какъ будто, поминаютъ. ужъ не...»

— «Какой у васъ прекрасный слухъ, полковникъ! Вотъ пригодится-то, когда получите обѣщанный полкъ»!

— «Когда получите, когда получите!.. вѣрно, никогда! Не за мной очередь».

— Для таланта нѣтъ очереди», вкрадчиво щурясь и улыбаясь, проговорилъ интендантъ,—и оба скрылись за ближайшими бараками.

Въ Западной Европѣ пошли также свои разговоры. «Принаймите еще агентовъ, разошлите по непокойнымъ мѣстностямъ, а сами прислушивайтесь хорошенько къ тому, что во всѣхъ слояхъ общества говорятъ, начиная со Двора и кончая деревней, что замалчиваютъ, на что намекаютъ въ Вѣнѣ, по поводу турецкихъ неурядицъ». Такъ писалъ шифромъ изъ своего уединеннаго Варцинскаго замка умный Бисмаркъ прусскому послу при Вѣнскомъ дворѣ.

А точка на сѣверо-западѣ Балканскаго полуострова разросталась. На вопли боснійцевъ и герцеговинцевъ отозвались единоплеменные имъ славяне Сербіи и Черногоріи. Они вооружались, послышались раскаты грома, такъ-какъ турки силой стали усмирять возставшихъ. Славяне поднимались поголовно. Безсильные, безпокойные бѣжали въ Далмацію, за Черную Гору. Кровь полилась рѣкою.

— «Нашихъ братьевъ рѣжутъ»! возопилъ православный русскій народъ. Въ церквахъ раздалась горячая молитва за единовѣрныхъ мучениковъ. Разгоралось раздраженіе мусульманъ, ему отвѣчалъ обиженный православный людъ.

Пришлось нашимъ дипломатамъ, хотя и скрѣпя сердце, принатужиться и зашевелить перьями.

Замѣститель отсутствовавшаго канцлера князя Горчакова, баронъ Жомини отправилъ отмѣнно-вѣжливую ноту, конечно, нешифрованную, а самую откровенную, въ ту же Вѣну, предлагая установить въ австрійской столицѣ центръ соглашенія трехъ Императорскихъ дворовъ, съ цѣлью изыскать средства, ограничить, прекратить безпорядки, или, по меньшей мѣрѣ, не дать имъ разростись настолько, чтобы они могли угрожать европейскому миру. «Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы вмѣшаться во внутреннія дѣла Турціи, но державы могутъ дѣйствовать на обѣ стороны, чтобы побудить возставшихъ къ покорности,—сербовъ и черногорцевъ къ нейтралитету,—Турцію же къ милосердію и справедливымъ преобразованіямъ.»

И невдомекъ было этому швейцарцу *), что онъ расточаетъ сладкія рѣчи передъ католиками и лютеранами, когда дѣло идетъ объ угнетеніи православныхъ; чужеземецъ не сознавалъ, что онъ же самъ, хотя и неправославный, но все же представитель православнаго славянскаго государства.—Конечно, кабинеты откликнулись и, съ согласія Турціи, послали своихъ консуловъ къ вожакамъ возстанія!

Пока шли неумѣлые, безцѣльные переговоры, возбужденіе православныхъ славянъ все росло и увеличивалось. Сосѣдняя къ нимъ Австро-Венгрія давно не дремала, она уже трусила, потому что въ ея предѣлахъ въ тяжеломъ порабощеніи у католиковъ было такъ много православныхъ подданныхъ!

— «А ну, какъ возстанутъ, какъ вздумаютъ опереться на единовѣрную имъ великую Россію»? заво-

*) Баронъ Жомини, братъ генерала французской службы, перешедшаго къ намъ отъ Наполеона I, былъ родомъ швейцарецъ, исповѣданія римско-католическаго.

пили дипломаты. Даже въ голосъ заговорили, прося совѣта у мудреца изъ Варцина. Забыли, что онъ ихъ только что обобралъ, какъ липку, отнялъ у Австріи вѣковыя привилегіи, прародительскія права. Все позабыто со страха, изъ ненависти къ православію и его благодушнымъ сынамъ!

Поѣхали дипломаты изъ Вѣны и Берлина, по германскимъ лѣчебнымъ водамъ: сговаривались, обдумывали, собирали себѣ единомышленниковъ во всѣхъ остальныхъ дворахъ Европы, чтобы ловчѣе, выгоднѣе для себя справиться съ новой славянской грозой—обойти, обидѣть, насолить всѣми нелюбимому восточному колоссу.

— «Ну, какъ онъ да по своему заговоритъ? Вѣдь его представитель въ Константинополѣ, дѣйствительный патріотъ, прирожденный русскій, не дастъ Родины въ обиду!» И стали изловчаться, играть на самыхъ нѣжныхъ струнахъ: личной дружбѣ, кровномъ родствѣ владѣтельныхъ родовъ.

Въ Салоникахъ убили турки французскаго и германскаго консуловъ. Полетѣлъ Андраши въ Берлинъ, къ Бисмарку на поклонъ. За нимъ и нашъ старичокъ-канцлеръ. Имъ казалось, что Англія съ ними заодно, а Франціи, вполнѣ безсильной, нечего и говорить: ее же такъ недавно, такъ сильно обобрали. Судили, рядили и отправили въ Константинополь меморандумъ съ предложеніемъ присмирѣть, дать миръ и покой своимъ славянскимъ подданнымъ,—не то худо будетъ. Только очень-то худо не могло бы случиться, такъ какъ Англіи не понравился властный тонъ ея друзей, и она отправила свой флотъ въ помощь,—да только не христіанамъ! Таковы уже были дипломатическіе пріемы честной, нравственной, религіозной,

правдивой Великобританіи! Но Константинополь распорядился по-своему. Что ему за дѣло до Европы и ея требованій, благо, всѣ ея правительства и сговориться-то не умѣли! Придворная революція убила султана Абдулъ-Азиса, расточителя и деспота, а на его мѣсто посадила Мурада V-го. При немъ еще неистовѣе принялись варварски душить славянъ. Правители Сербіи и Черногоріи должны были покориться народному натиску, вооружиться и встать на защиту единовѣрцевъ. Князья Николай Черногорскій и Михаилъ Сербскій были провозглашены вождями защиты.

Въ Россіи весь народъ насторожился еще при первыхъ звукахъ борьбы, при первыхъ стонахъ своихъ единовѣрцевъ по ту сторону Дуная! Православный людъ сталъ волноваться, открылись славянскіе комитеты въ столицахъ, посыпались къ нимъ щедрыя жертвы на святое дѣло. Милосердая Царица вдохновила свое Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ. Оно первое двинулось. Не одни медикаменты, денежная и матеріальная помощь посылались въ лагерь возстанія. Цѣлый врачебный отрядъ отправился въ Черногорію. Врачи, сестры милосердія, какъ добрые ангелы, полетѣли утѣшать страдальцевъ, помогать осиротѣлымъ, обѣднѣвшимъ.

Сразу открылись два лазарета съ отдѣленіемъ для женщинъ и дѣтей. Дисентерія, дифтеритъ, рожа, ревматизмъ, воспаленіе мозговыхъ оболочекъ, корь, коклюшъ наводнили возставшія провинціи и предоставили широкое поле нашей благотворительности, не говоря уже о жертвахъ кровавой сѣчи, которымъ наши санитары бросились помогать съ беззавѣтной неутомимостью. По мѣрѣ того, какъ разросталось возстаніе, росло на Руси и сочувствіе къ братьямъ славянамъ.

23 августа 1875 года Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, баронъ Жомини получилъ Высочайшее соизволеніе на открытіе сбора пожертвованій при нашихъ славянскихъ комитетахъ въ пользу жертвъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, только съ условіемъ, чтобы изъ нихъ не удѣлялось на помощь «инсургентамъ», т. е. бунтовавшимъ, бѣжавшимъ за предѣлы Турецкой имперіи. А ихъ было много, они наводнили Черногорію, Далмацію, даже Италію.

Нашъ неподражаемый историкъ С. С. Татищевъ въ своемъ трудѣ «Императоръ Александръ II» приводитъ громадныя цифры 700.000, 800.000 р., пересланныхъ въ помощь славянамъ отъ нашихъ славянскихъ комитетовъ. Азіатскій департаментъ далъ 10.000, Одесса 20.000, Государь 30.000. Общество переслало изъ своихъ суммъ въ одну Черногорію 85.000 р. Издатели газетъ посылали ихъ даромъ на театръ военныхъ дѣйствій. Когда, послѣ войны, Красный Крестъ сдѣлалъ подсчетъ израсходованнымъ имъ суммамъ, ихъ оказалось: 16,788,142 руб. 31 коп. Этотъ подъемъ народнаго духа, это стихійное, религіозное движеніе на помощь братьямъ-единовѣрцамъ, былъ особенно ярко подчеркнутъ русской женщиной. Освободительная борьба Креста противъ гнета полумѣсяца дала ей возможность приложить всю силу своей отзывчивой души, свой неутомимый трудъ на помощь несчастнымъ страдальцамъ за свободу.

«Сестры, посланныя сюда, оставляютъ въ моемъ отечествѣ», пишетъ князь Николай съ своей Черной Горы, «неизгладимыя воспоминанія о милосердіи русской женщины, чувство, которое составитъ новое звено, связующее насъ съ Великой Россіей!»

Еще шли переговоры между правительствами, война не была еще объявлена, а русская женщина уже встрепенулась и пошла вслѣдъ за добровольцами ухаживать за ранеными, спасать отъ смерти страждущихъ. Съ Царицей-Матушкой во главѣ, она встала во всемъ ореолѣ своего нравственнаго величія и выразила полную готовность нести бремя служенія сестры милосердія на полѣ брани.

Главное Управленіе «Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ», подъ сѣнью Краснаго Креста, было уже готово использовать эту задушевную женскую силу. Энергично шло въ Общинахъ, въ школахъ фельдшерицъ и во всѣхъ центрахъ, гдѣ существовали отдѣлы Общества, практическое подготовленіе святыхъ труженицъ. Врачи настаивали на этомъ и прилагали всѣ свои старанія къ успѣшному прохожденію сестрами подготовительныхъ курсовъ. Дамскіе комитеты добросовѣстно, усердно несли на себѣ всѣ матеріальныя хлопоты. Какъ искренно ни желалъ нашъ Государь мирно удовлетворить законныя требованія славянскихъ подданныхъ Турціи, война сдѣлалась неизбѣжною.

Освобожденіе славянскихъ племенъ повело бы ихъ, пожалуй, къ тѣснѣйшему единенію, изъ котораго выростетъ, конечно, не нѣмецкая сила! Этого не могъ, даже въ мысляхъ, допустить фанатикъ-патріотъ,—геніальный дипломатъ Бисмаркъ. Австрія понимала его всѣмъ своимъ существомъ; обезсиленная возвышеніемъ Пруссіи, она не могла и помыслить о сліяніи воедино своихъ и турецкихъ славянъ. Христіаннѣйшая Англія всегда и во всемъ опасалась малѣйшаго ущерба своей міровой торговлѣ, и потому всей силой своей дипломатіи поддерживала фана-

тизмъ магометанъ противъ несчастныхъ ихъ рабовъ—православныхъ славянъ.

Остальная Европа шла на привязи у первенствующихъ державъ, склоняясь передъ авторитетомъ Берлинскаго кабинета.

Славяне бились на славу. Наши добровольцы, предводимые геніальнымъ Черняевымъ, высоко несли свое знамя. Вся земля православная рвалась спасать единовѣрныхъ мучениковъ турецкаго варварства. Европейскіе дипломаты все еще переговаривались, имъ хотѣлось выиграть время, дать Турціи возможность собраться съ силами. Мы же все старались потушить огонь безчисленными депешами, нотами и кроткими уговорами, соглашеніями, и даже уступками, стремясь добиться умиротворенія фанатиковъ-преслѣдователей. Ничто не помогло!

VI.

Войну объявили. Войска двинулись къ Дунаю.

Одновременно съ обнародованіемъ Высочайшаго манифеста 12 апрѣля 1879 г., Императрица въ своемъ рескриптѣ Главному Управленію Общества сказала, между прочимъ:

«Нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ будутъ велики и многообразны; но я знаю, какъ великъ духъ братской любви и благотворительности, искони живущій въ русскомъ народѣ. Я увѣрена, что и теперь, когда наше храброе войско идетъ стать грудью противъ врага, за освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ собратій,—не оскудѣетъ дающая рука, и горячее чувство народное не ослабѣетъ во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ краяхъ нашего обширнаго Отечества. Всякое даяніе будетъ благо, всякое приноше-

Императрица Марія Александровна напутствуетъ сестеръ милосердія, отправляющихся на войну въ 1877 году. *(Къ стран. 203.)*

ніе—и великое, и малое, равно цѣнно предъ Богомъ, какъ жертва любви, всѣхъ насъ связующей воедино, во имя Христово».

Русскій народъ отзывчивымъ на этотъ призывъ сердцемъ вполнѣ оправдалъ надежды, возложенныя на него Царицею. Русская женщина, по слову Высочайшей Матери, откликнулась на ея призывъ и двинулась на помощь роднымъ борцамъ, на службу Царю и Отечеству во славу Православной Церкви.

Впереди шли Общины: Крестовоздвиженская, Георгіевская, Покровская, «Утоли моя печали» и Благовѣщенская.

«Не ослабѣетъ горячее чувство, и жертва любви не оскудѣетъ», сказала Государыня Обществу, послѣ отправки сестеръ на войну. И чувствовали, и вѣрили, и жили этими Высочайшими словами всѣ и каждая изъ отъѣзжавшихъ сестеръ. Ихъ отправляли отрядами, состоящими, большею частью, изъ 16-ти младшихъ сестеръ, при одной старшей. Умилительно, торжественно обставлялся отъѣздъ нашихъ милосердныхъ труженицъ. Тихо, какъ тѣни, двигались по раззолоченнымъ Царскимъ покоямъ милыя сестры, то въ сѣрыхъ, то въ коричневыхъ платьяхъ, бѣлыхъ передникахъ и бѣлыхъ косынкахъ на головахъ. Красный Крестъ виднѣлся на груди и на рукавѣ каждой изъ нихъ.

Матушка-Царица съ Цесаревной встрѣчали милостивымъ, ласковымъ привѣтомъ, добрымъ словомъ представляющихся; колѣнопреклоненно принимали сестры знаменіе креста Господня, которымъ осѣняла каждую изъ нихъ Августѣйшая Покровительница Краснаго Креста. Каждую знали лично Государыня и Цесаревна, съ каждой говорили; чувствовалось, что за каждой

будутъ слѣдить ихъ сердобольныя сердца; и, покидая землю родную, часто дорогихъ, близкихъ, каждая сестра неоспоримо вѣрила, что за нею, съ высоты престола, заботливо глядитъ Мать-Царица и ея неутомимая сотрудница, Государыня Цесаревна.

Толпы народа осаждали Варшавскій вокзалъ къ часу отхода поѣзда; всѣмъ хотѣлось высказать добрыя пожеланія отъѣзжающимъ, благословить на подвигъ отважныхъ русскихъ дочерей, стремившихся утолять чужія страданія, служить несчастнымъ жертвамъ человѣческой косности и злобы.

Ея Высочество Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская сама провожала на вокзалъ каждый отрядъ, ѣхавшій на Дунай и на Кавказъ, такъ какъ театръ нашихъ военныхъ дѣйствій дѣлился надвое. И на Балканахъ и за Кавказомъ палили наши пушки, громя поклонниковъ пророка за ихъ звѣрство къ нашимъ единовѣрцамъ. И тутъ и тамъ раздавались стоны страдальцевъ, умиравшихъ за родину. И тутъ и тамъ отряды Краснаго Креста шли облегчать ихъ страданія, не сторонясь выстрѣловъ, не помня себя изъ любви къ ближнимъ!

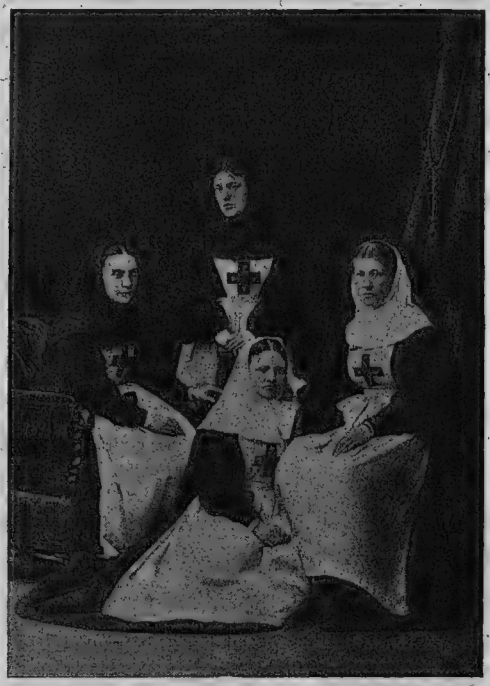
Среди санитаровъ, работавшихъ въ отрядахъ Краснаго Креста на Кавказѣ, можно было встрѣтить многихъ истинныхъ героевъ изъ духоборцевъ Елизаветпольской губерніи. И тутъ санитарные отряды трудились съ неутомимой энергіей. Какъ добрый геній-утѣшитель, явилась Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна среди страдальцевъ-храбрецовъ въ Александраполѣ, куда перевозили массами раненыхъ съ полей битвъ, и изъ подъ Карса. Не дожидаясь ихъ размѣщенія по лазаретамъ и баракамъ, Ея Высочество нетерпѣливо торопилась навстрѣчу первому отряду. Шагомъ

тащились, скрипя и трясясь, арбы одна за другою съ своею болящей ношей. Неудобно, еще неумѣлой рукой были уложены бѣдные солдатики. Ихъ страдальческій видъ вызвалъ горькія слезы на глазахъ прелестной Великой Княгини. Умнымъ взглядомъ окинула она тяжелую картину, теплымъ сердцемъ рѣшила, что этого больше не должно допускать, и тутъ же стала обдумывать и отдавать точныя, мѣткія приказанія, для немедленнаго оборудованія рессорныхъ повозокъ, въ родѣ продолговатыхъ бричекъ, гдѣ были бы разложены удобные тюфяки. Не проходило дня, чтобы Ея Высочество не обходила лазаретовъ и бараковъ; она присутствовала при операціяхъ, утѣшая и ободряя слабыхъ, добрымъ словомъ поддерживая выздоравливающихъ; за многихъ сама писала и письма на родину. Она оживляла ласковымъ словомъ и поддерживала всѣхъ, лично ей извѣстныхъ, и врачей, и сестеръ милосердія.

Загремѣли пушки на Дунаѣ! двинулись родные храбрецы, черезъ полноводную славянскую рѣку, на вражью землю; за ними немедленно тронулись и Общины, съ любовью спѣша на помощь своимъ, забывая всѣ лишенія, всѣ неудобства, трудности похода, лишь бы во время помочь, облегчить страданія. Имъ вслѣдъ неслись благословенія Царицы, слезы, пожеланія и щедрая матеріальная помощь Родной земли.

Рано начинался въ баракахъ, на перевязочныхъ пунктахъ день сестеръ милосердія, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ночь позволяла имъ хотя немного заснуть, успокоиться. Все спитъ еще кругомъ, а дежурная поднимаетъ уже своихъ подругъ на помощь, чтобы удобнѣе переложить разметавшихся во снѣ страдальцевъ. Стоны слышатся то съ той, то съ дру-

гой кровати. Многихъ и сонъ не беретъ отъ нестерпимой боли. Тускло мерцаютъ въ душномъ ночномъ воздухѣ свѣчи и лампы. Спѣшатъ добрыя души на призывъ, утоляютъ жажду, обмываютъ сбившіяся перевязки, грѣютъ воду, мѣняютъ компрессы. Все имъ по силамъ, все онѣ могутъ, умѣютъ, хотятъ дѣлать. За ними рвется и прислуга. Заразителенъ примѣръ, — онъ облегчаетъ трудъ, удваиваетъ силы, вноситъ миръ въ душу, ясность во взглядъ, вызываетъ добрую, бодрящую улыбку на лицо.



Сестры милосердія Энгельгардъ, Юхонцова и ихъ сотрудницы.

Во время августовскихъ битвъ на Шипкинскихъ высотахъ, черезъ руки четырехъ сестеръ: Софьи Александровны Энгельгардъ *), Ольги Николаевны Юхонцевой, Александры Александровны Тепляковой и жены извѣстнаго шипкинскаго героя, генерала Духонина, въ самое короткое время прошло болѣе 3.000 раненыхъ. У Иванъ-Чифлика, на Ломѣ, на самомъ полѣ сраженія, подъ огнемъ сестеръ было шестеро,—онѣ справились съ 500 человѣкъ. Подъ Плев-

*) Энгельгардъ, Юхонцова и Духонина удостоены были особой медали «за храбрость» на георгіевской лентѣ.

ной имъ на руки досталось еще большее число страдальцевъ.

Въ одной палатѣ Боготскаго госпиталя лежали гангренозные раненые, обреченные на смерть. Для нихъ не было и тѣни надежды на выздоровленіе,— смерть стояла надъ ними неминучая. Двѣ сестры милосердія — старушка Чернявская и ея молоденькая племянница — не считали возможнымъ покинуть обреченныхъ: дни и ночи проводили онѣ въ этомъ шатрѣ смерти, облегчая несчастнымъ ихъ послѣднія минуты — переходъ въ лучшую, безболѣзненную жизнь. Господь подкрѣпилъ ихъ, спасъ, сохранилъ, несмотря на зараженный, смертоносный воздухъ!

Сестра милосердія Екатерина Васильевна Духонина—жена полкового командира.

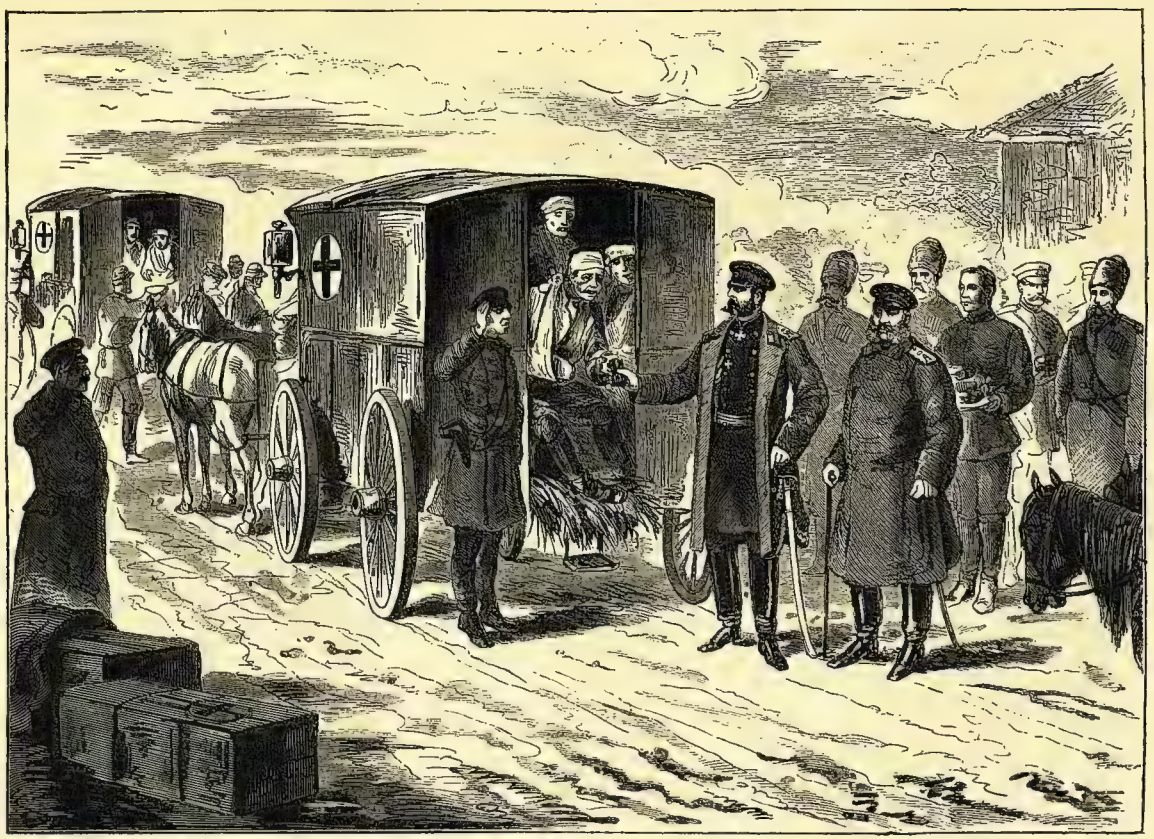
Вотъ картинка, снятая съ натуры; она краснорѣчивѣе живописной.

Полночь... тусклымъ свѣтомъ ночники мерцаютъ,
Рядъ тѣней зловѣщихъ по стѣнамъ мелькаетъ,
Смерть, удушливъ воздухъ; запахомъ больницы
Весь пропитанъ. Койки длинной вереницей
Тянутся, тѣсняся и теряясь въ мракѣ.
Грустно, жутко, страшно въ низенькомъ баракѣ.
Что ни взоръ,—то мука, что ни шагъ,—страданье.
Вопли, бредъ ужасный, стоны, скрежетанье.
—«Охъ, конецъ, сестрица!.. Пить... Воды скорѣе!»
—«Гдѣ сестра?»—«Ой, тяжко!.. Смерть мнѣ... Цѣ-пе-нѣю».
—«Охъ, сползла повязка—на, поправь, сестрица».

—«Жарко!.. льду!.. сгорю я... душитъ огневица»!
Силъ нѣтъ хладнокровно слышать эти звуки,
Видѣть эти лица... эти злыя муки...
А она, какъ Ангелъ—безмятежный, ясный,
Носится неслышно въ той средѣ ужасной.
Все-то видитъ, слышитъ... всюду поспѣваетъ...
Полусловомъ, лаской муки облегчаетъ.

Въ амбулатории Краснаго Креста.

—«Потерпи, дружечекъ, завтра молодцомъ ты будешь».
—«А тебѣ повязку... Грудь закрой, простудишь».
—«Здѣсь я, здѣсь... Въ минутку! На, испей, болѣзный».
. . . . . .
Словно въ этомъ тѣлѣ слабомъ—духъ желѣзный.
Верхъ взяла истома, побѣдивъ мученья,
И забылись тяжкимъ сномъ изнеможенья
Бѣдные страдальцы... Стихли стоны, звуки...



Императоръ Александръ II встрѣчаетъ раненыхъ.

(Къ стран. 209.)

Ангелъ сна спустился въ храмину мученій,
И она въ истомѣ на руку склонилась...
Чуткою дремотой на часокъ забылась.

Самъ нашъ Царь-Батюшка считалъ святою своею обязанностью посѣщать эти храмины страданій, гдѣ сверхчеловѣческими усиліями добрыхъ ангеловъ, посылаемыхъ его Августѣйшею Супругою, были призрѣны, успокоены герои-страдальцы. Часто посылалъ онъ ей самыя точныя свѣдѣнія о дѣятельности, о состояніи ея санитарныхъ отрядовъ. Подъ Плевной онъ ежедневно дѣлалъ свой благословенный обходъ госпиталей и лазаретовъ, находившихся въ тылу арміи. Нѣкоторые транспорты онъ встрѣчалъ на пути. Отдѣльныхъ раненыхъ, еще не обезсилѣвшихъ, шедшихъ особняками, онъ сажалъ съ собою въ коляску и довозилъ до мѣста перевязки. Однажды при обходѣ онъ спросилъ дивизіонныхъ докторовъ Приселкова и Косинскаго: «Сколько ихъ»?—«9600, Ваше Величество», былъ короткій отвѣтъ.—«Охъ, какъ ужасно! и все еще безъ результата», проговорилъ онъ и заплакалъ. Потомъ, обращаясь къ врачамъ и подавая имъ руку, прибавилъ прочувствованно: «Спасибо вамъ за спасительный, томительный трудъ! Спасибо всѣмъ врачамъ. Самъ вижу, какъ они въ крови ходятъ, спасая, помогая. Гдѣ теперь мои герои?» Инспекторъ отвѣтилъ, что во временномъ госпиталѣ, находящемся вблизи Радоницъ, въ деревнѣ Булгарени, для повторной, окончательной перевязки, и что оттуда ихъ переправятъ за Дунай.

— «Такъ близко? Ну, Дмитрій Александровичъ», сказалъ онъ взволнованно военному министру: «сейчасъ поѣдемъ туда».

6-го ноября, по обычаю, Его Величество отпра-

вился въ деревню Згалевицы, осматривать помѣщенный тамъ центральный военно-временной госпиталь. Царская коляска успѣла только что остановиться у распахнутаго входа, какъ на дорогѣ показался мчавшійся всадникъ,—узнали начальника военно-походнаго телеграфа.

— «Карсъ взятъ! Имѣю честь поздравить Ваше Величество!» Государь измѣнился въ лицѣ, снялъ фуражку, перекрестился и весь сіяющій, радостный, пошелъ въ госпиталь дѣлиться своею радостью. Онъ спѣшилъ утѣшить доброй вѣстью своихъ любимцевъ раненыхъ, такъ терпѣливо, безропотно переносившихъ свои страданія отъ ранъ, полученныхъ за вѣру, Царя и Отечество.

27 ноября Османъ Паша, такъ упорно, долго и такъ храбро державшійся въ Плевнѣ, рѣшился на отчаянную попытку прорваться чрезъ окружавшія его со всѣхъ сторонъ русскія войска, чтобы открыть своей арміи путь къ Виддину или Софіи. Съ этою цѣлью онъ всѣми своими силами ударилъ на нашихъ гренадеръ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вида.

28-го ноября Великій Князь главнокомандующій сообщилъ Государю о движеніи врага, и самъ повелъ впередъ наши силы прямо на Плевну. Государь стоялъ на Императорскомъ редутѣ, прислушиваясь къ оглушительному грохоту орудій, слѣдя по раскатамъ залповъ за движеніемъ отрядовъ.

Яснымъ становилось, что Великій Князь занимаетъ Плевну, въ тылу оставившей ее турецкой арміи. Томительна была неизвѣстность, но чувствовалось по умолкавшей канонадѣ, что счастье побѣды какъ будто склоняется на нашу сторону. Наконецъ, около четырехъ часовъ дня вдали показалась быстро двигав-

шаяся точка. Вотъ она стала ближе, и тутъ разглядѣли офицера, который махалъ фуражкой. Въ вѣстникѣ узнали помощника коменданта главной квартиры Моравскаго. Онъ увидѣлъ Государя.

—«Ваше Величество, Османъ сдался!»крикнулъ онъ не своимъ голосомъ. Императоръ быстро двинулся ему навстрѣчу.—«Правда»? послышался нетвердый вопросъ.

— «Ей Богу, такъ, Ваше Величество!» Благодарно поднялъ Государь глаза на небо, слезы блеснули въ славныхъ глазахъ.

— «Молодецъ, спасибо! поздравляю тебя моимъ флюгель-адъютантомъ». Онъ подалъ счастливцу свою Царскую руку. Оглушительное «ура» всей свиты отвѣтило на ласку Монарха.

Пять минутъ спустя прискакалъ другой гонецъ отъ главнокомандующаго. Тотъ доложилъ, что атака Османомъ нашихъ гренадеръ была неистовая, стремительная, что передовая линія дрогнула; но за то, слѣдующія, въ свою очередь, ринулись впередъ съ безумнымъ ожесточеніемъ. Бой былъ отчаянный, мы опрокинули врага за Видъ, гдѣ турки и выкинули бѣлый флагъ. Въ три часа пополудни Османъ Паша вручилъ свою саблю генералу Гонецкому.

Окрыленныя побѣдой, войска наши стремительнымъ, неудержимымъ потокомъ, быстро, безостановочно шли впередъ,—за Балканы. Генералъ Гурко разбилъ на голову и разсѣялъ армію Сулеймана-паши. Передъ нашими силами, приближавшимися къ Андріанополю подъ командою генерала Струкова, турки очистили свои укрѣпленія безъ выстрѣла. Они совершенно потеряли голову и отступали въ безпорядкѣ,—бросая оружіе даже и передъ кавалерійскими нашими разъѣздами.

14 января 1878 года великій князь главнокоман-

дующій прибылъ въ Адріанополь по желѣзной дорогѣ. Сила сопротивленія турокъ была сломлена. Порта молила о мирѣ, пощадѣ.

Война окончилась: Царь, Освободитель крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, явился на страницахъ всемірной исторіи освободителемъ и единовѣрныхъ братьевъ своего народа,—христіанъ Балканскаго полуострова, отъ вѣковыхъ оковъ рабства, наложенныхъ на нихъ побѣдителями-турками.

Вернулся Богомъ хранимый Отецъ къ своимъ дѣтямъ съ своими сыновьями и братьями, вернулся Августѣйшій Супругъ къ счастливой Матери-Царицѣ, выдержавшей столько мѣсяцевъ тревожныхъ страданій за мужа, сыновей и всѣхъ русскихъ, бившихся такъ беззавѣтно-храбро: они чисто по-христіански силы и душу свою полагали за братьевъ своихъ, измученныхъ, истерзанныхъ злыми варварами-магометанами.

«Почитаю себя счастливой, что Промыслъ Божій судилъ Мнѣ стоять въ великую для Россіи годину брани», пишетъ Государыня въ своемъ рескриптѣ, данномъ Главному Управленію Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, «во главѣ учрежденія, послужившаго столь достойно и съ такимъ успѣхомъ къ облегченію бѣдствій войны для храбрыхъ воиновъ.... Я увѣрена, что во всякое время, когда бы, по волѣ Божіей, ни потребовалось Обществу Россійскаго Краснаго Креста стать на чреду своего служенія, на зовъ его отзовутся съ тою же горячностью, какъ и въ прошлую войну, русскія сердца, исполненныя вѣры и любви къ отечеству».

Символомъ этого Общества, лозунгомъ этого ополченія заботливыхъ братьевъ и сестеръ о страждущихъ воинахъ, избраны Государыней святыя, незабвенныя слова: «Сила не въ силѣ, сила—въ любви», выграви-

Императрица Марія Александровна и Ея Августѣйшіе младшіе сыновья.

(Къ стран. 213.)

рованныя на знакѣ Краснаго Креста, раздаваемомъ Ея Величествомъ своимъ ближайшимъ сотрудницамъ и сотрудникамъ.

Твердая опора, утѣшительница всѣхъ страдальцевъ во дни испытаній, Августѣйшая Покровительница и Руководительница великаго русскаго человѣколюбиваго движенія, подъ знаменемъ Краснаго Креста, наша обожаемая Монархиня ослабѣла, когда опасность миновала. Счастливая возвращеніемъ къ ней цѣлыми и невредимыми близкихъ, дорогихъ, она обезсилѣла, когда исчезла необходимость напрягать свои силы, поддерживать другихъ своимъ яснымъ, твердымъ спокойствіемъ.

Здоровье заботливой Матери земли русской стало быстро ухудшаться. Бывши всегда некрѣпкаго сложенія, она начала чахнуть отъ пережитыхъ заботъ, волненій, терзаній и за семью и за Русь, ей дорогую, близкую, какъ родная, кровная семья.

«Ни одна русская Императрица,» говорили современники, «не посвящала такъ всецѣло свою жизнь, каждый часъ своего существованія служенію родинѣ и семьѣ, какъ Императрица Марія Александровна».

Женскія школы, для всѣхъ доступныя, благотворительность, выливавшаяся во всѣ формы помощи въ мирное и военное время, подъ знаменемъ Краснаго Креста, наполняли всѣ дни, часы ея жизни, не посвящаемыя любимой, дорогой семьѣ. Очень любила Государыня, сидя за своей обычной работой для бѣдныхъ, слушать, какъ тотъ или другой изъ ея младшихъ сыновей читалъ ей послѣдній, вышедшій въ свѣтъ, русскій журналъ или литературную статью дневной газеты. Прекрасно знала Матушка-Царица родную исторію, родную литературу. Ея душа никогда не забывала

того, что любила, никогда не отвлекалась отъ своего призванія, никогда не слабѣла, не переставала бодрствовать! Строго неумолимая къ себѣ, она была сердечно снисходительна къ другимъ. Она умѣла понимать чужія страданія, умѣла, какъ никто, правдиво имъ сочувствовать, человѣчно приходить имъ на помощь. Ея сердце, ея умъ, ея душа были доступны всякому, кто любилъ «честно» Государя и Россію. Какъ православная Царица, она преклонялась предъ каждой обязанностью человѣка-христіанина и ни разу не поклонилась неправдѣ, въ какой бы формѣ она ни являлась!

Каждый, кто имѣлъ честь предстать передъ нашею Царицею, чувствовалъ, что входитъ въ атмосферу ума и сердца—безъ малѣйшей натяжки. Этотъ умный, внимательный, душевный и глубоко кроткій взглядъ Императрицы ставилъ представшаго передъ нею, какъ будто, передъ ея душою.

Искренно любила она родную Русь съ ея православіемъ, нравами, обычаями, доблестными свойствами народнаго характера. Неохотно покидала Государыня Россію, когда врачи посылали ее въ чужіе края. Горячо спорила и часто успѣшно настаивала на поѣздкахъ въ Крымъ, вмѣсто южныхъ побережій Европы.

Волненія, перенесенныя во время войны, и тяжелыя условія мира, подписанныя на Берлинскомъ конгрессѣ, довели ея силы до полнѣйшаго истощенія. Осенью 1879 г. доктора, общими усиліями, уговорили ее, Государь и Августѣйшія дѣти умолили уѣхать на зиму въ Канъ, въ южную Францію. Но больная Государыня не почувствовала тамъ ожидавшагося облегченія. Ее тянуло на родину. Ревностная христіанка, она стремилась домой, къ семьѣ, умереть въ своей Православной Россіи. Здѣсь ея силы стали еще быстрѣе падать, и 22 мая 1880 г. угасъ нашъ добрый геній, ангелъ-хранитель любимаго Царя! И въ осиротѣлой, покинутой ею Рос-

сіи вѣчно будетъ жить кроткій, идеальный образъ Царственной жены, великой христіанки, такъ твердо, такъ скромно водрузившей у насъ хоругвь Краснаго Креста.

Знакъ Краснаго Креста. (Лицевая и оборотная сторона).

ПОСОБІЯ:

1) *С. С. Татищевъ.* Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе.

2) *О. Іегеръ*, кн. IV. Новѣйшая Исторія, подъ редакціей М. М. Федорова и В. Ф. Боцановскаго.

3) *Н. Н Пироговъ.* Историческій очеркъ дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій Германіи въ 1870 г.

4) Редакція Русской Старины. 1881 г., кн. XXXI Императрица Марія Александровна. 1824—1880 гг.

5) *И. Пильцъ.* По полямъ битвъ и лазаретамъ. 1870 годъ.

6) *П. А. Илинскій.* Русская женщина въ войну 1877—1878 гг.

7) Систематическій Сборникъ Матеріаловъ. Основаніе Россійскаго Общества Краснаго Креста.

8) Путевыя замѣтки двухъ сестеръ Краснаго Креста, во время поѣздки за-границу, осенью 1870 года.

9) Вѣстникъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ за 1871, 1872, 1873 и 1874 гг.

10 Біографія Дюнана на нѣмецкомъ языкѣ.

11) *Алмазова.* Русскій Архивъ. 1892 г. Кн. II-я. Красный Крестъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Снова смута на берегахъ Вислы. 1

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. (Апрѣль — Августъ 1863 г.) 72

Александровскіе орлы парятъ надъ азіатской пустыней. 1864—1875 гг. 108

Русскій Красный Крестъ. 1866—1878 гг. 157